

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НАУКА И БИБЛИОТЕКА

Сборник научных трудов

Выпуск 12

Санкт-Петербург
2025

УДК 02:050
ББК 78.3я5
Н34

Рецензенты:

доктор исторических наук С.Н. Искюль,
кандидат технических наук Ф.М. Лурье

Редакционная коллегия:

Н.С. Андреева, И.М. Беляева, Н.Н. Елкина,
В.А. Клишева, Н.В. Колпакова (отв. ред.), М.П. Лепехин,
Р.Н. Ненашев, О.В. Скворцова, О.В. Холмогорова

Н34 Наука и библиотека: сборник научных трудов.
Вып. 12 / отв. ред. Н.В. Колпакова. — Санкт-Петербург: БАН,
2025. — 168 с.
(Серия: Летопись Библиотеки Академии наук).

ISBN 978-5-336-00346-8 (вып. 12)

Библиотека Российской академии наук продолжает издание сборников научных трудов в серии «Летопись Библиотеки Академии наук».

Двенадцатый выпуск научных трудов традиционно составляют труды сотрудников библиотеки, а также работы представителей других учреждений, тематически связанные с его проблематикой.

Леонов В.П. Даниил Владимирович Лебедев и Библиотека РАН (к 110-летию со дня рождения)	5
--	---

ДОКУМЕНТЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Бубнов Н.Ю. Археографические экспедиции как форма комплектования фондов Библиотеки Академии наук рукописями и старопечатными книгами	12
Федотова П.И. Был ли М.В. Ломоносов родоначальником современного антинорманизма?	20
Шепелева Е.В., Балакина А.А. Взаимодействие библиотек Академии наук СССР и библиотек союзных республик (по материалам совещаний их директоров)	35
Бекжанова Н.В. Систематический каталог Библиотеки Российской академии наук: три века истории	43
Юсупов Р.М., Вус М.А. Академическое издание «История информатики и кибернетики в Санкт-Петербурге (Ленинграде)»	52
Пригорицкая Ю.В. Африканистика в Академии наук	56

ИСТОРИЯ И КНИГА

Ронгонен С.Л. Академические издания первой половины XVIII века Славянского собрания (Национальная библиотека Финляндии)	64
Высоцкая С.В. Каталог маленькой британской библиотеки в Санкт-Петербурге: об одном издании XVIII века в фондах БАН	80
Цыганков С.Г. Печатный антиминс первой трети XVIII века из собрания Библиотеки Российской академии наук. Происхождение, идентификация и атрибуция	93
Дымская Д.Д. История латинского языка и систематизация литературы о нем в БАН	104
Ковриженко Е.В. Парижские палеотипы в Библиотеке Российской академии наук: заметки о происхождении некоторых экземпляров	110

ВЫДАЮЩИЕСЯ ЛИЧНОСТИ

- Зенкевич С.И., Балакина А.А.
Д.В. Тюличев и сектор БАН при ЛО ИИЕТ
(к 100-летию со дня рождения первого заведующего сектором) 117
- Вознесенская И.А.
Экземпляр каталога библиотекаря П.И. Соколова
из подсобной библиотеки НИОР БАН 124

ГОРОД И ЛЮДИ

- Киселёв А.А.
Об авиационной топонимике Московского и Приморского районов
Петербурга 129

ПРИЛОЖЕНИЕ

- Митрофанов В.В.
«Ну вот и я смиряюсь»: письменное общение Е.В. Балобановой
с Н.Н. и С.Ф. Платоновыми 134
- Содержание (китайский язык) 165

В.П. Леонов

ДАНИИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛЕБЕДЕВ И БИБЛИОТЕКА РАН (к 110-летию со дня рождения)

Леонов Валерий Павлович — доктор педагогических наук, профессор, научный руководитель Библиотеки Российской академии наук
Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: valleo@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Воспоминания Валерия Павловича Леонова, директора Библиотеки Российской академии наук в 1988–2016 гг. о предшественнике и друге — ученом Данииле Владимировиче Лебедеве, заместителе директора и директоре Библиотеки Академии наук (1949–1952 гг.). Рассказывается о непростом жизненном пути Даниила — Владимировича, его заслугах, увлечениях и характере.

Ключевые слова: Даниил Владимирович Лебедев, воспоминания, Библиотека Академии наук, биография.

Даниил Владимирович Лебедев (1915–2005) — выдающийся и известный ученый. Мой путь к знакомству и дружбе с ним лежал через Библиотеку академии наук. Он стал для меня олицетворением «великого антилысенковца» (Р.Л. Берг) и всей послевоенной жизни академической библиотеки. Печально и странно, что его имени нет в указателе «Истории Библиотеки Академии наук СССР. 1714–1964 гг.» [1].

Общаться постоянно с Даниилом Владимировичем я стал с 1987 года. Это был удивительный человек! Он принадлежал к поколению, которое нужно назвать «поколением победителей». Даниил Владимирович — участник Великой Отечественной войны, 80-летие Победы в которой мы отмечаем в 2025 году. Он начал службу в звании младшего лейтенанта в начале июля 1941 г. под Ленинградом, а завершил майором на Дальнем Востоке в сентябре 1945 г. Был награжден медалью «За оборону Ленинграда» (1943), орденом Отечественной войны I и II степени (1944 и 1945), орденом Красного Знамени (1945).

В учетно-послужной картотеке на сайте Минобороны еще указаны: медаль «За взятие Кенигсберга»; медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; медаль «За победу над Японией».

Я бы хотел обратиться к наградным листам [2], поскольку, как мне кажется, они характеризуют Даниила Владимировича не только на военной службе, но и на гражданской.

Вот как изложены его боевые подвиги и заслуги в трех наградных листах:

«В период боевых операций полка по освобождению Эстонской ССР от немецко-фашистских войск в бою с 9 марта 1944 г. юго-западнее Нарвы при наступлении на опорный пункт противника Сиргала лично организовал и обеспечил взаимодействие с приданными и поддерживающими средствами, сочетая их действие с действиями подразделений полка.

В ответственный момент боя, когда командование полка вышло из строя, сумел организовать работу штабов батальонов и штаба полка в обеспечении контроля за выполнением приказа командира.

Лично контролируя обеспечение и подготовленность подразделений к боевой готовности в обеспечении которых зависело успешное отражение контратаки противника.. В боевых операциях целиком и полностью Штаб полка мобилизовал для контроля и помощи командирам в организации современного боя.

Достоин правительственной награды Ордена Отечественной войны I степени. (22.04.1944)».

2. »В период наступательных операций с 14 по 18.1.45 года умело, грамотно и быстро подготовил оперативную документацию, правильно организовал взаимодействие, связь, и находясь все время в первых рядах наступающих, лично руководил в оперативном отношении проводимыми операциями и в ответственные моменты боя непосредственно сам командовал подразделениями. На протяжении всей операции обеспечивал оперативное руководство подразделениями полка.

Достоин правительственной награды: ордена Отечественной войны II степени (19.01.1945)».

3. »Во время боев по ликвидации Халун-Аршанского укреп. района и при преследовании противника от г. Халун-Аршан до г. Солунь умело организовал работу штаба полка по непрерывному управлению подразделениями полка в условиях подвижных форм боя, обеспечивая выполнение боевой задачи. При этом проявил личное мужество и стойкость, умение быстро и правильно ориентироваться в обстановке.

При штурме гарнизона противника, оставленного в доте на выс. 947,0, проявил личную храбрость, в результате чего гарнизон противника был полностью истреблен. Достоин правительственной награды — ордена Красного Знамени (25.08.1945)».

С точки зрения современных историков, мое поколение, спустя много лет, относится к поколению «детей победителей». Д.В. Лебедев преподавал мне важные уроки жизни: уроки принципиальности, честности, порядочности. Это забыть невозможно.

Предоставлю ему слово: «После ареста Николая Ивановича (Вавилова. — В.Л.) были арестованы наши учителя — Г.Д. Карпеченко, Г.А. Левитский, Л.И. Говоров. Я, как слишком активный антилысенковец, был исключен из аспирантуры, из комсомола. И когда я вернулся с фронта, мне некуда было идти работать по генетике, а у меня был интерес и опыт, и меня пригласили заведовать библиотекой в Ботанический институт. По-видимому, я неплохо работал, потому что через три года (май 1949 г. — В.Л.) меня назначили заместителем директора БАН, а через 20 дней, когда умер директор (И.И. Яковкин. — В.Л.), я стал исполняющим обязанности директора БАН. Моим непосредственным начальником был Сергей Иванович (Вавилов. — В.Л.). И я имел счастье неоднократно с ним общаться.

Надо сказать, что Сергей Иванович с исключительным вниманием относился к библиотечному делу. Ходил всегда, если можно, на заседания библиотечной комиссии Академии наук и всегда там выступал. После Сергея Ивановича были и другие президенты Академии наук, люди, ко-

торые достойно занимали этот пост... Но никто из них не уделял такого внимания и так не жил библиотекой. И когда Сергей Иванович приезжал в Ленинград, он очень часто приходил в нашу Библиотеку, и мы устраивали ему выставку интересных книг, которые он рассматривал с большим вниманием, с большим интересом.

Я неоднократно был у него на приеме: человек доступный, демократичный. Два раза пришлось докладывать на Президиуме, когда председательствовал Сергей Иванович. Вот несколько таких разговоров с ним.

Я уже полгода исполнял обязанности директора, ну и пришел к Сергею Ивановичу. После нескольких вопросов я сказал ему, что надо назначать директора. Он говорит: «Я хочу вернуться к тому положению, которое было раньше». Во главе библиотеки Академии наук должен стоять академик, а сейчас Д.В. Наливкин, крупный геолог, без работы*. Говорит, что во главе фундаментальной библиотеки общественных наук тоже надо поставить академика, есть И.М. Майский, он тоже сейчас без работы, а это вполне интеллигентный человек. Когда президент Академии наук как высшую хвалу академику указывает, что он вполне интеллигентный человек, это, конечно, производит впечатление.

И последнее о том, что мог сделать и что стремился сделать Сергей Иванович. Дело в том, что когда я был назначен исполняющим обязанности директора, то кадровики в штатском показали мне списочек из 100 человек сотрудников Библиотеки Академии наук, в котором кто еврей, кто дворянин, кто был репрессирован, в общем, люди «т а к и е». А в это время прошло «ленинградское дело» и одним из пунктов обвинения было — засорение идеологических кадров. И мне сказали, что нужно от этих товарищей освободиться. Ну и поскольку я освобождался от них плохо, так как большинство этих работников были лучшими работниками, то было найдено, что я тоже неподходящий человек и произошло следующее.

Была назначена комиссия, которая обследовала библиотеку во главе с членом-корреспондентом АН СССР Н.К. Пиксановым. Вице-президент Академии В.П. Волгин, председатель библиотечной комиссии, сказал мне: «Он хочет на Вашем трупе в академики пройти, он не пройдет все равно». Я видел, что дело складывается очень плохо, но выводов комиссии не знал. Потом меня пригласили в Москву вместе с комиссией и познакомили с ними, а там пункт первый — освободить от работы в Академии наук Лебедева, потом заместителя директора В.А. Петрова, потом К.И. Шафрановского и далее человек 10–15 лучших работников. Ситуация была такая, что на следующий день мне надо было докладывать состояние кадров на заседании Ученого секретариата, и я понимал, что дело худо.

Я пошел к Сергею Ивановичу, но мне сказали, что Сергей Иванович не может принять, потому что он сегодня уезжает в Ленинград. Я сказал, что буду все равно ждать. И когда я к нему пришел и рассказал это дело, он сказал: «Что они, с ума сошли?» и при мне позвонил А.В. Топчиеву.

* В мае 1950 г. новый директор БАН академик Дмитрий Васильевич Наливкин назначил Лебедева заместителем со следующим напутствием: «Работайте, а я буду приезжать раз в неделю и принимать жалобы на Вас» [3, с. 267].

И, во-первых, мне удалось сократить этот список до четырех человек, и, во-вторых, у меня была формулировка не «освободить», а «указать». Короче говоря, кончилось тем, что осталось четыре человека, а напоследок я еще одного человека сохранил. Но когда 26 января 1951 года меня в 7 часов утра разбудили звонком и сообщили, что скончался Сергей Иванович, мне было ясно, что моя песенка спета. И действительно, скоро я был снят с работы, исключен из партии и т.д. И тот человек, которого я сохранил тогда, тоже был уволен. Потом все кончилось благополучно после смерти нашего «вождя и учителя» [4, с. 48–52].

Говоря о снятии с работы и исключении из партии, Даниил Владимирович имеет в виду Постановление № 140 Президиума АН СССР от 27 марта 1953 г.: «О мерах по устранению недостатков в деле хранения, учета и сохранности библиотечных фондов в Библиотеке АН СССР». Первые четыре пункта Постановления и сегодня звучат зловеще.

1. *За преступно халатное отношение к своим обязанностям, приведшее к развалу работы по учету и хранению фондов Библиотеки, снять с работы и уволить из Академии наук Д.В. Лебедева.*

2. *За недопустимо халатное отношение к организации учета и хранения библиотечных фондов... снять с должности заместителя директора Библиотеки и уволить из АН СССР к.и.н. В.А. Петрова.*

3. *За халатное отношение к служебным обязанностям... уволить из Библиотеки и из Академии наук бывшего ученого секретаря Библиотеки Н.В. Новикова и бывшего ученого секретаря Библиотеки К.И. Шафрановского.*

4. *За безответственное отношение к учету, хранению и обработке особых фондов Библиотеки снять с работы и уволить из Академии наук СССР бывшего заведующего особыми фондами М.М. Гуревича...*

Я часто бывал дома у Даниила Владимировича и Ирины Васильевны Гудовшиковой. Они всегда интересовались, чем и как живет БАН, давали нужные советы. После февральского пожара я предложил профессору Ю.А. Петросяну — председателю библиотечного совета при Президиуме СПб НЦ ввести в состав совета Д.В. Лебедева и Юрий Ашотович согласился. Авторитет Даниила Владимировича в библиотечном академическом сообществе был достаточно высок. Это было очень важное решение.

Уже потом, два года спустя, когда началась новая волна критики и появилось небезызвестное письмо академика Д.С. Лихачева, Д.В. Лебедев на специальном заседании Библиотечного совета выступил в мою защиту. Он сказал: «Письмо Лихачева основано на слухах и не соответствует действительности... Мы должны обсуждать не письмо, а то, как принципиально решить с обменом, какова сегодняшняя цена книг? Считаю, что нужно включить в экспертную комиссию иностранных специалистов». Предложение Лебедева было поддержано...

Вспомню еще один эпизод нашего общения для понимания мудрости Даниила Владимировича. В 1988 г. писатель Д.А. Гранин в газете «Советская культура» (21 июня) и в сборнике «Иного не дано» с фундаментальным подзаголовком «Судьбы перестройки. Вглядываясь в прошлое. Возвращаясь к будущему» опубликовал статью «Кого мы прячем? Зачем?» [5, с. 343–353]

В дни февральского пожара 1988 года, не видя никогда меня в глаза и даже не пытаясь встретиться в БАН, Д. Гранин собирал информацию о пожаре «на заднем дворе библиотеки», общаясь преимущественно со студентами, которые разбирали завалы из сгоревших и обгоревших газет и книг, выброшенные пожарными. Как утверждал затем Д. Гранин, дирекция «продолжала упорно обманывать общественность».

Даниил Владимирович и Даниил Александрович были старыми друзьями в течение довольно долгого времени. 5 января 2000 года Лебедеву исполнилось 85 лет. Он пригласил меня к себе домой отметить это событие. Я с удовольствием принял приглашение. Войдя в квартиру, увидел там еще одного гостя. Это был писатель Д.А. Гранин. После приветствия Гранин, глядя мне в лицо, спросил: «Вы кто?» Я представился: «Валерий Павлович Леонов, директор Библиотеки Академии наук». Возникла пауза, видимо, Гранин начал что-то вспоминать...

Потом, сидя за праздничным столом, Даниил Владимирович очень тактично перевел тему разговора в русло библиотечного и книжного дела, современного его состояния и проблем. В основном спрашивал Гранин, отвечал я. Порой он замечал: «Это очень интересно, что Вы говорите». Впоследствии ни Гранин, ни я не возвращались к этой встрече, но в душе у меня осталось чувство благодарности к Даниилу Владимировичу за такой непростой с его стороны поступок по отношению к старому другу.

БАН для Д.В. Лебедева была местом, где он чувствовал себя комфортно и уверенно, где его знали и уважали. Особенно любил в Библиотеке справочно-библиографический отдел и выставку новых поступлений. Когда ему стало трудно ходить, мы начали два раза в неделю привозить Даниила Владимировича на машине в БАН на несколько часов для общения с друзьями и книгами. Эти поездки нас особенно сблизили и стали своеобразной формой диалога.

Вспоминаю дружеское общение Даниила Владимировича в БАН с Ростиславом Николаевичем Здобновым на заседании редакционного совета по подготовке комментированного издания «Истории русской библиографии до начала XX века», написанной отцом Ростислава Николаевича — выдающимся библиографоведом Николаем Васильевичем Здобновым. Для такой встречи были серьезные основания. Даниил Владимирович вместе с К.И. Шафрановским, Д.Л. Марголиной и В.А. Петровым в свое время проделали большую работу по подготовке второго издания монографии, вышедшей в Академии наук в 1951 году...

Имя Даниила Владимировича Лебедева навсегда связано с биографией БАН. Летом 2005 года его не стало. После прощания, придя домой, я сделал краткую запись: «19 июня 2005 г. Сегодня прощались с Даниилом Владимировичем Лебедевым. Грустно, тяжело... В крематории было около 70 человек. Потом поминки дома в опустевшей теперь без него и Ирины Васильевны квартире... Я думаю, он остался бы доволен. Собрать в Троицу, в воскресенье столько людей, прекрасных и разных. Вечная ему память...»

P.S. В 2014 году вышла в свет книга воспоминаний друга и коллеги Д.В. Лебедева, профессора Э.И. Колчинского «Так вспоминается...» [6].

В ней есть глава, посвященная Д.В. Лебедеву «Великий антилысенковец». Мне показалось уместным опубликовать заключительный фрагмент этой главы:

«Лебедев был председателем правления Общества книголюбов и не мог уйти из магазина, не купив книги. Его большая 4-комнатная квартира была уставлена книгами, справочниками, энциклопедиями. Только при мне он несколько раз сдавал свои книги в академические библиотеки, но вскоре вновь приобретенные заполняли всю его квартиру. Такой же любительницей книг была его жена библиограф Ирина Васильевна Гудовщикова, доктор наук. Каждый, кто бывал в их доме, был поражен горящим огнем любви, порядочности, гражданской мужественности и разума этих людей. В этом доме собирались очень известные люди Санкт-Петербурга.

Уже само общение с подобным человеком и его супругой было постоянным уроком научного мастерства и нравственности. Борец за чистоту науки, знаток книг, литературы и языков, эрудит высокого класса, отличный стилист и душа общества — все эти характеристики далеко не исчерпывают многогранный облик Д.В. Лебедева. Он знал десятки европейских языков, постоянно покупал иностранные газеты. Я называл себя его учеником, он не возражал против этого. Он многому научил меня в жизни, в том числе и необходимости постоянно все проверять. Даниил Владимирович говорил, что каждый историк должен следовать двум правилам: «Первое — никому не верь. Второе — не верь самому себе». На всю жизнь я запомнил шуточные, но всегда точные замечания Лебедева и многократно убеждался в их правильности. Вот, например: «Высшее образование обостряет все способности человека, в том числе глупость и подлость», «Процент дураков всегда одинаков в любом обществе — от дворников и разнорабочих до академиков и министров», «Для этого мало быть сволочью, надо еще быть и дураком», «Надо бы написать книгу «Академология», уделив центральное внимание тому, кто, почему, за что, как и сколько стал академиком».

Он не написал такую книгу. Но актуальность темы продемонстрировал Ю.А. Золотов, опубликовавший в 2011 г. замечательную книгу «Выборы в Академии наук», представляющую собой некий характерный конгломерат фактов, оценок и легенд» [6, с. 283–284].

Список источников

1. История Библиотеки Академии наук СССР. 1714–1964 / Акад. наук СССР. Б-ка. Москва; Ленинград: Наука. [Ленингр. отд-ние], 1964. 599 с., 9 л. ил.: ил.
2. Лебедев Даниил Владимирович // ИСК «Память народа» — Интерактивный сайт-карта «Память народа» / Министерство обороны РФ; Корпорация «ЭЛАР». URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero93752941/> (дата обращения: 20.02.2025 г.)
3. Лебедев Д.В. Из воспоминаний антилысенковца с довоенным стажем // Репрессированная наука / под общ. ред. проф. М.Г. Ярошевского. Ленинград, 1991. С. 264–282.
4. Воспоминания Д.В. Лебедева // Братья Николай и Сергей Вавиловы: Вечер воспоминаний из цикла «Былое и думы» Ленинградского отделения Советского фонда культуры 6 января 1989 года. Москва, 1991. С. 48–52.

5. Перестройка: гласность, демократия, социализм. Иного не дано: судьбы перестройки. Вглядываясь в прошлое. Возвращаясь к будущему / под общ. ред. Ю.Н. Афанасьев. Москва: Прогресс, 1988. 680 с.

6. Колчинский Э.И. Так вспоминается... Санкт-Петербург: Нестор История, 2014. 572 с.: ил.

LEONOV V.P. Daniil Vladimirovich Lebedev and the Russian Academy of Sciences Library (dedicated to the 110th anniversary of his birth)

Leonov Valery — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Scientific supervisor Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: valleo@mail.ru

ABSTRACT

Memoirs of Valery Pavlovich Leonov, Director of the Russian Academy of Sciences Library in 1988–2016 about his predecessor and friend, scientist Daniil Vladimirovich Lebedev, deputy director and director of the Academy of Sciences Library (1949–1952). It tells about the difficult life of Daniil Vladimirovich, his merits, hobbies and character.

Key words: Russian Academy of Sciences Library, Daniil Vladimirovich Lebedev, biography, memory.

Н.Ю. Бубнов

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ КАК ФОРМА КОМПЛЕКТОВАНИЯ ФОНДОВ БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК РУКОПИСЯМИ И СТАРОПЕЧАТНЫМИ КНИГАМИ

Бубнов Николай Юрьевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, научно-исследовательский отдел рукописей, Библиотека Российской академии наук
Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: n.bubnov@list.ru

АННОТАЦИЯ

Работа подводит итог почти полувековой археографической деятельности сотрудников Библиотеки Академии наук (1952–1994 гг.) в различных регионах России и сопредельных стран. Ее целью являлось комплектование фондов рукописями и старопечатными книгами кириллического шрифта и письма. Наряду с кратким перечнем основных достижений археографов БАН, в статье рассмотрены проблемы современной археографии и тенденции ее развития в контексте изменения условий работы археографических центров современной России.

Ключевые слова: Археографические экспедиции, рукописи, старопечатные книги, библиотеки и архивы, книжные фонды, старообрядцы, этнографические исследования, Библиотека Академии наук.

Археографические экспедиции Библиотеки Академии наук осуществлялись в период с 1952 по 1994 г. силами небольшого коллектива сотрудников Отдела рукописной и редкой книги. За этот сорокалетний период Библиотекой РАН было организовано около 70 экспедиций и кратковременных выездов в разные районы Европейской части СССР. Благодаря деятельности экспедиций, для Библиотеки было приобретено около 2 300 рукописных книг XIV–XX вв. и свыше 1000 книг кириллической печати XVI–XX вв. [1, с. 321–339; 9, с. 11–23]. Экспедиционная форма комплектования БАН редкими книгами показала свою эффективность и значительно пополнила ее фонды. Во 2-й половине XX века эта форма непосредственного контакта с держателями старинных книг стала доминирующей по сравнению с довоенным периодом, когда преобладали покупки Библиотекой коллекций частных собирателей. За исключением экспедиционных находок, в последние десятилетия XX столетия Библиотека приобрела только две крупные частные коллекции рукописей и книг: ярославского инженера В.В. Лукьянова (в 1964 г.) [5, с. 7–13] и московского старообрядческого наставника М.И. Чуванова (в 1989 г.) [21, с. 14–26], а также две архивные коллекции старой бумаги филиграноведов С.А. Клепикова (1978 г.) [3, с. 287–294] и Г.А. Енша (в 1985 г.) [4, с. 360–373].

Традиция собирания старинных рукописей и книг на Севере России для научных целей восходит к инициативе первого заведующего Отделом рукописей БАН В.И. Срезневского, осуществившего в 1901–1905 гг. несколько успешных археографических поездок на Север России [19, с. 214–

245]. Последующие бурные события отечественной истории на долгие годы прервали народившееся начинание по приобретению важных исторических источников непосредственно из рук частных владельцев. Возобновить археографические поездки удалось лишь В.И. Малышеву накануне Отечественной войны в связи с темой поисков материалов творческой биографии мятежного протопопа Аввакума, сожженного вместе со своими сторонниками в Пустозерском остроге [20, с. 401–405].

Первая экспедиция БАН в послевоенные годы была организована заместителем директора БАН, историком В.А. Петровым. Зимой 1952 г. он вместе с ленинградским старообрядцем Ф.А. Каликиным, реставратором икон Эрмитажа, известным любителем книжной старины, посетил города Двинск и Ригу. Здесь издавна жило много старообрядцев — хранителей книжной старины, и с ними был налажен первый контакт [29, с. 493–496]. Однако продолжить археографические экспедиции БАН удалось лишь А.И. Копаневу, пришедшему на службу в Отдел рукописной и редкой книги в 1953 г. и вскоре возглавившим этот Отдел. В 1959 и 1960 гг. А.И. Копанев принял участие в двух археографических экспедициях. А.И. Копанев совместно с сотрудником Пушкинского Дома Л.А. Дмитриевым посетил Карельское Беломорье, где жило много старообрядцев-поморцев, ценителей и хранителей старинных книг [15, с. 531–544; 16, с. 411–419]. Обе экспедиции оказались успешными, хотя район сильно пострадал из-за событий прошедшей войны. Начиная с 1965 г., экспедиции БАН на Север стали совершаться почти ежегодно и привозили в Библиотеку много старинных рукописей и книг, датированных XV–XVIII вв. [8, с. 40–73]. Особенно успешными оказались поездки в Каргопольский район Архангельской области, где в окрестностях г. Каргополя участниками экспедиции 1965 г. была обнаружена крупная община старообрядцев-странников (бегунов), с которыми удалось наладить контакт [10, с. 199–205]. Большую помощь в работе участникам экспедиций БАН оказал М.И. Залесский, бывший скрытник, много лет проведенный в ГУЛАГ-е, а на пенсии ставший историком скрытничества — радикального религиозного течения, адепты которого не признавали ни официального православия, ни государственной власти [32, с. 306–312]. М.И. Залесский передал в Библиотеку автобиографию и большую часть своих сочинений о каргопольских скрытниках в оригиналах и в переписанных им авторских копиях. Экспедиции 1975 г. удалось найти и приобрести для БАН целую небольшую библиотеку скрытнического скита в д. Залесье, где с середины XIX и до начала 30-х гг. XX в. действовала книгописная и переплетная мастерская [7, с. 133–143].

Помимо рукописей, важным результатом археографических экспедиций БАН на Север стали десятки старопечатных книг XVI — 1-й половины XVII вв., напечатанных в Москве, Вильне, Львове и Киеве до начала церковной реформы патриарха Никона, раньше редко попадавших в государственные библиотеки. Как оказалось, многие из этих изданий отсутствовали в БАН и других крупных книгохранилищах, многие книги имели интересные владельческие записи, ставшие новым источником для изучения быта и читательских интересов северных крестьян [17, с. 394–399; 18, с. 387–391].

К концу 60-х гг. стало заметно, что количество новых находок рукописей в Каргополье и Поморье заметно упало, особенно редко археографам БАН стали встречаться книжные древности. Это грозило прекращением финансирования археографических экспедиций и подвигло археографов БАН к расширению поисков старых книг на территории соседних регионов — Вологодской и Калининской (Тверской) областей. В 1968 г. А.И. Копанев ездил по делам службы в Кировскую область и привез оттуда четыре ценные старообрядческие рукописи. Так был открыт для исследователей Вятский книжный клондайк, куда ранее не ступала нога археографа [27, с. 204–206]. Экспедиции, организованные БАН на Вятку в 1969 и 1970 г., стали особенно успешны. Большинство рукописей и книг было найдено и приобретено в старообрядческих общинах поморцев, федосеевцев, филипповцев и последователей Белокриницкой церковной иерархии. Помимо рукописей, у местных старообрядцев оказалось много старообрядческих изданий XVIII–XX вв., напечатанных в заграничных и местных «подпольных» типографиях, с подложными выходными данными. Особенно интересной оказалась находка изданий старообрядческой крестьянской типографии, действовавшей в с. Старая Тушка с 90-х гг. XIX в. до 20-х гг. XX в. во главе с печатником Лукой Арефьевичем Гребневым [11; 12, с. 465–484]. До 1905 г. эта типография печатала книги подпольно без указания места и года издания, а затем продолжила свою деятельность легально вплоть до Октябрьской революции. Найдена типография Л.А. Гребнева и материалов о печатнике очень заинтересовала местных вятских и уральских ученых и книголюбов, написавших об этом старообрядческом издателе и иконописце несколько интересных исследований [33]. Работа ленинградских археографов на Вятке продолжалась с перерывами вплоть до 1994 г., в тесном взаимодействии с уральскими археографами. Много старинных рукописей удалось получить от коллекционеров и в самом г. Кирове, где до революции существовало общество любителей книги при Вятском Трифоновском церковно-археологическом музее (БАН. Вятск. собр. №№ 72 и 73).

В 1971–1972 гг. археографы БАН предприняли две успешные экспедиции на Украину: в Винницкую, Черновицкую и Одесскую области. Наибольшим успехом здесь стало обнаружение в буковинском селе Белая Криница части библиотеки Белокриницкой старообрядческой митрополии в количестве более 60 томов. Библиотека была спрятана руководителями местной старообрядческой общины после поспешного бегства последнего Белокриницкого митрополита в 1944 г. в Румынию, где он вскоре и умер. Выморочная «ученая» библиотека, состоящая преимущественно из богословских, юридических и исторических рукописных трактатов, сельской старообрядческой общиной не использовалась и ее руководители охотно продали старые книги за скромную плату научной Академической библиотеке, опасаясь, что эти «святые книги» могут попасть в музей, где будут выставлены «на посмеяние» атеистам [13, с. 265–275]. В последующие 70–80-е гг. экспедиции археографов БАН продолжились на территории Украины, Ростовской области, краев, областей и республик Северного Кавказа и Нижнего Поволжья [24, с. 142–157].

В 1974 г. археографы БАН предприняли поездку в Ригу и Литву, приняв участие в всероссийском съезде старообрядцев-беспоповцев в Вильнюсе

[14, с. 129–141]. Завязавшиеся связи с руководством старообрядческих общин Прибалтики помогли в последующих экспедициях приобретать старые книги у старообрядцев Латвии и Литвы. В 1977 г. руководство Рижской Гребенщиковской общины согласилось передать в БАН небольшую (14 ед.), но чрезвычайно ценную для ученых коллекцию рукописей XV–XVIII вв. из своей Книжницы [6, с. 97–104]. Большую помощь в работе на территории Латвии и Литвы нам в этом году и в последующие годы оказывал рижский ученый, старообрядец И.Н. Заволоко.

В середине 1970-х гг. стало заметно резкое оскудение кириллической книжности в разрабатываемых археографами БАН северных регионах. Рукописные кодексы XV–XVII вв. и старопечатные книги XVI–XVII вв. с годами становились большой редкостью и основной привоз экспедиций ограничивался рукописями и изданиями XIX–XX вв. Особенно это стало видно участникам вятских экспедиций, продолжившихся вплоть до 1994 г. Несмотря на то, что привозимых рукописей стало заметно больше, это были преимущественно небольшие тетрадки, отдельные документы и выписки из книг, преимущественно богослужебного содержания, духовные стихи и распевы. Эти находки было уже трудно назвать достижениями классической археографической науки, нацеленной на поиски старинных книг. В своем большинстве новые приобретения отображали сохранившуюся в регионе средневековую традицию книгописания, законсервированную в старообрядческой среде в условиях вековых запретов на книгоиздательскую деятельность. Разработка подобного концепта стала относиться, скорее, к одному из разделов этнографической науки.

К концу 60-х гг. XX в. к археографической работе «в поле» стали подключаться многие российские университеты. Этому способствовал фактический запрет государства на разработку научных тем по истории религии и, в частности, старообрядчества. При Московском, Екатеринбургском, Новосибирском, Сыктывкарском и других университетах и научных центрах стали возникать археографические лаборатории с устойчивым штатом сотрудников, отдельным финансированием, возможностью привлекать студентов для прохождения полевой практики. В экспедициях стали участвовать университетские преподаватели — специалисты разных отраслей знаний. Представители этнографической науки также начали включать деятельность современных старообрядческих общин в сферу своих научных интересов.

Создавшиеся благоприятные «внешние» условия для экспедиционной работы и возникшая конкуренция между археографическими центрами подтолкнули некоторых исследователей к регламентированию книжного собирательства и созданию самостоятельной научной отрасли: «Комплексной полевой археографии». В 70–80-х годах XX в. между представителями археографических центров, осуществлявших археографические экспедиции, состоялись обсуждения и возникла дискуссия о задачах и методике экспедиционной работы. Инициатором нового подхода к полевой археографической практике выступила археографическая лаборатория МГУ. Предложения, выдвинутые Ириной Васильевной Поздеевой и ее коллегами — московскими археографами, сводились к усилению регламентации экспедиционной деятельности и комплексного подхо-

да к изучению культуры и быта главных хранителей письменного наследия Древней Руси — старообрядцев. Фактически археографы МГУ выступили инициаторами становления нового научного направления, практика и предварительные итоги которого были изложены И.В. Поздеевой на международной конференции [30, с. 12–20]. Выдвинутые московскими археографами идеи были интересны, многие предложения заслуживали рассмотрения, однако однозначной поддержки инициативы МГУ не получила. Возражения, выдвинутые старыми археографическими центрами в разные годы (ИРЛИ, БАН, УРГУ) сводились к недостатку научных сил, материальных средств и подготовленного «человеческого капитала» у большинства из них [2, с. 5–19]. Нечего и говорить о том, что малочисленные экспедиции ленинградцев (обычно 1–3 участника) не имели возможности привлечь в состав экспедиции специалистов различных научных профилей. Получилось так, что материальными и научными возможностями реализовать предложенную комплексную программу исследований имел возможность преимущественно лишь Московский университет, сумевший продемонстрировать «в поле» выдающиеся успехи [31, с. 38–52].

Между тем, такие «старые» археографические центры, как БАН и ИРЛИ никогда не обладали вышеперечисленными преимуществами. Археографическая работа «в поле» велась научными сотрудниками, загруженными повседневной библиотечной и архивной работой и не имевшими возможности уделять много времени и сил подготовке экспедиционных маршрутов, переписке с другими центрами и Археографической комиссией РАН. Еще В.И. Малышев отмечал, что археографическая работа с населением в некотором роде интимна и «требует тишины» [22, с. 49–50]. Излишняя шумиха в прессе мешает экспедициям, направляя в «разрекламированные» регионы толпы ложных «любителей старины» — спекулянтов, «взвинчивает» стоимость книжных раритетов на местах, делая их покупку недоступной для представителей государственных учреждений культуры, «пугает» любящих тишину сельских отшельников-книголюбов.

Парадокс заключался в том, что оформление основных положений новой научной отрасли «комплексная полевая археография» совпало с оскудением экспедиционных привозов, т.е. фактически с постепенной утратой самого объекта комплексных археографических исследований. В виду отсутствия на местах средневековых книг старше XVIII столетия, выезд «в поле» широкого «спектра» специалистов разного профиля, включая палеографов, лингвистов, музыковедов, искусствоведов и реставраторов, терял на практике всякий смысл. Археографы все в большей степени переключались на этнографический концепт — исследование старообрядцев как наследников средневековой книжной культуры и фольклора. Если последователи классической формы полевой археографии ограничивались фиксации места находок книг и профессиональной принадлежности их прежних владельцев, то новые установки требовали углубленного изучения среды бытования книжных находок. «Получалась как бы перемена объекта исследования, изучение старообрядчества — это главное, а рукописи — дополнительный момент» [34].

В новых условиях перед археографами БАН также встала задача расширения практики работы археографических экспедиций. Одной из таких новых задач стало обследование книгохранилищ (музеев, архивов и библиотек) различных регионов для выявления и приведения в известность хранящихся там книжных раритетов и документов. Реализацией одной из таких задач стала «Вологодская программа», организованная с участием БАН под руководством А.А. Амосова [26, с. 53–75]. Финансирование этой программы взял на себя Вологодский облисполком. В итоге Вологодской программы, привлечшей большое число добровольных участников, осуществлявшейся в 1981–1985 гг., было выпущено восемь томов каталогов-описаний: «Памятники письменности в музеях Вологодской области». Последний том каталога: «Книжная традиция Кубеноозерья» был составлен и издан в 2001 г. по инициативе и при участии сотрудника Археографической комиссии В.В. Морозова, активного участника «Вологодской программы» [28]. Сходную программу запланировал и Отдел истории книги БАН, сотрудник которого И.Ф. Мартынов в 1970–80-х гг. организовал несколько поездок по обследованию архивов и библиотек Украины и Юга России для выявления хранящихся там книжных раритетов [25, с. 164–172].

Со времени окончания активной фазы археографических находок и приобретений Академической библиотеки прошло уже более 30 лет. За эти десятилетия вышло из печати несколько томов описаний систематической серии БАН, в которой получили отражение многие из вновь приобретенных рукописей исторического, юридического, литературного, поэтического и музыкального содержания, книги старой печати.

В задачу «древников» БАН, как и работников древлехранилищ других библиотек и архивов, входит общая оценка вклада достижений полевых археографов, измеряемого не только количественными и качественными характеристиками привезенных из экспедиций книжных раритетов, но и их местом и ролью в общем круге имеющихся исторических источников. Эта задача представляется нам особенно важной в виду того, что и само книжное собирательство древних письменных памятников возникло на фоне острого дефицита источников для многих сфер исследований гуманитарного профиля: древнерусской письменности и литературы, культурологических штудий, истории православной церкви и старообрядчества.

Ученое сообщество России и мира уже имело возможность использовать многие из вновь найденных источников в разнонаправленных исследованиях славянских культур. На основе собранных в РО БАН территориальных рукописных собраний стали возможны не только исследования по многим научным направлениям, но и комплексное изучение книжной культуры нескольких северных регионов, реконструкция интеллектуальной и духовной жизни наших предков. Рукописный отдел БАН охотно принимает всех исследователей древнерусской письменности и культуры, раскрывая перед ними собранные в его стенах книжные богатства. Особенного поощрения и внимания заслуживают посещающие Отдел старообрядцы, которым, на наш взгляд, давно пора самим озаботиться изучением и изданием своего богатого духовного наследия [8, с. 63–70].

Список источников

1. Амосов А.А. Экспедиционная работа Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки АН в послевоенный период // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН. 1990 / под ред. Л.И. Киселевой. Санкт-Петербург, 1994. Вып. 4. С. 321–339.
2. Амосов А.А., Бударягин В.П., Морозов В.В. Пихоя Р.Г. О некоторых проблемах полевой археографии (в порядке обсуждения) // Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. Свердловск, 1983. С. 5–19.
3. Анфертьева А.Н. Личный фонд Сократа Александровича Клепикова в Рукописном отделе // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. Санкт-Петербург, 2013. С. 287–294.
4. Анфертьева А.Н. Филиграновед из Латвии Г.А. Енш и его рукописное наследие в Рукописном отделе Библиотеки РАН // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. Санкт-Петербург, 2006. С. 360–373.
5. Белова Л.Б. Собрание Владимира Васильевича Лукьянова в Отделе рукописей БАН // Петербургская библиотечная школа, 2017. № 3 (59). С. 7–13.
6. Бубнов Н.Ю. Рукописи из собрания Рижской Гребенщицкой общины в Библиотеке АН // Книжное дело в России в XVI–XIX вв.: Сб. науч. тр. Ленинград, 1980. С. 97–104.
7. Бубнов Н.Ю. Духовное наследие каргопольских странников // Христианство и Север. Москва, 2002. С. 133–143.
8. Бубнов Н.Ю. К истории полевой археографии: 1. Экспедиции Библиотеки РАН в Каргополь и Поморье (1959–1990 гг.) // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. Санкт-Петербург, 2013. С. 40–73.
9. Бубнов Н.Ю., Беляева И.М. Рукописный отдел: основные направления научной работы // Современные проблемы археографии. Вып. 2. Сб. статей по материалам конференции к 300-летию БАН 21–24 окт. 2014 г. Санкт-Петербург, 2016. С. 11–23.
10. Бубнов Н.Ю., Копанев А.И. Отчет об археографической экспедиции Библиотеки АН 1965 г. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги. Москва; Ленинград: БАН, 1966. С. 199–205.
11. Бубнов Н., Мартынов И. Кировская правда, 1970. Декабрь 1.
12. Бубнов Н.Ю., Мартынов И.Ф. Археографические экспедиции Библиотеки АН 1969 и 1970 гг. в Кировскую область // Сборник статей и материалов БАН по книговедению [Вып.] III. Ленинград: БАН: 1973. С. 465–484.
13. Бубнов Н.Ю., Мартынов И.Ф. К истории библиотеки Белокриницкой старообрядческой митрополии (По итогам археографических экспедиций ОРПК БАН 1971–1972 гг.) // Археографический ежегодник за 1972 год. Москва, 1974. С. 265–275.
14. Бубнов Н.Ю., Мартынов И.Ф., Петрова Л.А. Археографическая экспедиция Библиотеки АН 1974 г. в Литву // Рукописные и редкие печатные книги в фондах Библиотеки АН: Сборник науч. трудов БАН. Ленинград: БАН, 1976. С. 129–141.
15. Дмитриев Л.А., Копанев А.И. Археографическая экспедиция в Беломорский, Кемский и Лоухский районы Карельской АССР летом 1959 г. ТОДРЛ. Т. 17. Москва; Ленинград, 1961. С. 531–544.
16. Дмитриев Л.А., Копанев А.И. Археографическая экспедиция в Мурманскую область и Карельскую АССР летом 1960 г. 1960 г. // ТОДРЛ. Т. 18. Москва; Ленинград, 1962. С. 411–419.
17. Копанев А.И. Книжность северной волости XVI–XVII вв. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. Москва, 1967. С. 394–399.
18. Копанев А.И. Новые записи на древнерусских книгах // ТОДРЛ. Т. 24. Ленинград, 1969. С. 387–391.
19. Копанев А.И. Всеволод Измаилович Срезневский — библиотекарь Академии наук // Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению. Ленинград, 1973. Вып. 3. С. 214–245.
20. Кукушкина М.В. Рукописи БАН, собранные при участии В.И. Малышева // Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Ленинград, 1972. С. 401–405.

21. Лепехин М.П. О поступлении в Отдел рукописной и редкой книги БАН собрания М.И. Чуванова // Петербургская библиотечная школа № 2 (46). Санкт-Петербург, 2014. С. 14–26.
22. Малышев В.И. Оградить ценности от спекулянта! // «Человек и закон», 1974, № 2. С. 49–50.
23. Маркелов Г.В. Иван Никифорович Заволоко // Старообрядческий церковный календарь на 1985 г. Рига, 1984. С. 65–66.
24. Мартынов И.Ф. Итоги археографического обследования Северного Кавказа и Нижнего Поволжья в 1975–1976 гг. // Рукописные и редкие печатные книги в фондах Библиотеки АН. Ленинград: БАН, 1976. С. 142–157.
25. Мартынов И.Ф., Сыщиков А.Д. К вопросу о предмете и методе истории книги, как комплексной научной дисциплине (по вопросу статьи Пауля Раабе) // Книжное дело в России в XVI–XIX веках. Сб. науч. тр. Ленинград: БАН, 1980. С. 164–172.
26. Морозов Б.Н. А.А. Амосов во главе «Вологодской программы» (воспоминания участника) // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. Вып. 8. Санкт-Петербург, 2020. С. 53–75.
27. Мосин А.Г. К 25-летию археографического открытия Вятки // Археографический ежегодник за 1992 г. Москва, 1994. С. 204–206.
28. Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель. Часть I. Вып. 3. Книжная традиция Кубеноозерья // отв. сост. А.А. Амосов; сост.: Н.Ю. Бубнов, Н.Д. Лабичева, Н.Н. Малинина, В.В. Морозов, Л.А. Петрова, Ф.В. Панченко; под общ. ред. П.А. Колесникова. Вологда, 2001.
29. Петров В.А. Археографическая поездка в города Даугавпилс и Ригу Латвийской ССР для сбора рукописей // ТОДРЛ. Т. 10. 1954. С. 493–496.
30. Поздеева И.В. Комплексные исследования современной традиционной культуры русского старообрядчества. Результаты и перспективы // Мир старообрядчества. Вып. 4. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. Сб. науч. трудов. Москва, 1998. С. 12–20.
31. Поздеева И.В. Археография в Государственном московском университете // Современные проблемы археографии. Вып. 2. Сб. статей по мат. конф. к 300-летию БАН 21–24 окт. 2014 г. Санкт-Петербург: БАН, 2016. С. 38–52.
32. Прокуратова Е.В. История страннического согласия в сочинениях старообрядческого книжника М.И. Залесского // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. Санкт-Петербург, 2006. С. 306–312.
33. Семибратов В.К. Книжник, изограф, писатель: штрихи к творческой биографии Л.А. Гребнева. Киров, 2018.
34. https://ruvera.ru/articles/konferenciya_mgu_2024/

BUBNOV N.I. Archaeographical expeditions as a form of acquisition of the collections of the Academy of Sciences Library with manuscripts and old printed books

Bubnov Nicolay — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Research Department of Manuscripts, Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: n.bubnov@list.ru

ABSTRACT

The work summarizes the half-century of archaeographic activity of the staff of the Academy of Sciences Library (1952–1994) in various regions of Russia and neighboring countries with the aim of completing the funds with manuscripts and early printed books in Cyrillic font and script. Along with a brief list of the main achievements of the RASL archaeographers in identifying and acquiring new sources for humanitarian research, the article considers the problems of modern archaeography and the trends of its further development in the context of changing working conditions of archaeographic centers in modern Russia.

Keywords: Archaeographic expeditions, manuscripts, early printed books, libraries and archives, book funds, Old Believers, ethnographic research, Academy of Sciences Library.

П.И. Федотова

БЫЛ ЛИ М.В. ЛОМОНОСОВ РОДОНАЧАЛЬНИКОМ СОВРЕМЕННОГО АНТИНОРМАНИЗМА?

Федотова Полина Игоревна — кандидат философских наук, независимый исследователь
Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: polinafedotova@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются взгляды на варяжский вопрос русского ученого-энциклопедиста М.В. Ломоносова. Автор оспаривает традиционное представление о Ломоносове как родоначальнике концепции славянского происхождения варягов и основоположнике современного антинорманизма. Гипотеза славянского происхождения варягов была впервые высказана С. Герберштейном за двести лет до полемики М. Ломоносова с Г. Миллером. Взгляды Ломоносова на происхождение варягов и руси представляют собой не оригинальную концепцию, а компиляцию работ предшествующих польских и немецких авторов. Ломоносову не удалось выработать цельной и непротиворечивой концепции по варяго-русскому вопросу. Его идеи о выходе варягов из Пруссии, их родстве с пруссами и проживании между Вислой и Западной Двиной отвергаются современными антинорманистами. Истоком современного антинорманизма является «славяно-вагрийская» гипотеза С. Герберштейна, а не «славяно-прусская» концепция М.В. Ломоносова.

Ключевые слова: Ломоносов, антинорманизм, норманизм, проблема происхождения варягов, балтийские славяне, пруссы.

Русский ученый-энциклопедист М.В. Ломоносов, наряду с летописным Рюриком, выступает одним из главных объектов полемики между сторонниками шведского и славянского происхождения варягов. Современные антинорманисты выставляют Ломоносова в качестве своего предтечи, который первым в отечественной науке обосновал взгляд на варягов как выходцев из славянских областей Южной Балтики. Норманисты обвиняют русского академика в произвольности построений, не подкрепленных ничем, кроме авторитета официальной историографии. Отрицание Ломоносовым шведского происхождения варягов они приписывают патриотическим увлечениям русского ученого, который больше заботился о престиже страны, нежели о научной истине. И хотя обе стороны диаметрально расходятся в оценке вклада Ломоносова в разработку русской истории, их объединяет общий взгляд на него как на основоположника современного антинорманизма.

Так, Л.П. Грот убеждена, что идеи российского историка-антинорманиста А.Г. Кузьмина о варягах-варинах из южнобалтийской Вагрии «продолжают традиции В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, С.А. Гедеонова» [5, с. 175], хотя из трех названных лиц только Гедеонов считал варягов западными славянами-вендами¹, в то время как Татищев, напротив, реши-

¹ С.А. Гедеонов видел «доказательства западославянскому происхождению варяжских князей» в «занесенных к нам с балтийского Поморья вендских словах, учреждениях, формах язычества» [3, с. 266]. Действительно, ученый смог привести убедительные примеры сходства в ономастике, языке, религиозном культе, бытовых и политических учреждениях между балтийскими славянами и новгородцами, а также обнаружил следы

тельно отвергал эту точку зрения, а Ломоносов о ней вообще не упоминал (видимо, потому, что признавал справедливой критику вагрийской гипотезы Герберштейна со стороны В.Н. Татищева и своего оппонента Г.Ф. Миллера).

Парадокс ситуации заключается в том, что, как и в случае с В.Н. Татищевым², ни одна из сторон не излагает позицию Ломоносова по варяжскому вопросу в полном объеме. Даже В.В. Фомин в своем объемистом трехсотстраничном труде, целиком посвященном защите репутации Ломоносова как историка, нигде не подвергает анализу взгляды на варяжский вопрос, высказанные Ломоносовым как в ходе полемики с Г. Миллером, так и в написанных позднее работах по истории России. Фомин лишь кратко упоминает, что, по мнению Ломоносова, «варягами назывались народы, живущие по берегам Балтийского моря», а страницей далее пишет, что Ломоносов «под варягами понимал не какой-то конкретный народ, а европейские дружины», составленные из искателей приключений разной национальности [26, с. 233, 234]. Автор словно не замечает, что эти два тезиса взаимно исключают друг друга. Это явное противоречие во взглядах Ломоносова на варягов осталось незамеченным и неотмеченным Фоминым и никак не прокомментированным. Более того, весьма существенные акценты в представлениях Ломоносова о варягах Фомин оставил без рассмотрения, обойдя их полным молчанием. По справедливому замечанию Л.Н. Аряева, «расточая похвалы Ломоносову, Фомин, однако же, старательно обходит тот факт, что Ломоносов, хотя и считал Рюрика славянином, но гипотезу о происхождении варягов от вагров отвергал» [1, с. 127]. В силу этих обстоятельств позиция М.В. Ломоносова в споре о варягах нуждается в уточнении и полноценном освещении — несмотря на то, что она неоднократно становилась предметом научного обсуждения.

Невозможно отрицать тот факт, что профессор химии Михайло Ломоносов не был профессиональным историком. Но таковыми не были и его оппоненты: филолог-востоковед Зигфрид Байер, не получивший высшего образования Герард Миллер и протестантский богослов Август Шлецер. Ни один из них не был специалистом по древнерусской истории, не имел соответствующего образования и подготовки, а Байер к тому же не знал русского языка и не читал русских подлинников. При этом вклад немецких академиков в создание «норманнской теории» чрезмерно преувеличивался их русскими последователями. Как показали в своих исследованиях В.В. Фомин и Л.П. Грот, приписывать Байеру вкупе с Миллером и Шлецером статус основоположников норманизма — значит радикально исказить историографическую картину. Академики-немцы вовсе не были создателями «норманнской теории». Норманизм как концепция шведского происхождения варягов и призвания русской

западнславянского влияния в ряде древнерусских письменных памятников. Однако он в корне неверно интерпретировал собранный им фактический материал. Никакого отношения к варягам это сходство не имеет. Оно является убедительным доказательством массовой славянской миграции в Восточную Европу из западных областей славянского мира (Великой Моравии и балтийского Поморья), а не варяжского происхождения правящей династии. Варяги не имели отношения к «Великому славянскому переселению» X века.

² О своеобразном «заговоре молчания» вокруг позиции В.Н. Татищева по варяжскому вопросу в российской историографии см. статью автора: [21, с. 173–186].

правлящей династии из Швеции возник не в первой половине XVIII в., а в начале XVII в., более чем за сотню лет до начала научной полемики о варягах в России. Его основоположником был шведский дипломат и придворный историограф Петр Петрей, который в своей «Истории княжества Московского» (вышедшей в 1615 г. на шведском, а в 1620 г. на немецком языке) впервые выдвинул предположение о шведском происхождении варягов и попытался подкрепить его конкретными аргументами³.

Неудивительно, что на работах по древнерусской истории всех тогдашних петербургских академиков лежит печать дилетантизма. Как все компиляторы, они целиком зависели от чужих мнений и не выходили за круг идей, высказанных предшественниками. Но если академики-немцы ориентировались главным образом на шведскую историографию с ее идеей варягов-шведов, то для Ломоносова ориентиром служил гораздо более широкий круг источников, преимущественно сочинения польских и немецких историков⁴. Однако предшествующая научная традиция не была единодушна в оценке происхождения варягов, что наложило отпечаток и на взгляды Ломоносова. Выработать непротиворечивую и последовательную позицию по варяжскому вопросу он так и не сумел.

По его мнению, «неправедно рассуждает, кто варяжское имя приписывает одному народу. Многие сильные доказательства уверяют, что они от разных племен и языков состояли и только одним соединялись — обыкновенным тогда по морям разбоем» [13, с. 203]. Правда, самих «сильных доказательств» в пользу мнения о варягах как разноплеменных морских разбойниках Ломоносов не приводит. И это не случайно, потому что таковых не существует. Любопытно, что представление о варягах как «морских разбойниках» прочно закрепилось в российской и зарубежной литературе и разделяется не только норманистами (которые отождествляют их с викингами), но также и их противниками. Так, например, один из лидеров современного антинорманизма В.В. Фомин неоднократно писал о варягах, «некогда господствовавших на Балтике» [25, с. 40].

Однако никакими свидетельствами о господстве варягов на Балтике наука не располагает. Нет ни одного источника, где бы упоминалось о варягах как о пиратах или обладателях балтийских морских путей. Тезис о «господстве варягов на Балтике» является досужим домыслом самих историков, не подкрепленным никакими фактами. Наоборот, те немногочисленные известия о варягах, которыми располагает наука, рисуют их как народ, живущий *на берегу* Балтийского моря, прихо-

³ О европейском норманизме до XVIII в. см. работы В.В. Фомина и Л.П. Грот: [25, с. 8–57; 6, с. 22–62]. О сохранении и научном уровне работы П. Петрея см. статью автора: [24, с. 150–161].

⁴ Процесс работы М.В. Ломоносова над сочинениями по истории России неоднократно становился предметом изучения со стороны российских и зарубежных исследователей. По этому вопросу существует весьма обширная литература, которая показывает, насколько серьезно Ломоносов подошел к своему предмету, проштудировав исторические труды, начиная с «отца истории» Геродота, а также доступные ему сочинения византийских историков, обширный круг работ западноевропейских авторов по истории датчан, норвежцев, готов, кимбров, поляков, пруссов и т.д. См. соответствующие разделы монографии М.Б. Свердлова о Ломоносове, где дана исчерпывающая литература по этой теме: [18, с. 595–605; 656–669].

дящих в Новгород «горой», а не «водою», занимающихся внутренней, а не морской торговлей. Словарь В.И. Даля дает следующие значения слова варяг: «скупщик всячины по деревням», «офеня, коробейник, меняющий мелочной товар на шкуры, шерсть, щетину, масло, посконь и пр.» [7, с. 169]. То же значение дает и Русский энциклопедический словарь И.Н. Березина: «варяг — в Московской и других губерниях мелочный наезжий купец, разнощик» [17, с. 643]. Даже М. Фасмер, который пишет заведомую ложь, будто бы варягами называли на Руси «выходцев из Скандинавии» (не приведя ни одного примера такого словоупотребления), указывает и реальное значение слова *варяга, варяжа* — «корзинщик, коробейник», а во владимирских говорах — еще и «пройдоха, босяк, прощелыга» [19, с. 276]. Фигура торговца деревенским ширпотребом и скупщика щетины весьма далека от образа грозного морского пирата или военно-торгового «властелина морей».

Таким образом, тезис о варягах как разноплеменных морских пиратах остается у Ломоносова пустой декларацией, без всякой доказательной базы некритично почерпнутой им из сочинений предшественников. Когда же ученый переходит к вопросу о призванных на Русь варягах-россах, его мнение радикально и необъяснимо меняется. Из разношерстных морских пиратов варяги-россы превращаются в отдельный народ, одноплеменный с пруссами и говорящий на языке, родственном прусскому, литовскому, жмудскому и курляндскому. Согласно Ломоносову, варяго-россы и пруссы «оказываются единым народом», так как «с древними пруссами произошли от одного поколения». При этом и пруссы, и варяго-россы — «оба славенского племени и язык их славенский же», только несколько видоизменившийся из-за смешения с другими языками. Со ссылкой на прусского историка XVII — начала XVIII в. Матвея Претория и немецкого хрониста XII в. Гельмольда Ломоносов утверждает, что литовский язык, как и прусский, является отраслью славянского языка, так же, как и «летский» (латышский), который произошел от славянского [13, с. 205–208]. Вот, собственно, и все, что Ломоносов смог сказать по поводу происхождения и места жительства варягов.

Как видим, позиция путаная. С одной стороны, варяги — не народ, а разноплеменное скопище морских пиратов. С другой — отдельная этническая группа из Пруссии, родственная пруссам и говорившая на том же языке. По современной номенклатуре Ломоносов причислял варягов к балтам и считал их выходцами из юго-восточной Прибалтики. Но поскольку самих балтов (пруссов, куршей, литовцев и латышей) он относил к славянам, то и варяги у него оказывались прибалтийскими славянами. Нельзя признать эти рассуждения корректными, поскольку они построены на серии ошибочных отождествлений: варягов с русью, фантомных «варяго-россов» с пруссами, а пруссов — со славянами⁵. Однако чего у Ломоносова нет — это выведения варягов из Вагрии и отождествления их с варинами или славянами-ободритами с юго-западных берегов Балтики. Ломоносов-историк не был сторонником идеи С. Герберштей-

⁵ О недопустимости отождествления варягов и руси, которые в русских и зарубежных источниках выступают как разные этнические группы, писали многие историки, начиная со старшего современника М.В. Ломоносова В.Н. Татищева. Историографию вопроса и доказательную базу см.: [20, с. 139–152].

на о варягах как славяно-вандалских выходцах из Вагрии (хотя и был знаком с его работой). Поэтому в нем невозможно усмотреть родоначальника современного российского антинорманизма, начало которому положила гипотеза Герберштейна, а не взгляды на варяжский вопрос Ломоносова. «Балтскую» версию Ломоносова подхватил Н.И. Костомаров, чье мнение о варягах как западных литовцах (жемайтах из приморской части Литвы) современные антинорманисты отвергают как безосновательное, хотя Костомаров заимствовал часть аргументов не у кого-нибудь, а именно у Ломоносова.

Ломоносов действительно приводил целую серию доказательств в пользу прусского происхождения варяго-русов. Кратко они сводятся к следующим:

- 1) Сходство этнонимов пруссы и руссы.
- 2) «Нестор» относил Рюрика к варяго-руссам, а Новгородская летопись выводит Рюрика от пруссов, следовательно, варяго-руссы и пруссы — один народ.
- 3) Ссылка на авторитетное мнение других исследователей. Ломоносов ссылается на прусского историка М. Претория, который отождествлял руссов и пруссов.
- 4) Территориальная близость Руси и Пруссии: «древнее тесное соседство с Россией».
- 5) Наличие в Литве топонимов, содержащих этноним «русь». Следовательно, руссы там жили.
- 6) Наличие множества славянских топонимов (названий деревень, сел, городов) на территории Пруссии и Литвы, что говорит о присутствии здесь славянского населения.
- 7) Сходство обычаев руссов и пруссов. В частности, Ломоносов ссылается на польского историка М. Кромера, писавшего о банных обычаях пруссов, аналогичных русскому обычаю парной бани с последующим окунанием в холодную воду.
- 8) Сходство религиозное: Перкун у пруссов, Перун у руссов, то есть одинаковое имя и одинаковые функции верховного бога-громовика.
- 9) Ссылка на мнение «знатных берлинских ученых» о происхождении названия Пруссия от Россия. Эту этимологию ученых немцев Ломоносов подкрепляет собственными соображениями о происхождении имени пруссов от руссов: по-руссы, то есть остатки руссов [14, с. 33–34].

Выясняя, откуда Ломоносов мог почерпнуть идею прусского происхождения варягов, современный историк-норманист Д.Н. Верхотуров полагает, что ее источником послужила книга о России шведского дипломата Петра Петрея, в которой автор упоминал о разных версиях происхождения варягов: «Скорее всего, именно оттуда Ломоносов и взял эту точку зрения» [2, с. 80]. Видимо, исследователь поверхностно ознакомился с сочинением Ломоносова о древней Российской истории. Безусловно, Ломоносов был знаком с книгой П. Петрея, которую читал еще в 1741 г., во время своего обучения в Германии⁶. Однако в подкрепление своего мнения о Пруссии как родине варягов, Ломоносов ссылался

⁶ О чем свидетельствует его письмо своему однокашнику Д.И. Виноградову от 7/18 апреля 1741 г. из Марбурга [16, с. 579, прим. 1].

не на Петрея, а сочувственно цитировал немецкого историка из Пруссии Матвея Претория: «Конечно, они не из Дании или из Швеции были приняты... но призваны из соседей: думаю, из Пруссии и с ними сообщенных народов» [13, с. 216]⁷.

Видимо, Д.Н. Верхотурову осталась неизвестна и фундаментальная работа М.Б. Свердлова, которая содержит полноценный учет исторического, общественно-политического, научного и биографического контекста в становлении исторических взглядов М.В. Ломоносова. В этой работе М.Б. Свердлов уделил особое внимание источникам «прусской гипотезы» М.В. Ломоносова. Он привел свидетельства прочитанных Ломоносовым русских летописей и источников XVI в., которые содержат прямые указания на прусское происхождение варягов (Воскресенская летопись, Степенная книга, Лицевой свод), а также ссылки на целый ряд изученных Ломоносовым работ европейских авторов (Гельмольда, М. Вайселя, М. Претория, М. Кромера, Э. Понтоппидана), где содержались утверждения о единстве славян и пруссов, славянского и прусского языков, прусском происхождении варягов, тождестве названий Поруссия (лат. *Borussia*) и Руссия⁸. Правда, вопреки приведенному им многообразному материалу, который свидетельствует, что «прусская гипотеза» содержалась в самих позднесредневековых русских источниках и была поддержана целым рядом европейских ученых, Свердлов пришел к совершенно неадекватному выводу, будто бы Ломоносов отказался «от предшествующей однозначной связи варягов со славянами ваграми и пруссами», а «встречающиеся у М.В. Ломоносова суждения, относившие к славянам пруссов и другие прибалтийские народы, восходят к сочинению Э. Понтоппидана» [18, с. 669, 832]. Хотя Ломоносов, будучи знаком с сочинением Понтоппидана по датской истории, в своих исторических работах нигде не ссылаясь на этого автора⁹. Объяснить такую аберрацию сознания можно только норманистскими убеждениями М.Б. Свердлова, который, как и Д.Н. Верхотуров, стремился приписать истоки исторической концепции Ломоносова скандинавскому по происхождению автору (Верхотуров — шведскому дипломату Петру Петрею, Свердлов — датскому епископу Эрику Понтоппидану). В действительности же прусская концепция М.В. Ломоносова оформилась в результате изучения им как материала русских позднесредневековых летописных и историко-генеалогических сочинений, в которых местожительство варягов определялось в Пруссии, а сами они квалифицировались «от племе-

⁷ Как отмечают публикаторы, Ломоносов брал книгу Претория (M. Praetorius. *Orbis Gothicus*. Monasterii Olivensis, 1688–1689) из Библиотеки Академии наук в марте 1754 г.; в книге сохранились его отметки.

⁸ См. гл. VII «Творческая лаборатория М.В. Ломоносова»: [18, русские источники с. 604–655; зарубежные работы с. 656–669].

⁹ При этом М. Свердлов, как и В. Фомин, в своем 900-страничном труде нигде не изложил позицию Ломоносова по варяжскому вопросу целиком и умолчал о противоречиях в его взглядах. Более того, он приписал русскому ученому точку зрения, которой у Ломоносова нет и которую Свердлов «вычитал» не из сочинений Ломоносова, а из отметок ученого на полях прочитанных книг: распространив понятие *варяг* на многие народы Балтийского и Северного морей, Ломоносов «в пометах к прочитанным историческим источникам и исторической литературе основное внимание стал уделять определению функций варягов на Руси прежде всего как воинов-наемников и княжих служилых людей» [19, с. 832]. В действительности из отчеркиваний, крестиков и кружочков, которыми Ломоносов отмечал нужные ему места, невозможно вывести никакого содержательного заключения. М.Б. Свердлов просто приписал Ломоносову собственную точку зрения на варягов (как «скандинавских наемников»), которую сам Ломоносов нигде не формулировал.

ни пруссова», так и предшествующей европейской историографической традиции, где прусская версия разделялась целым рядом ученых авторитетов. Судя по многочисленным ссылкам самого Ломоносова, в его трактовке «варяго-русского вопроса» главную роль сыграли труды немцев М. Претория и М. Кромера, а также поляка М. Стрыйковского. Имеющиеся у Ломоносова противоречивые трактовки варягов (славянский народ из Пруссии; народы Балтийского моря; северные морские пираты) отражают разноречивые мнения в научной литературе того времени и свидетельствуют о том, что Ломоносов так и не смог прийти к однозначному пониманию происхождения варягов.

Не соответствует истине и предположение Верхотурова, будто бы еще одним источником прусской версии Ломоносова послужила легенда о происхождении московских царей от Пруса — мифического брата римского императора Августа. В отношении официально принятой в России «августинской легенды» Ломоносов занимал осторожно-скептическую позицию: «вероятности отрещись не могу; достоверности — не вижу» [13, с. 216]. При этом Д. Верхотуров почему-то убежден, что русская историографическая традиция не содержит указаний на местожительство варягов в Литве и Пруссии: «из летописи ее нельзя вывести, поскольку она не дает повода так считать». На самом деле именно русские письменные памятники (включая известные списки летописей) дают повод считать местом обитания варягов Юго-Восточную Прибалтику.

Прежде всего, это известный рассказ «Повести временных лет» о пути «из варяг в греки», где прямо сказано, что «в болгары» и «хвалисы» (на Каспий) можно попасть по Волге, а вот путь в «варяги» идет по Двине, вытекающей из того же леса, что Волга и Днепр: «Из того же леса потече Волга на востокъ и втечеть семьюдесять жерель в море Хвалисьское. Темже и из Руси может ити в Болгары и въ Хвалисы наста востокъ дойти в жребии Симовъ, а по Двине в Варяги, изъ Варягъ до Рима, от Рима до племени Хамова» [11, стб. 7; 8, стб. 6]. Западная Двина, как известно, впадает в Рижский залив Балтийского моря и протекает по территории Белоруссии и Восточной Прибалтики. Следовательно, путь в варяги по Двине — это путь прежде всего в Восточную Прибалтику. Следует особо отметить, что летописец, говоря о пути в «варяги» по Двине, ни словом не упомянул ни Скандинавию, ни «Доню» (Данию), ни Свейское королевство как маршрут следования в «варяги». Путь «из Варяг», согласно летописному тексту, вел прямо в Рим. Ближайшим путем в Рим из Восточной Прибалтики была Висла, где еще в древности проходил «янтарный путь», по которому прибалтийский янтарь поступал на римские рынки в Италии.

В том же недатированном введении к Начальной летописи содержится широко известный летописный пассаж о местообитании варягов, который уже совершенно недвусмысленно помещает варягов по соседству с поляками и пруссами: «Ляхове же и пруси, чюдь преседять к морю Варяжьскому. По сему же морю седять варязи семо ко востoku до предела Симова. По тому же морю седять къ западу до земле Агнянски и до Волошьски» [11, стб. 4; 8, стб. 4].

По соседству с нынешним польским Гданьском указано «поморие Варязское» и в Ермолаевском списке Ипатьевской летописи (нач. XVIII в.

на основе Хлебниковского списка середины XVI в.). Упомянув под 1304 г. о Лукерье, жене польского князя Премышлява (Пшемисла II), летописец уточняет, что она «бо бе рода князей сербских, с Кашуб, от помория варязского от Старога града за Кгданском» [8. Приложения, с. 81].

Еще более определенно размещает владения Рюрика в районе современного польского Поморья Воскресенская летопись (1541 г.). Рассказывая о разделе империи Августом-кесарем между своими «сродниками», эта летопись утверждает, что Август наделил «брата своего Пруса въ березехъ Вислы реки во градъ Малборокъ, и Торунъ, и Хвоиница, и преславы Гданескъ и иныхъ многихъ градов, по реку, глаголемую Немонъ, впадшую въ море, и до сего часа по имени его зовется Прусская земля. А отъ Пруса четвертое на десять колено Рюрикъ» [12, с. 268]. Обращает внимание, что в числе городов, доставшихся варягу Рюрику от его мифического предка, указаны и «многие грады» до реки Неман. Это вполне определенно очерчивает регион варяжской дислокации: польское Поморье, Калининградская область РФ и приморская часть Литвы в нижнем течении Немана, то есть бывшая Восточная Пруссия.

Степенная книга (1563 г.) не только помещает родину варягов в Пруссии, но прямо причисляет варягов Рюрика к пруссам — потомкам Пруса. «Скипетроправление» русских царей «начася от Рюрика», «иже прииде изъ Варягъ въ великий Новградъ со двема братама своими и съ роды своими, иже бе отъ племени Прусова, по его же имени Прусская земля именуется. Прусь же братъ бысть единоначальствующаго на земли Римскаго кесаря Августа» [10, с. 7]. Возводя происхождение князя Владимира Святославича к римскому императору Августу («Владимир бысть сродник Августу кесаря»), в число дарованных Прусу владений Степенная книга относит прусские города: «Сей кесарь Август разреши вселенную братии своей и сродникомъ. Ему ж баше присный братъ именемъ Прусь; и сему Прусу тогда поручено бысть властодержество въ березехъ Вислы реки, градъ Мадброкъ и Торунъ, и Хвойница и пресловый Гданескъ и ины многи грады по реку, глаголемую Немонъ, впадшую в море, иже и до ныне зовется Прусская земля. Отъ сего Пруса семени баше вышереченный Рюрикъ и братия его; и егда еще живяху за моремъ, и тогда Варяги именовахуся и изъ заморья имаху дань на Чюди и на Словенехъ и на Кривичехъ» [10, с. 60].

Ту же самую информацию о «варяжском заморье» и «варяжских градах» в Пруссии воспроизводит один из русских хронографов конца XVII в. (1679 г.). При изложении августианской легенды в нем говорится: «Бысть же у него некий ближний сродник именем Прус, ему же даст кесарь Август грады Лецкие по Висле, Марбурк и Турун и Хвойница, и Варяжские грады Поморские, и прославный Гданеск, и ины многие грады по реке Немон впадшую в море» [4, с. 116].

Таким образом, Ломоносову незачем было справляться у Петрея о местожительстве варягов в Пруссии. Сами русские летописи и московский официоз неизменно помещали варягов в юго-восточном углу Балтийского моря. Петрей всего лишь воспроизводил официальную московскую точку зрения. В то время как Ломоносов для объяснения того, как варяги-россы оказались в Пруссии, прибегал не к официальной «августианской легенде», а дополнял прусскую версию роксолано-славян-

ской. Возражая Миллеру, который «не почитает» варягов «за народ славенский», Ломоносов утверждал, что варяги «происходили от роксолян, народа славенского, и прошли с готфами, славянами ж, от Черного моря к берегам Балтийским, что говорили языком славенским, несколько от соединения со старыми германцами испорченным» [14, с. 22]. Нельзя не признать, что эти этнологии Ломоносова о роксоланах и готах, как славянах, почерпнутые им у польских историков (в частности, у М. Кромера), не менее фантастичны, чем происхождение варягов от шведов или датчан.

Получается, что варяги-россы, будучи родичами, а точнее, предками пруссов (по-руссов, по этимологии Ломоносова), произошли от славянского народа роксолан, переселившегося в древности из Причерноморья на Балтику. При этом Ломоносов неоднократно настаивал на том, что варяги Рюрика, «пришедшие в Новгород, были колена славенского, говорили языком славенским, происходили от древних роксолан или россов и были отнюдь не из Скандинавии, но жили на восточно-южных берегах Варяжского моря, между реками Вислой и Двиною» [14, с. 33]. Лидер современного антинорманизма В.В. Фомин, который любит выпячивать именно славянские пассажи Ломоносова, опускает два важнейших обстоятельства: что Ломоносов под «славянами» с Балтики понимал балтов (прусов, куршей, леттов) и помещал варягов не на берегах Травы и Одры, а между Вислой и Двиной.

Эта версия, несмотря на ее искусственный характер, все же имеет определенную логику. Суммировано Ломоносов излагал ее в «Кратком Российском летописце»: «Варяги-россы в древние времена именовались россоланами, для того что россы соединены были с аланами. ...Много воевали по Балтийскому морю, соединясь с готами... Оная их военная храбрость была причиною, что славяне новгородские и чудь выбрали себе государем Рурика, который пришел с родом своим и с варягами-россами на владение и на поселение. Оставшиеся на старом жилище россы назывались пороссы, якобы остатки от россов (поруссы, пруссы), которыми после завладели поляки» [15, с. 295].

Производя живших между Вислой и Западной Двиной варяго-россов от славянского народа роксолан-россов, Ломоносов в то же время признает, что «некоторые имена первых владетелей российских и их знатных людей были скандинавские». Правда, «из того отнюдь не следует, чтобы они были скандинавцы. Почти все россияне имеют ныне имена греческие и еврейские, однако следует ли из того, чтобы они были греки или евреи и говорили бы по-гречески и по-еврейски». Появление у славяно-пруссских варяго-россов «скандинавских» имен Ломоносов объясняет практикой междинастических браков: «Варяги, называемые русь, славенского колена <...>, жившие на восточно-южных берегах Варяжского моря, имели сообщение с варягами скандинавскими через море, и для того князья их и знатные люди нередко женились у скандинавов и в угождение своим супругам давали детям нередко имена скандинавские. И так весьма недивно, что Рурик, хотя был из варяг-руси, однако имя имел скандинавское» [14, с. 31]. Из этого пассажа следует, что кроме славяно-прусской варяго-руси в юго-восточной Прибалтике, были еще варяги-скандинавы на северных берегах Балтики. Это осложняет карти-

ну. Были ли эти скандинавские варяги потомками славянских роксолан? Или варягами они одинаково назывались потому, что и те, и другие занимались морским разбоем? Ломоносов не дает никаких разъяснений по этому поводу. У него получается, что и скандинавские, и русские имена — одинаково варяжские, только скандинавские — северо-варяжские, а славяно-русские — южно-варяжские. Очевидно, что Ломоносов хочет согласовать здесь все наличные точки зрения на варягов, но вместо согласия у него, как и у М. Стрыйковского, который шел по аналогичному пути, получается терминологическая путаница.

Помимо представления о варягах как разноплеменных пиратах на Балтике и как отдельном народе славянского происхождения из Пруссии, у Ломоносова присутствует еще и третья четко сформулированная им точка зрения на варягов: «варягами назывались народы, живущие по берегам Варяжского моря» [14, с. 36]. Таким образом, мы находим у Ломоносова три разных определения варягов, которые не согласуются друг с другом:

1) варяги — народы, живущие вокруг Варяжского моря, в том числе шведы, норвежцы, готы, инглыне (ингряне, как «поправляет» Ломоносов текст летописи), русь;

2) варяги-россы — отдельный народ, одноплеменный с пруссами и другими балтскими группами, живущий на «восточно-южных» берегах Балтийского моря от Вислы до Западной Двины;

3) варяги — не народ и не народы, а собирательный термин для обозначения морских пиратов на Балтике любой национальности.

Как видим, Ломоносов пытался, но так и не смог увязать в единое целое абсолютно разные представления, почерпнутые им из прочитанных источников. Впрочем, такая путаница, проистекающая из желания согласиться сразу со всеми и учесть все наличные точки зрения (даже в ущерб здравому смыслу), характерна и для ряда современных антинорманистов.

Очевидно, что Михаил Ломоносов, в отличие от Василия Татищева, не выработал самостоятельной позиции по варяжскому вопросу, а примкнул к одной из существующих на тот момент точек зрения, попытавшись, как и некоторые его предшественники, скомпилировать разные версии. В частности, Ломоносов стремился объединить в одно целое прусскую гипотезу происхождения варягов (почерпнутую им прежде всего у М. Претория) со славянской (популярной в немецкой и польской науке того времени) и скандинавской (которую пропагандировали его оппоненты в Академии наук). Целостной концепции из этой лоскутной и плохо сшитой компиляции не вышло, получилась серия плохо согласованных и даже прямо противоречащих друг другу положений. Но дело даже не в компилятивности взглядов Ломоносова на варяжский вопрос, а в радикальном расхождении его позиции с представлениями современных антинорманистов. Если суммировать эти отличия, то они сводятся к следующему.

Ломоносов считал варягов-россов балтами и выводил приглашенных новгородцами варяжских князей из Пруссии, неоднократно подчеркивая, что варяги жили на «восточно-южных» берегах Балтики между Вислой и Западной Двиной. В то время как современные антинорманисты

отождествляют варягов с балтийскими славянами-ободритами и выводят варяжских князей с юго-западных побережий Балтики, из Вагрии, то есть с другого конца Балтийского моря.

Самых балтов Ломоносов отождествлял со славянами. Современные антинорманисты такое тождество не разделяют. Наоборот, они резко негативно относятся к мнению тех историков (И. Онацевича, Н.И. Костомарова), которые причисляли варягов к балтам.

Своих варяго-русов как пруссо-славян Ломоносов производил то от роксолан, то от сарматов, как первоначальных обитателей Восточной Европы, при этом, вслед за польской историографией, выдавая их за предков славян. В то время как далеко не все современные антинорманисты связывают этногенез славян с ираноязычными этносами сарматов и роксолан.

Ломоносов считал варяжские имена — Рюрик, Синеус, Трувор — скандинавскими и объяснял их появление у «варяго-русских» князей междинастическими браками с «варягами-скандинавами». Последующие антинорманисты квалифицировали эти имена как славянские (С.А. Гедеонов), кельтские (А.Г. Кузьмин, В.Г. Скляренко) или приписывали «дославянскому субстрату» (Л.П. Грот). Варягов-скандинавов современные антинорманисты не признают. Варяги для них — балтийские славяне-ободриты.

Таким образом, практически по всем пунктам позиция Ломоносова по варяжскому вопросу не совпадает со взглядами современных антинорманистов. По этой причине его невозможно рассматривать как основоположника современного российского антинорманизма. Объединяет их только ряд общих заблуждений: представление о Несторе Печерском как авторе Начальной киевской летописи (в действительности ее автором был игумен другого киевского монастыря — Сильвестр Выдубицкий), отождествление варягов и руси (в действительности разных этнических групп), идея славянства варягов (правда, у Ломоносова — фиктивная, так как пруссы, литовцы и латыши — не славяне), представление о варягах как морских пиратах, хотя фактов их пиратства и господства на Балтике не установлено. Последний тезис вытекает из отождествления варягов с викингами-норманнами, но данное тождество опять же принято на веру и не имеет под собой источниковой базы.

Серьезные расхождения в трактовке варяжского вопроса у Ломоносова и современных антинорманистов говорят о том, что действительным родоначальником современного российского антинорманизма был не русский химик Ломоносов, а австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн. Его гипотеза о варягах как западных славянах-ваграх из Голштинской провинции Вагрии была впервые высказана им в 1549 г. в сочинении «Записки о Московии». Традиция, к которой принадлежал Ломоносов, берет начало не от Герберштейна, а непосредственно от русских летописей, неизменно помещавших варягов в юго-восточной Прибалтике, по соседству с ляхами и пруссами. Это другая — прусская линия антинорманизма, не совпадающая с первой. Славяно-вагрийская версия в решении варяжского вопроса, родоначальником которой был Герберштейн, представлена такими его продолжателями, как К. Дюре, И. Гизель, Б. Латом, Ф. Хемниц, А.Б. Селлий, П.Н. Крекшин, М.Т. Каченовский, С.А. Гедеонов, И.Е. Забелин, В.Б. Вилинбахов, А.Г. Кузьмин и современный российский антинорманизм (В.В. Фомин, Л.П. Грот, В.И. Меркулов,

А.Н. Сахаров, С.Э. Цветков и др.). Среди сторонников прусской версии предшественниками Ломоносова были немецкий пастор П. Одерборн, польский историк М. Стрыйковский (компилировавший ее с литовской и вагрийской)¹⁰, сербский просветитель Ю. Крижанич, прусский историк М. Преторий. После М.В. Ломоносова идею о принадлежности варягов к балтам (литовцам) отстаивали И. Онацевич и Н.И. Костомаров.

Таким образом, Ломоносов не был основоположником современного российского антинорманизма. Его непосредственные продолжатели — Игнатий Онацевич и Николай Костомаров, а не Степан Гедеонов, Иван Забелин или Аполлон Кузьмин. Причисление его к «основоположникам антинорманской теории» основано на поверхностном знакомстве с историографией. Насколько далеки от научности были представления советских историков об историографии варяжского вопроса еще в середине XX в., показывает редакторское введение к примечаниям на 6-й том полного собрания сочинений Ломоносова (1952 г.), где собраны его исторические работы. Ломоносов характеризуется как «создатель новой исторической концепции, которая разбивала незадолго до того возникшую лженаучную норманскую теорию и утверждала древность и величие славянского народа» [16, с. 539].

В действительности норманнская теория возникла задолго до Ломоносова и к моменту начала дискуссии между Ломоносовым и Миллером, за период с 1615 по 1749 гг., имела в своем арсенале с десяток крупных работ¹¹. В целом историческая концепция Ломоносова не была «новой»; в основном он придерживался взглядов польской историографии. Так, он следовал польским историкам в трактовке руси как роксолан и в отнесении венедов к славянам (с обязательной ссылкой на Иордана). От польского историка Мартина Кромера он унаследовал идею прихода роксолан-русов вместе с другими славянскими племенами к берегам Балтики, в том числе в Пруссию. Доказательства прусского происхождения варягов, как и отождествление пруссов со славянами и балтских языков со славянским, он почерпнул из сочинения немецкого историка из Пруссии Матвея Претория «Мир готический» (или «Свет готический», как традиционно переводили это название). В своей «Древней российской истории» Ломоносов постоянно ссылаясь на авторитет М. Претория, М. Кромера, Я. Длугоша, М. Стрыйковского, а также Синописиса, для автора которого — Иннокентия Гизеля — главным источником служил все тот же Матей Стрыйковский. Таким образом, никакой новизны взгляды М.В. Ломоносова по варяго-русскому вопросу не представляли. Новым явлением в науке стала последовательная критика Ломоносовым норманнской теории — в том виде, как она была представлена в работах современных ему немецких академиков. Однако Ломоносов опровергал норманизм не с позиций славяно-вагрийской гипотезы С. Герберштейна, которой до сих пор придерживаются современные российские антинор-

¹⁰ Об исторических построениях М. Стрыйковского вокруг сюжета о варягах см. монографию Д.В. Карнаухова [9, с. 9–93].

¹¹ Предположение П. Петрея (1615, 1620) о шведском происхождении варягов поддержал целый ряд шведских и немецких авторов: Рудольф Штраух (1639), Юхан Видекинд (1671), Олоф Верелий (1672), Эрих Рунштейн (1675), Олоф Рудбек (1689, 1698), Алгот Скарин (1734), Зигфрид Байер (1735), Олаф Далин (1746). См.: [25, с. 20–21, 43–44].

манисты, а исходя из прусской версии, в целом не расходившейся с официально принятой в России точкой зрения.

Что касается «величия и древности славянского народа», то и здесь лавры зачинателей этой темы принадлежат не русским ученым, а западным и южным славянам, в том числе далматинскому славянину Мавро Орбини, работа которого «Царство славян» (1601 г.) была переведена на русский язык сербом Савой Владиславичем в 1722 г. Работа Орбини пользовалась огромной популярностью в славянском мире и ходила в большом количестве списков. Идеи арсенал этого панегирика славянству был заимствован и освоен польской историографией XVII в. Так что и здесь Ломоносов шел уже проторенным путем.

Уяснение истинного положения, которое занимал русский ученый в многовековом «споре о варягах», объясняет, почему взгляды М.В. Ломоносова на варяжский вопрос не рассматриваются во всей их полноте представителями враждующих направлений. Сторонника варягов как «разноплеменных морских пиратов» на Балтике трудно причислить к «квасным патриотам». Мысль о том, что «Нестор» причислял к варягам народы Балтийского моря, тоже невозможно квалифицировать как «русский национализм», тем более, что этот тезис разделялся и некоторыми норманистами (в частности, об этом писал не кто иной, как П. Петрей). Широкое использование Ломоносовым трудов европейских ученых, его постоянные апелляции к европейским научным авторитетам и укорененность его взглядов в европейской (особенно славянской) исторической традиции тоже делает его скорее интернационалистом, нежели «русским националистом». Замалчивание же подлинных взглядов Ломоносова на варяжский вопрос со стороны антинорманистов продиктовано тем, что его антинорманистская позиция радикально отличается от той, которую пропагандируют большинство современных противников норманнской теории. Противоречивость и путанность позиции Ломоносова, нагромождение неоправданных этнических отождествлений делают ее неприемлемой для современной науки.

К сожалению, российская историография до сих пор не может избавиться от груза прошлых заблуждений. Историки по-прежнему путаются в определениях, пытаются, как и Ломоносов, согласовать между собой взаимоисключающие представления о варягах как «разноплеменных морских пиратах», «народах Балтики», «общего названия западноевропейских народов» на Руси, «общего названия скандинавских народов», «общего названия германоязычных народов», «собирательного термина для наемников-иноземцев», шведов-датчан-норвежцев, славян-ободритов-вендов, отождествляя их с русью, а фантомную варяго-русь — со скандинавами или славянами, в зависимости от личных предпочтений. При этом оба лагеря дружно отвергают наиболее ценную мысль Ломоносова о местожительстве варягов «между Вислой и Двиной», хотя она-то как раз согласуется с русскими письменными источниками и подтверждается топонимическими данными¹². Именно та линия в решении варяж-

¹² О многочисленной «варяжской» топонимике (географических названиях, содержащих этноним «варяги») на территории Польши и бывшей Восточной Пруссии см. рецензию польского слависта М. Рудницкого на книгу Г. Яничена [27, с. 243], а также статьи автора [23, с. 125; 22 с. 32].

ского вопроса, которая современным научным сообществом третируется как «маргинальная», на поверку оказывается наиболее подкрепленной и письменными свидетельствами, и русской исторической традицией, и лингвистическим материалом.

Безусловно, Ломоносов не решил «варяжский вопрос», но он смог выработать приемлемую для российского общества историко-идеологическую концепцию, противостоящую политико-идеологической концепции, вышедшей из недр шведских пропагандистских ведомств.

Список источников

1. Аряев Л.Н. Норманофобия и ее фантомы // Valla. 2018. № 4 (1–2). С. 126–135.
2. Верхотуров Д.Н. Три века спора о варягах. Летопись и варяги. Москва: Вече, 2020. 320 с.
3. Геденов С.А. Варяги и Русь. Москва: Русская панорама, 2004. 656 с.
4. Гиляров Ф. Предания русской начальной летописи (по 969 год). Приложения. Москва, 1878. 325 с.
5. Грот Л.П. Праиндоевропейские корни населения на севере России // Российская история. 2010. № 3. С. 171–190.
6. Грот Л.П. Призвание варягов: Норманнская лжетеория и правда о князе Рюрике. Москва: Алгоритм, 2012. 368 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1: А–З. Санкт-Петербург; Москва, 1880. 812 с.
8. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. Москва: Языки русской культуры, 1998. 648 с.
9. Карнаухов Д.В. Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения. Новосибирск: Изд-во НПГУ, 2010. 291 с.
10. Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. СПб., 1908. 342 с.
11. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. Москва: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
12. Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. 7. М.: Языки русской культуры, 2001. 360 с.
13. Ломоносов М.В. Древняя Российская история от начала Российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 6. Москва; Ленинград: АН СССР, 1952. С. 163–286.
14. Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера «Происхождение имени и народа Российского» // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 6. Москва; Ленинград: АН СССР, 1952. С. 17–80.
15. Ломоносов М.В. Краткий Российский летописец // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 6. Москва; Ленинград: АН СССР, 1952. С. 287–358.
16. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 6. Москва; Ленинград: АН СССР, 1952. 689 с.
17. Русский Энциклопедический словарь / под ред. И.Н. Березина. В 16 т. Отд. I. Т. IV. Б–В. Санкт-Петербург, 1874. XXVII, 676 с.
18. Свердлов М.Б. М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2011.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Изд. 2-е. Т. 1: А–Д. Москва: Прогресс, 1986. 573 с.
20. Федотова П.И. «Варяжская русь» как псевдопроблема российской историографии // Свободная мысль. 2018. № 3. С. 139–152.
21. Федотова П.И. В.Н. Татищев и «варяжский вопрос» // Наука и библиотека. Сб. научных трудов. Вып. 9. Санкт-Петербург: БАН, 2024. С. 173–186.

22. Федотова П.И. К проблеме этнической принадлежности летописной води // Наука и библиотека. Сб. научных трудов. Вып. 8. Санкт-Петербург: БАН, 2023. С. 26–35.
23. Федотова П.И. «Семо къ въстоку до предела Симова...»: к проблеме местожительства летописных варягов // Наука и библиотека. Сб. научных трудов. Вып. 7. Санкт-Петербург: БАН, 2023. С. 118–130.
24. Федотова П.И. У истоков норманизма: Петр Петрей и его «История великого княжества Московского» // Наука и библиотека. Сб. научных трудов. Вып. 10. Санкт-Петербург: БАН, 2024. С. 150–161.
25. Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу. Москва: Русская панорама, 2005. 488 с.
26. Фомин В.В. Ломоносовофобия российских норманистов // Варяго-русский вопрос в историографии. Москва: Русская панорама, 2010. С. 203–521.
27. Rudnicki M. [Рец.] H. Janichen. Die Wikinger im Weichsel- und Odergebiet // Slavia Occidentalis. Tom 17. Poznan, 1938. S. 223–269.

FEDOTOVA P. Was M.V. Lomonosov the founder of modern anti-normanism?

Fedotova Polina — Candidate of Philosophy, an independent researcher, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: polinafedotova@yandex.ru

ABSTRACT

The article examines the views of the Russian scholar-encyclopedist M.V. Lomonosov on the Varangian question. The author disputes the traditional idea of Lomonosov as the founder of the concept of Slavic origin of the Varangians and the founder of modern anti-Normanism. The hypothesis of the Slavic origin of the Varangians was first expressed by S. Herberstein two hundred years before the polemic between M. Lomonosov and G. Miller. Lomonosov's views on the origin of the Varangians and Russia are not an original concept, but a compilation of the works of previous Polish and German authors. Lomonosov failed to develop a coherent and consistent concept on the Varangian-Russian issue. At the same time, he defended such ideas (the withdrawal of the Varangians from Prussia, their kinship with the Prussians and living between the Vistula and the Western Dvina), which are rejected by modern anti-Normanists. The source of modern anti-Normanism is the «Slavic-Vagrian» hypothesis of S. Herberstein, and not the «Slavic-Prussian» concept of M.V. Lomonosov.

Keywords: Lomonosov, anti-Normanism, Normanism, problem of the origin of the Varangians, Baltic Slavs, Prussians.

Е.В. Шепелева, А.А. Балакина

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ БИБЛИОТЕК АКАДЕМИИ НАУК СССР
И БИБЛИОТЕК СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК
(по материалам совещаний их директоров)**

Шепелева Елена Владимировна — главный библиотекарь, сектор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, Библиотека Российской академии наук
Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: chepeleva@kunstkamera.ru
Балакина Анна Арефьевна ведущий библиотекарь, Архив, Библиотека Российской академии наук
Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: balakina2a@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена истории взаимодействия библиотек Академии наук СССР и Академий наук союзных республик. В основу легли архивные документы, хранящиеся в Архиве Библиотеки Российской академии наук.

Ключевые слова: Центральные библиотеки АН СССР, АН союзных республик, Совещания директоров, темы Совещаний, Библиотека Российской академии наук, БАН.

В Архиве Библиотеки Российской академии наук хранятся уникальные материалы, раскрывающие тему взаимодействия Совещаний директоров библиотек АН СССР и АН союзных республик, это Фонд 1 Опись 16 дела 64–87. Всего было проведено 22 Совещания с 1949 по 1993 гг. (см. таблицу 1).

В марте 1945 г. специальным постановлением Совнаркома в структуре АН СССР был создан специальный Совет по координации научной деятельности республиканских академий наук при Президиуме АН СССР, которому предстояло осуществлять организацию совместной работы республиканских академических учреждений СССР.

К работе новый орган приступил лишь в марте 1946 г., когда его председателем стал президент АН СССР С.И. Вавилов, а в состав вошли вице-президент АН СССР В.П. Волгин, управляющие кадрами и делами АН СССР, президенты республиканских академий наук и др.

Решением Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик Академии наук СССР о созыве в 1949 г. первого Совещания было положено начало согласованной работе библиотек академий наук.

Надо сказать, что еще в 1947 г. вице-президент АН СССР В.П. Волгин настаивал на том, что АН СССР может давать лишь «товарищеские советы» своим коллегам из республиканских институтов [1, с. 52].

Консультации и рецензирование планов и отчетов институтов республиканских академий не включались в основной план работы сотрудников АН СССР, но требовали от них серьезных временных затрат и нередко воспринималось в качестве дополнительной обязанности.

Представители республиканских академий смотрели на проблему координации процесса их деятельности не так, как в АН СССР — они настаивали на решении своих текущих проблем при помощи Академии наук СССР.

Академия наук СССР не могла финансировать республиканские академии и поставлять им оборудование и материалы. Одним из препятствий являлась различная ведомственная подчиненность данных учреждений.

Первые три Совещания были организованы Советом по координации научной деятельности академий наук союзных республик АН СССР, два из них прошли в Ленинграде, третье в Москве. Начиная с четвертого, по поручению Совета по координации, Совещания организовывались Библиотечным советом при Президиуме АН СССР, а далее Информационно-библиотечным советом АН.

Совет выполнял задачи общего руководства и координации деятельности библиотек АН СССР и АН союзных республик и обеспечивал подготовку совещаний академических библиотек. В 1951 г. на третьем Совещании директоров дальнейшие Совещания было решено проводить в столицах союзных республик на базе фундаментальных библиотек академий наук.

Первое совещание руководителей библиотек АН СССР и Академий наук союзных республик проходило 3–4 октября 1949 г. в Ленинграде. На совещании прозвучали доклады по вопросам, связанным с выпиской иностранной литературы, организацией иностранного комплектования, международного книгообмена.

Был решен вопрос о централизации комплектования иностранной литературой: это кооперирование использования иностранных книжных фондов библиотеками, использование микро- и фотокопирования необходимых материалов. Было решено просить о производстве общедоступных аппаратов для чтения микрофильмов [2, Л. 2]; для рационального использования иностранных книжных фондов рекомендована централизация иностранной литературы в Центральных библиотеках академий наук, которые, в свою очередь, должны были обеспечивать использование литературы отдельными институтами.

Решено было приступить к изданию сводных печатных каталогов новых поступлений иностранной литературы, составлению аннотированного справочника по иностранной научной периодике и регулярных дополнений к нему. Также было решено подготовить и издать сводный каталог поступлений библиотек академий наук и союзных республик за 1942–1948 гг., а поступления с 1949 г. включать в очередные сводные печатные каталоги АН СССР, а в сводные бюллетени, издаваемые Всесоюзной Государственной библиотекой иностранной литературы, включать текущие иностранные поступления библиотек АН союзных республик.

Рассматривался также вопрос о «неудовлетворительной доставке выписываемой литературы «Международной книгой», было решено просить «Международную книгу» обратиться «по этому вопросу в Министерство связи и принять меры к улучшению доставки иностранной литературы» [2, Л. 3].

Еще одной темой обсуждения была организация международного книгообмена изданиями академий наук союзных республик. Для этого были необходимы дополнительные ассигнования библиотекам союзных республик. Для разработки положения о международном книгообмене и планов книгообмена на 1950 год решили командировать выделенных ответственных сотрудников библиотек академий наук союзных республик в БАН.

Решения первого Совещания о создании межакадемической библиотечной комиссии и о регулярности проведения совещаний руководящих работников библиотек академий наук легли в основу дальнейшей работы по координации деятельности сети академических библиотек.

На третьем Совещании было решено установить примерные схемы и формы плановых отчетных документов, разработать проекты типовой схемы и форм годового плана и отчета Библиотеки АН и предоставить его на рассмотрение четвертого Совещания для составления отчетов и планов. Была создана комиссия из пяти человек, от БАН в нее вошел К.И. Шафрановский. В Постановлении было указано, что отчеты и планы библиотек системы АН СССР должны быть согласованы между собой, без этого «нельзя обеспечить результаты и подведение общих для всех академических библиотек итогов и сопоставления работы библиотек академий наук союзных республик» [3, Л. 13].

Нельзя не отметить, что разработанные схемы планов и отчетов вошли в практику библиотек. Единая методика планирования и отчетности дала возможность обобщения итогов работы всей сети библиотек, а на основе анализа данных — разработки перспектив их развития.

В таблице 2 представлены темы, рассмотренные на Совещаниях:

- ретроспективная библиография;
- текущая библиография по актуальным темам (например, составление библиографий по истории науки в республиках Казахстан, Литва);
- координация работы библиотек: решения проблем по координации библиографической работы — издание ежегодников печатной продукции Академии наук и издание ежегодных библиографических обзоров изданий каждой Академии наук союзной республики. Для составления библиографий библиотекам союзных республик необходимо было высылать в БАН переведенные на русский язык данные о физико-математических работах, опубликованных на языках народов СССР и аналогичные сведения об исторической и философской литературе в Фундаментальную библиотеку общественных наук АН СССР (ФБОН).
- разработка БАН единой инструкции по составлению библиографических ежегодников изданий Академии наук для публикации библиотеками академий наук союзных республик ежегодных библиографических обзоров изданий каждой Академии;
- о централизации библиотечного дела в АН СССР и АН союзных республик;
- о централизации сети библиотек;
- разработка проекта устава библиотеки академии наук союзной республики и положение о библиотеке научно-исследовательского института;
- о разработке основных положений составления планов и отчетов о деятельности библиотек АН;

- организация при БАН и ФБОН стажировок сотрудников библиотек АН союзных республик;
- проблемы в области обслуживания читателей и координация обслуживания и, в частности, обеспечение работы Межбиблиотечного и международного абонементов;
- организация комплектования иностранной литературой, в том числе международного книгообмена в системе академических библиотек;
- комплектование библиотек, пополнение пробелов в фондах дореволюционной отечественной литературой;
- о проектировании и строительстве новых библиотечных зданий для академических библиотек. Например, проект нового Здания библиотеки АН Грузинской ССР рекомендовано использовать библиотекам в проектных заданиях на строительство [4, Л. 13]. Научная библиотека АН Грузинской ССР переехала в новое здание в 1970 г.;
- об улучшении технического оснащения академических библиотек (для этого использовать новейшие советские и иностранные достижения);
- увеличение библиотечных штатов и их профессиональная подготовка.

Начиная с 1974 г. в АН СССР началась автоматизация информационно-библиографических процессов в справочно-библиографическом обслуживании — вводилась автоматизированная система информационного обеспечения (АСИОР). Вопросам автоматизации было посвящено и XXI Совецание в Кишиневе в 1990 г.

Последнее, XXII Совецание [5, Л. 14], которое состоялось в БЕН РАН в Москве 7 апреля 1993 г., хотя и проводилось уже после распада СССР и образования независимых государств, явилось продолжением уже ставших традиционных Совещаний директоров ЦНБ АН СССР и АН союзных республик. На нем была предпринята попытка восстановления информационно-библиотечных связей с библиотеками ближнего зарубежья.

На XXII Совецании присутствовали представители из пятнадцати ЦНБ и институтов информации и из восьми национальных академий наук: БАН, БЕН РАН, ГПНТБ СО РАН, ЦНБ УрО РАН, ЦНБ ДВО РАН, ВИНТИ РАН, ИНИОН РАН, ЦНБ АН Беларуси, Азербайджана, Таджикистана, Казахстана, Молдовы, Украины, ЛНБ АН Украины, ЦБ АН Литвы.

В том же 1993 г. в Риге состоялось заседание учредительного собрания в Фундаментальной библиотеке Латвийской академии наук, на котором была учреждена Международная ассоциация академических библиотек и научно-информационных центров. Президентом Ассоциации избран В.П. Леонов (БАН); в состав Президиума вошли: Э.К. Карнитис — вице-президент (ЦНБ Латвийской АН), Г.К. Абуталиева (ЦНБ АН Казахстана), С.Н. Емельянова (ЦНБ Беларуси), В.Р. Хисамутдинов (ИНИОН), Е.Б. Соболева (зам. дир. ГПНТБ СО РАН), ученый секретарь Ассоциации М.А. Шапарнева (БАН). Идея создания Ассоциации принадлежала председателю комиссии ИБС АН СССР по координации научно-исследовательской работы Ю.И. Марцинкявичюсу (ЦБ АН Литвы). Уже 27–28 мая 1993 г. в Санкт-Петербурге в рамках Ассоциации был проведен

семинар «Комплектование библиотечных фондов в новой политической ситуации и новых социально-экономических условиях».

Фактически перед Советом и Ассоциацией стояли одни и те же задачи и они выполняли дублирующие функции. О целесообразности сохранения Совещаний на XXII Совещании состоялась горячая дискуссия [5, Л. 1–10].

В заключение подведем итоги: в результате работы Совещаний издавались Сборники научных трудов серии «Библиотеки Академии наук СССР и академий наук союзных республик» — 1951–1956 гг. № 1–8 под названием: «Библиотечно-библиографическая информация», с № 9 в 1956 г. — «Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик», последний выпуск которой вышел в свет в 1987 г.

Библиотечным советом при Президиуме АН СССР назначался Оргкомитет, который определял программу и вырабатывал проект резолюции. Кроме того, в задачу комитета входила подготовка, печать пригласительных билетов, организация выставок, публикация материалов совещания. Решение технических вопросов лежало на секретаре Библиотечного совета.

Каждая библиотека подавала предложения для включения в итоговую резолюцию, которые рассылались для ознакомления всем участникам совещания. Принимаемые резолюции были обязательными к исполнению, на Совещаниях звучали сообщения об их выполнении. Резолюции являлись долгосрочной программой деятельности академических библиотек, давали объективную оценку состояния и тенденций развития системы академических библиотек, очерчивали круг текущих и перспективных проблем.

Сведения о докладчиках и темах их докладов, а позднее и тексты докладов высылались в Библиотечный совет при Президиуме АН СССР, ЦНБ и центральную библиотеку принимающей стороны.

Принимающая сторона обеспечивала культурную программу — экскурсии по городу, ужины и т.п. В программу обязательно входило ознакомление с центральной библиотекой.

Многие из сотрудников нашей библиотеки помнят, как в БАН приезжали коллеги из республиканских библиотек для получения научно-методической помощи, форм планов, отчетов и различных актов.

Таблица 1. I–XXII Совещания директоров библиотек АН СССР и АН союзных республик

№ Совещания	Дата Совещания	Место проведения Совещания
1	3–4 октября 1949 г.	Ленинград
2	22–24 июня 1950 г.	Ленинград
3	12–15 ноября 1951 г.	Москва
4	28 ноября — 2 декабря 1955 г.	Москва
5	26–30 ноября 1958 г.	Тбилиси
6	25–29 октября 1960 г.	Киев
7	14–17 августа 1962 г.	Рига
8	19–22 мая 1964 г.	Алма-Ата

Продолжение Табл. 1

№ Совещания	Дата Совещания	Место проведения Совещания
9	18–22 октября 1966 г.	Таллин
10	23–27 сентября 1968 г.	Минск
11	20–22 октября 1970 г.	Ленинград
12	8–11 сентября 1972 г.	Ереван
13	24–27 сентября 1974 г.	Баку
14	5–7 сентября 1976 г.	Ашхабад
15	25–27 сентября 1978 г.	Москва
16	14–16 октября 1980 г.	Фрунзе
17	26–28 октября 1982 г.	Ташкент
18	26–27 июня 1984 г.	Вильнюс
19	28–30 октября 1986 г.	Душанбе
20	23–25 июня 1988 г.	Новосибирск
21	28–30 августа 1990 г.	Кишинев
22	7 апреля 1993 г.	Москва

Таблица 2. Темы I–XXII Совещаний директоров библиотек АН СССР и АН союзных республик

№ Совещания	Тема Совещания
1	Вопросы иностранного комплектования, организации международного книгообмена изданиями академий наук союзных республик.
2	Вопросы координации библиографической работы библиотек академий наук, подготовки библиотечных кадров для научных библиотек, внутрисююзного книгообмена и др.
3	Вопросы обслуживания библиотеками академий наук «Великих Сталинских строек коммунизма». Первоочередные задачи в области библиографии по истории отечественной науки и общеисторической ретроспективной библиографии. Планирование и отчетность библиотек.
4	Задачи библиотек в свете актуальных проблем советской науки. Координация работы библиотек академий наук союзных республик. Разработка примерного проекта устава библиотеки АН союзной республики и положения о библиотеке НИИ.
5	Задачи академических библиотек в области библиотекосведения и библиографии. Состояние международного и внутрисююзного книгообмена библиотек академий наук союзных республик.
6	Вопросы обслуживания читателей. Организация библиографического обслуживания научных работников. Состояние и улучшение библиотечных кадров. Проблемы оборудования и механизация трудоемких процессов библиотечно-библиографической работы в библиотеках АН СССР и академий наук союзных республик.
7	Вопросы комплектования фондов. Редактирование каталогов академических библиотек в свете решений XXII съезда КПСС.
8	Вопросы совершенствования структуры сети библиотек АН СССР и академий наук союзных республик и работа библиотек в свете решений июньского (1963 г.) пленума ЦК КПСС.
9	Вопросы научной работы в области библиографии и библиотекосведения. Состояние и задачи международного книгообмена академических библиотек.

Продолжение Табл. 2

№ Совещания	Тема Совещания
10	Об оценке эффективности работы академических библиотек, рациональном использовании рабочей силы и техники в библиотеках АН союзных республик. Критерии оценки эффективности работы научной библиотеки.
11	Состояние и перспективы развития библиотечного дела в Академии наук СССР и академиях наук союзных республик.
12	Проблемы и перспективы развития научно-информационного обеспечения ученых и специалистов, вопросы механизации и автоматизации библиотечно-библиографических работ. Посвящено 50-летию образования СССР.
13	Проблемы библиотечно-библиографической работы в АН СССР и АН союзных республик.
14	Централизация библиотечного дела в АН СССР и АН союзных республик.
15	Проблемы библиотечно-библиографической и информационной работы.
16	Проблемы развития научных исследований в области библиотековедения и теории библиографии.
17	Проблемы библиотечного и информационно библиографического обслуживания ученых и специалистов.
18	Книжные фонды: вопросы комплектования и сохранности.
19	Проблемы обслуживания читателей.
20	Основные направления перестройки работы академических библиотек в свете решений XXVII съезда КПСС.
21	Вопросы автоматизации информационно-библиотечной технологии и экономики библиотечного дела.
22	Проблема восстановления информационно-библиотечных связей.

Таблица 3. Сотрудники Библиотеки АН СССР, выступавшие с докладами на I–XXII Совещаниях директоров библиотек АН СССР и АН союзных республик

№ совещания	Докладчики
1	Лебедев Д.В., Выменец Ф.Н.
2	Лебедев Д.В., Шафрановский К.И., Выменец Ф.Н.
4	Чеботарев Г.А.
6	Ковальчук Т.М.
7	Манкевич А.И.
9	Луппов С.П., Хватов В.Я.
11	Моисеева А.А., Ковальчук Т.М.
12	Тер-Аванесян Д.В., Ефимова Л.Г., Луппов С.П., Данченко Т.Н.
13	Тер-Аванесян Д.В., Белявская О.П., Панов А.А., Данченко Т.Н., Панкова Г.Н.
14	Тер-Аванесян Д.В., Скороход И.А., Уткин Г.Н.
15	Тер-Аванесян Д.В., Бахарева Г.В., Короткина Б.М., Николаева Л.Ф., Панов А.А., Сухманева Е.Г.
16	Лютлова К.В., Ласкеев Н.А., Зверева Т.В., Панов А.А., Данченко Т.Н., Старкова Т.А.

Продолжение Табл. 3

№ совещания	Докладчики
17	Желтова О.М.
18	Зверева Т.В., Свиридова К.А., Филов В.А., Озолинг И.В., Кононова Л.И., Желтова О.М., Тарасова Ю.М.
19	Филов В.А., Желтова О.М., Тарасова Ю.М.
20	Басов С.А.
22	Леонов В.П.

Список источников

1. Метель О.В. Совет по координации научной деятельности Академий наук союзных республик и формирование системы координации научных исследований в СССР // Новое прошлое. 2022. № 4. С. 46–59.

2. А БАН. Ф. 1. Оп. 16. Д. 64.

3. А БАН. Ф. 1. Оп. 16. Д. 66.

4. А БАН. Ф. 1. Оп. 16. Д. 68.

5. А БАН. Ф. 1. Оп. 16. Д. 85.

SHEPELEVA E., BALAKINA A. Cooperation of Libraries of the USSR Academy of Sciences and Libraries of the Union Republics (Based on the Materials of Sessions of their Directors)

Shepeleva Elena — Chief Librarian, Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch, Sector of the Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: chepeleva@kunstkamera.ru

Balakina Anna — Lead librarian, Russian Academy of Sciences Library, Archive, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: balakina2a@gmail.com

ABSTRACT

The article is devoted to the history of interaction between the libraries of the USSR Academy of Sciences and the Academies of Sciences of the Union republics. It is based on archival documents held by the Archive of the Russian Academy of Sciences Library.

Keywords: Central Libraries of the USSR Academy of Sciences, Academy of Sciences of the Union Republics, Meetings of Directors, Meeting topics, Russian Academy of Sciences Library, RASL.

Н.В. Бекжанова

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ КАТАЛОГ БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: три века истории

Бекжанова Наиля Вилевна — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник отдела научной систематизации литературы, Библиотека Российской академии наук
Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: bekzan17@rambler.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена трехсотлетней истории систематического каталога Библиотеки Российской академии наук. Выделены основные этапы в развитии каталога. Дана краткая характеристика каждого периода с точки зрения применяемой классификации, достижений в области каталогизации и систематизации.

Ключевые слова: Библиотека Российской академии наук, БАН, библиотечные классификации, систематический каталог, история.

Систематический каталог — это библиотечный каталог, в котором библиографические записи располагаются по отраслям знаний в соответствии с определенной системой классификации документов. К систематическому каталогу обращаются с целью подбора литературы по определенному вопросу, теме, отрасли знания, а также для поиска книги, если неизвестны точное заглавие книги или ее автор.

Главным условием создания систематического каталога является наличие разработанной классификации, которая позволяет обеспечить каждому изданию свое место в каталоге, а также простоту нахождения его читателем.

Руководствуясь условием применения той или иной классификации, в истории систематического каталога Библиотеки Российской АН (БАН) можно выделить несколько периодов.

Начальный период (1741–1840 гг.). Еще в 1721–1722 гг., после поездки в Европу и знакомства с деятельностью известных библиотек Англии, Франции, Германии и Голландии, первый библиотекарь БАН И.Д. Шумахер отмечал, что «порядок в библиотеках разный есть ... Однако же обыкновеннейший и удобнейший, когда книги по материи и величине своей расставлены суть» [1, с. 557].

Четко назвать дату, когда именно в библиотеке начались работы по составлению каталогов, не представляется возможным. Книги описывались в соответствии с принятой системой расстановки их на полках. Первые печатные каталоги БАН [2, 3] были опубликованы в начале 1740-х гг., в обоих книги расположены в систематическом порядке.

На протяжении XVIII в. с переменным успехом велась работа по составлению каталогов БАН. Пристальное внимание уделялось правильной систематизации книг, предлагались новые схемы. В ряду достаточно любопытных и актуальных для своего времени можно назвать схему

А.И. Богданова — помощника библиотекаря БАН с 1730 по 1766 г. [4, с. 301–306].

После периода упадка, в котором находилась Академия и ее библиотека первые полтора десятка лет XIX в., работы по составлению каталогов стали вестись более активно. В 1818 г. библиотека была разделена на два самостоятельных отделения: I (Русское) и II (Иностранное). И теперь каждое из них самостоятельно заботилось о составлении каталогов и разработке классификаций. В I (Русском) отделении применялась схема П.И. Соколова/Я.И. Беренникова [5, с. 158–159].

II (Иностранное) отделение также требовало усовершенствования применяемой классификации. В 1828 г. библиотекарем В.А. Эртелем была предложена схема, основанная на опыте немецких университетов. В ней основным звеном служили два отдела: Науки и Искусства, каждый из которых делился на философский и исторический подразделы, внутри которых выделялись общие и частные научные области, а дальше уже — конкретные дисциплины [6].

Период классификации К.М. Бэра (1841–1923 гг.). Первые систематические каталоги, отвечавшие требованиям своего времени, появились в БАН во II (Иностранном) отделении в 1840-е гг. В 1841 г. была опубликована классификация, разработанная библиотекарем II (Иностранного) отделения К.М. Бэром — крупнейшим естествоиспытателем, основоположником эмбриологии и сравнительной анатомии [7]. Классификация делила знания на 21 основной отдел, внутри каждого из них выделялись более дробные подотделы. В своей классификации К.М. Бэр учитывал переход от простых предметов и явлений к более сложным, вводил новые группировки наук, устанавливал новую их последовательность, не встречавшуюся в предшествующих классификациях.

В рукописные тома систематического каталога II (Иностранного) отделения (41 том) вошла иностранная литература по всем отраслям знания, представленным в библиотеке. В соответствии с классификацией Бэра распределялись и книги на полках, что до некоторой степени делало расстановку достаточно сложной изначально, а также создавало дополнительные проблемы при увеличении фондов — требовалась постоянная их раздвижка.

В свою очередь, рост фондов приводил к переписке фолиантов, т.к. оставленные чистые листы быстро заполнялись. При этом росло и число томов по каждому отделу. В конце XIX в. директором II (Иностранного) отделения К.Г. Залеманом был поставлен вопрос о необходимости перехода к карточной форме систематического каталога [8].

В I (Русском) отделении продолжали пользоваться схемой Я.И. Беренникова до начала 1860-х гг., когда по инициативе А.А. Куника было начато составление систематического каталога по новой схеме, близкой к системе К.М. Бэра [9, с. 249–251]. При этом решено было систематизировать не только новые поступления, но и рекаталогизировать весь старый фонд. Основным принципом куниковского каталога был систематическо-хронологический принцип распределения литературы. В силу увеличивающегося потока поступлений, к началу XX в. реализовать все поставленные планы ни в I-ом, ни во II-ом отделениях не удалось.

Период усовершенствования классификации К.М. Бэра (1924–1929 гг.). С началом Первой мировой войны, периода революций и Гражданской войны в БАН составление систематических каталогов практически не велось. Активизация работ по созданию карточного систематического каталога началась в 1924 г., когда библиотека переехала в новое здание и в структуре II (Иностранного) отделения был создан систематизационный отдел под руководством С.С. Абрамовича-Барановского — военного юриста, до 1917 г. — генерал-майора, профессора Александровской военно-юридической академии [10]. Первостепенным вопросом для отдела стал выбор, какую классификацию положить в основу систематического каталога. После бурных обсуждений, в которых приняли также участие научные сотрудники и руководство библиотеки, было решено усовершенствовать классификацию К.М. Бэра, которую планировалось модернизировать в соответствии с требованиями времени и уровнем развития науки. Для этого схема была переведена на русский язык, к ней был составлен алфавитный указатель [11].

Расширение проводилось за счет введения новых подразделов и их подразделений (число отделов осталось неизменным) и раздробления остающихся подразделов и подразделений. Всего было введено 283 новых подразделения. Раздробление разделов имело место в 25-ти случаях, уничтожено было 21 совершенно устаревшее подразделение, при этом в обоих случаях книги, которые находились в этих разделах и подразделах, подвергались перешифровке. Была проведена серьезная работа по изменению названий большинства подразделений, приведению их в соответствие с существующим на конец 1920-х гг. уровнем развития научной терминологии.

За пять с небольшим лет была выполнена сверка имеющихся карточек с книгами в фонде, проведена редакция описаний, написаны новые карточки, составлены инструкции по работе со схемой К.М. Бэра, а также методические материалы, регламентирующие виды работ по созданию систематического каталога. Частично были составлены каталоги по некоторым разделам.

Особо следует отметить, что в эти годы были заложены принципы, ставшие базовыми для всех последующих периодов в истории систематизации и систематического каталога БАН: привлечение специалистов разного профиля для работы с соответствующей профильной литературой, закрепление за систематизатором «его» потока литературы и «его» части каталога.

Несмотря на все усилия, предпринятые по усовершенствованию классификации К.М. Бэра, достаточно быстро стало ясно, что ее время ушло и она не пригодна для систематизации современной литературы. На совещании отдела 23 декабря 1929 г. было принято решение с 1 января 1930 г. «признать практически целесообразным принять десятичную систему как временную меру с доведением в принципе индексации до 3-го деления» [12, л. 1].

Так начался еще один короткий отрезок в истории систематического каталога БАН — **период Универсальной десятичной классификации (1930–1932 гг.).** В эти годы шла реорганизация структуры БАН по функциональному принципу. Работы по созданию систематического каталога

были переданы в ведение научно-библиографического отдела, в рамках которого были созданы подраздел реальных каталогов и классификационный подраздел. Обязанности первого распространялись на систематический и предметный каталог, второй занимался оформлением предметного каталога [13].

На 1931 г. БАН располагала разрозненными каталогами, раскрывающими содержание литературы: «систематический каталог русских книг, опубликованных с 1917 г., в который с начала 1931 г. включается вся вновь поступающая иностранная литература» и «предметный каталог русской и иностранной литературы, поступившей в Библиотеку с сентября 1930 г.» [14, л. 131].

Имелись в БАН и старые — «мертвые» — систематические каталоги, которые не пополнялись карточками с момента перехода в 1930 г. на десятичную систему. Это были: 1. «систематический каталог по системе К. Бэра иностранных книг, поступивших в Библиотеку до 1914 года на карточках малого размера (около 80 тысяч карточек в 20–24 карточных коробках); 2. копия этого каталога (вернее оригинал) в неуклюжих фолиантах огромного размера; 3. систематический каталог иностранных книг, поступивших в Библиотеку с 1914 по 1930 год на карточках малого размера» [14, л. 131 об.].

Систематического каталога на русские книги до 1917 г. не было вовсе, к началу 1930-х гг. сохранились лишь отдельные разрозненные тома на некоторые отделы, а также заготовки для будущего каталога.

Структура БАН продолжала совершенствоваться. В конце 1934 г. работа по составлению систематического каталога сконцентрировалась в отделе обработки. В марте 1936 г. приказом дирекции в самостоятельное структурное подразделение был выделен отдел систематизации и информации (ОСИ). Заведующим был назначен В.В. Успенский — именно его мы с полным основанием можем назвать отцом современного систематического каталога БАН [15].

С начала 1933 г. ведет отсчет **период разработки собственных классификаций (1933–1941, 1946–1948 гг.)** и создания на их основе систематического каталога. В своем выступлении на Ученом совете БАН 22 февраля 1933 г. В.В. Успенский убедительно доказал значимость для такой библиотеки как БАН именно систематического, а не предметного каталога. Также, по его мнению, необходимо было составить такую предварительную рабочую схему, «идущую от наиболее общих наук к наукам более частным, т.е., примерно — от математики, механики, физики, сейсмологии, тригонометрии, через химию, через физико-географические науки, через геологические, через биологические науки, постепенно приближаясь к человеку и ко всем наукам, связанным с миром человеческим и социальным» [Цит. по: 16, с. 26].

Эти же вопросы в ряду других обсуждались и на 1-й Всесоюзной конференции по систематическому каталогу, которая была организована усилиями БАН в июне 1934 г. Тогда же был поставлен вопрос о необходимости объединения ресурсов крупнейших библиотек страны и авторитетных ученых по созданию библиотечно-библиографической классификации, построенной на единых принципах для разного типа библиотек [16, с. 56–140].

Вопреки всем сложностям, с которыми приходилось сталкиваться (в 1938 г. был арестован В.В. Успенский, оказывалось идеологическое давление — неоднократные требования провести очистку каталога от идеологически вредной литературы, проблемы со штатами и др.), создание многих разделов систематического каталога продолжалось. Читатели получали доступ к завершенным разделам в справочно-библиографическом отделе, таким образом создание и обслуживание систематическим каталогом было разделено между двумя отделами. К 1941 г. были готовы и оформлены каталоги по 16 разделам; некоторые готовые, но не оформленные разделы (общая биология, генетика, сельское хозяйство, книговедение и библиотековедение, некоторые разделы техники), еще не были представлены читателям. Имелись массивы по непрофильным для БАН разделам (медицине, профдвижению, спорту, истории религии и церкви), работа по которым не велась.

Во время Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда работа над систематическим каталогом в библиотеке практически не велась. После окончания войны лишь к концу 1940-х гг. в БАН был поставлен вопрос о необходимости восстановления систематического каталога, в истории которого начался **период участия в совместной работе над Библиотечно-библиографической классификацией (ББК) (1949–1954 гг.)**. В 1949 г. был организационно оформлен отдел систематизации и информации, штат которого составил 16 человек. Руководителем группы систематизаторов был назначен освобожденный к тому времени В.В. Успенский, который поступил на работу в БАН на 8 ставки. Тогда же на заседании Ученого совета он сформулировал главные принципы построения систематического каталога и представил подробный план по возобновлению работ над схемами и каталогом. Систематический каталог, по его мнению, должен быть единым — одновременно читательским и служебным. Главные принципы его построения — это научность, партийность и историзм. Классификационные таблицы по каждой науке требовалось согласовывать с соответствующим по научному профилю институтом и отделением АН, а затем утверждать дирекцией БАН [17, с. 11–20].

В начале 1950-х гг. БАН в полной мере подключилась к совместной с Государственной библиотекой им. В.И. Ленина/Российской государственной библиотекой (ГБЛ/РГБ), Государственной публичной библиотекой им. М.Е. Салтыкова-Щедрина/Российской национальной библиотекой (ГПБ/РНБ), а также Всесоюзной книжной палатой работе по созданию Библиотечно-библиографической классификации. В 1951 г. состоялось заседание Ученого совета БАН, на котором были представлены результаты рассмотрения проекта классификации, разосланной для согласования ГБЛ, возглавившей работу по созданию ББК [18, 19].

До выхода в свет в 1960 г. первого тома ББК основой для систематического каталога БАН служили собственные схемы, частично использовались схемы ГБЛ.

В 1955 г. в структуре БАН появился новый отдел — отдел систематизации литературы. Это стало началом **периода Библиотечно-библиографической классификации (1955 — до настоящего времени)** в истории систематического каталога БАН.

Библиотека стала одним из активных участников коллектива, созданного под руководством Министерства культуры РСФСР для завершения работы над новой классификацией. По результатам согласования за БАН были закреплены естественно-научные дисциплины. Также сотрудники отдела участвовали в рецензировании большинства разделов.

В 1958 г. отделом была организована научная конференция «Систематический каталог и вопросы библиотечной классификации», положившая начало традиции такого рода собраний в БАН (в настоящее время они трансформировались в научные чтения «Реальные и формальные каталоги БАН: история, современное состояние, перспективы развития»). В ее работе приняли участие не только сотрудники БАН, но и специалисты в области систематизации: Е.И. Шамурин, З.Н. Амбарцумян, кандидат философских наук И.Г. Ханджян, Б.Ю. Эйдельман, доктор физико-математических наук профессор В.М. Дукельский, химик, профессор В.П. Барзаковский, кандидат педагогических наук И.А. Месеняшин и другие специалисты. На заседаниях обсуждались вопросы основных делений классификации, а также структура таких разделов, как химия, история КПСС, экономика, социальная жизнь [20].

Сотрудниками отдела в этот период были сформулированы принципы построения систематического каталога с учетом особенностей, характерных для БАН, разработана оригинальная методика перевода разделов каталога на ББК. К 1980 г. эта работа была завершена, весь систематический каталог БАН перешел на схему ББК.

За это время отделом были выпущено почти два десятка сборников, посвященных истории, методике систематизации, трансформации таблиц в соответствии с уровнем развития науки и изменениями в обществе [21, с. 124–187].

С момента выхода первого тома ББК сотрудники отдела участвовали в их оптимизации и усовершенствовании, совместно с коллегами из РГБ и РНБ участвовали в разработке Средних таблиц ББК.

С 2000 г. были начаты работы по вводу в Электронный каталог (ЭК) БАН данных систематизации — сначала на иностранные издания, а с 2013 г. подключились и отечественные, а также все, что поступает не только в фонды основного здания БАН, но и в ее филиалы. В настоящее время ведется работа по ретро-вводу индексов в ЭК на издания с 2000 г.

В течение последних двух лет совместно с научно-исследовательским отделом автоматизации и информации была проделана работа по инкорпорированию в ЭК алфавитно-предметного указателя (в части физико-математических наук, биологии, химии, геологии и географии, техники, медицины).

Таким образом, за свою долгую историю, сравнимую с историей БАН, систематический каталог прошел долгий путь — от первых рукописных фолиантов, в которых литература распределялась по нескольким разделам, до сложной системы, охватывающей все науки и виды научно-практической и практической деятельности, включенной в ЭК БАН. Его полнота обеспечивается с середины 1950-х гг., но внутри каждого деления представлена и литература за более ранние периоды. В настоящее время численность карточек, включенных в ЦСК (Центральный систематический каталог) БАН, составляет порядка 8 миллионов. Основой для систематизации продолжают служить полные таблицы ББК для научных

библиотек, в которые, по мере развития той или иной дисциплины, общества в целом, каждый специалист-систематизатор вносит необходимые коррективы, используя заложенный в них потенциал развития.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Периоды в истории создания и развития Центрального систематического каталога БАН

Начальный период 1714–1840 гг.	– начало основных работ над каталогами (систематическими); – публикация первых печатных каталогов; – составление рукописных каталогов и дополнений к ним; – разработка классификаций И. Бакмейстера, П.И. Соколова, Я.И. Бердникова, В.А. Эртеля
Период классификации К.М. Бэра 1841–1923 гг.	– разработка классификации К.М. Бэра; – создание рукописного систематического каталога II (Иностранного) отделения по схеме К.М. Бэра; – организация фонда II (Иностранного) отделения по схеме К.М. Бэра; – разработка классификации А.А. Куника; – реализация работ по составлению рукописного систематического каталога по схеме А.А. Куника в I (Русском) отделении
Период усовершенствования классификации К.М. Бэра 1924–1929 гг.	– выделение в структуре II (Иностранного) отделения систематизационного отдела; – перевод классификации К.М. Бэра на русский язык и ее публикация; – оптимизация таблиц К.М. Бэра в соответствии с требованиями начала XX в.; – работы по созданию карточного систематического каталога
Период УДК 1930–1932 гг.	– переход на Универсальную десятичную классификацию; – выделение в рамках научно-библиографического отдела подотдела реальных каталогов и классификационного подотдела
Период разработки собственных классификаций 1933–1941 гг., 1946–1948 гг.	– перевод подотдела реальных каталогов в отдел обработки; – выделение в самостоятельное структурное подразделение отдела систематизации и информации; – разработка оригинальных классификаций; – проведение I Всесоюзной конференции по систематическому каталогу; – дискуссии о месте предметного и систематического каталогов в крупной научной библиотеке; – постановка вопроса о необходимости объединения усилий крупных библиотек, библиотечников и ученых для составления библиотечных классификаций
Период участия в совместной работе над ББК 1949–1954 гг.	– организационное оформление отдела систематизации и информации; – разработка подробного плана по возобновлению работ над схемами и каталогами; – подключение к совместной работе над ББК; – обсуждение проекта классификации, предложенной ГБЛ им. В.И. Ленина; – создание карточного систематического каталога на основе собственных схем и схем ГБЛ им. В.И. Ленина

Период ББК 1955 г. — по настоящее время	– выделение самостоятельного отдела систематизации; – разработка принципов построения систематического каталога БАН; – участие в составлении ББК; – организация научной конференции «Систематический каталог и вопросы библиотечной классификации» (1958 г.); – формирование традиции публиковать сборники ОСИ; – перевод ЦСК на ББК; – сотрудничество с НИЦ ББК при РГБ по оптимизации ББК и подготовке Средних таблиц ББК; – инкорпорирование данных систематического каталога в ЭК БАН в текущем и ретро-режимах; – перевод АПУ в электронную форму
---	--

Список источников

1. Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1: Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. [8], VI, 579 с.
2. Bibliothecae Petropolitanae ... [Pars I–IV. Petropoli], 1742.
3. Российские печатные книги, находящиеся в имп. Библиотеке. Камера W. Шкап 1, 2, 3. Российские рукописные книги. Камера W. Шкап 20, 21, 22. [СПб., 1742]. 100, 16 л.
4. Шамурин Е.И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации / ВКП. Москва, 1955. Т. 1. 399 с.: ил.
5. Шамурин Е.И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации / ВКП. Москва, 1959. Т. 2. 563 с.: ил.
6. Чернаткин И.И. К вопросу об истории систематизации литературы в Библиотеке Российской академии наук: классификация В.А. Эртеля // Петерб. библиот. шк. 2020. № 1 (70). С. 37–43.
7. Conspectus indicis systematici Bibliothecae Academiae imp. Scientiarum Petropolitanae. Sectio II. Libri idiomatibus extraneis conscripti. Petropoli, 1841. IV, 60 p.
8. [Доклад К.Г. Залемана о необходимости <...> в связи с трудностью переписки отдельных томов систематического каталога — зачитанных и растрепанных — составлять каталог на отдельных карточках] // Протоколы ОС. 1891. № 6. § 73.
9. История Библиотеки Академии наук СССР, 1714–1964 / АН СССР. Б-ка Акад. наук; авт. кол.: С.П. Луппов, А.И. Копанев, М.В. Кукушкина и др.; отв. ред. М.С. Филиппов. Москва; Ленинград: Наука, 1964. 599 с.: ил.
10. Бекжанова Н.В. Систематический каталог Библиотеки Российской академии наук: начальный этап создания (1924–1929 гг.) // Библиотековедение. 2019. Т. 68, № 2. С. 195–204.
11. Бэр К.Э. Система классификации книг II отделения Библиотеки Российской Академии Наук, составленная в 1841 г.: пер. с лат. изд. 1903 г. / АН СССР. Б-ка. Ленинград, 1926. 63 с.
12. Протоколы совещаний сотрудников отдела систематизации II Отделения по вопросу о переходе на систематизацию по десятичной классификации // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1929). Д. 16. 2 л.
13. Бекжанова Н.В. Деятельность отделов Библиотеки Академии наук по созданию реальных каталогов в 1930-е гг. // Наука и библиотека: сб. науч. тр. Санкт-Петербург, 2024. Вып. 11. С. 148–167.
14. Планы, отчеты, программы, сметы и протоколы совещаний научно-библиографического отдела и подотдела реального каталога // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1931). Д. 17. 146 л.
15. Бекжанова Н.В., Омельченко Д.М. Всеволод Васильевич Успенский (1902–1960). Неизвестные страницы истории ББК // Румянцевские чтения 2017. 500-летие издания первой славянской Библии Франциска Скорины: становление и развитие культуры книгопечатания: материалы междунар. науч.-практ. конф. (18–19 апр. 2017). Москва, 2017. Ч. 3. С. 140–145.

16. К истории разработки библиотечных классификаций в 1930-е годы: сб. док.: коммент. изд. / Б-ка РАН. Отдел науч. систематизации литературы; авт.-сост.: Н.В. Бекжанова (отв. сост.), Д. Дракулич-Прийма, Д.М. Омельченко, С.В. Перекрест. Санкт-Петербург: БАН, 2018. 255 с.

17. Успенский В.В. Основные цели, задачи, принципы и план построения систематического каталога ЦБАН (авторское резюме доклада на Ученом совете БАН 17 октября 1949 г.) // Библиотечно-библиографическая классификация (ББК): к истории разработки в 1950-е годы: сб. док. / Б-ка РАН; авт.-сост.: Н.В. Бекжанова (отв. сост.), Д.Д. Дымская, С.В. Перекрест. Санкт-Петербург: БАН, 2022. 405 с. (Сер.: Летопись Б-ки Акад. наук).

18. Библиотечная классификация (сокращенный вариант) / ГБЛ им. В.И. Ленина, ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина; под ред. Е.И. Шамурина. Москва, 1949. 155 с.

19. Библиотечная классификация (сокращенный вариант) / ГБЛ им. В.И. Ленина. Москва, 1959. 159 с. (Проект для обсуждения).

20. Систематический каталог и вопросы библиотечной классификации: сб. докл., зачит. на науч. конф. Б-ки Акад. наук СССР 24–25 апр. 1958 г. / АН СССР. Б-ка; под ред. И.В. Молодцова, А.Х. Рафикова. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1959. 128 с.

21. Указатель трудов сотрудников Отдела научной систематизации литературы, 1950-е – 2013 гг. / сост.: Н.В. Бекжанова, В.Б. Лазуркина // Отдел научной систематизации литературы: 1950-е — 2013 гг.: сб. науч. тр. / Б-ка Рос. акад. наук. Санкт-Петербург: БАН, 2014. 196 с.

BEKZHANOVA N. Systematic catalogue of the Russian Academy of Sciences Library: three centuries of history

Bekzhanova Nailja — Candidate of Pedagogical Sciences, senior researcher, Department of Systematic Catalog, Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: bekzan17@rambler.ru, onsl@rasl.nw.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the three-hundred-year history of systematic catalog of the Russian Academy of Sciences Library. The main stages in the development of the catalog are highlighted. A brief description of each period from the point of view of applied classification, achievements in the field of cataloging and systematization are given.

Keywords: Russian Academy of Sciences Library, RASL, library classifications, systematic catalog, history.

Р.М. Юсупов], М.А. Вус

**АКАДЕМИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
«ИСТОРИЯ ИНФОРМАТИКИ И КИБЕРНЕТИКИ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (ЛЕНИНГРАДЕ)»**

Юсупов Рафаэль Мидхатович — доктор технических наук, член-корреспондент РАН, научный руководитель Санкт-Петербургского института информатики и автоматизации РАН

Вус Михаил Александрович — кандидат технических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института информатики и автоматизации РАН
Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: mihail-vys@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В четырех книгах, подготовленных в Санкт-Петербургском институте информатики и автоматизации РАН и увидевших свет в 2008–2014 гг., представлены очерки, освещающие вклад отечественных ученых и их научных школ в становление и развитие информатики и кибернетики.

Ключевые слова: информатика, кибернетика, выдающиеся ученые, научные школы, достижения.

«В основании научно-технического прогресса лежит именно человеческий фактор, который складывается из имен».

[Труды конференции «SORUCOM-2014», с. 79.]

Четырехтомное издание: сборник «История информатики и кибернетики в Санкт-Петербурге (Ленинграде)» был подготовлен в 2008–2014 гг. в Санкт-Петербургском институте информатики и автоматизации Российской академии наук [составитель М.А. Вус; под общей редакцией члена-корреспондента РАН Р.М. Юсупова] и выпускался в свет издательством «Наука».

Санкт-Петербург занимает особое место в истории развития отечественной и мировой науки, фактически он является родиной российской науки. Именно в этом городе 28 января 1724 г. Указом Петра Великого было основано первое в России высшее научно-учебное заведение — Академия наук в составе собственно Академии, академического университета и академической гимназии.

Столичный статус на протяжении первых двух столетий, высокий уровень культурной среды, сосредоточение в нем основного академического и университетского потенциалов России, тесные связи с европейским научным сообществом способствовали ускоренному развитию в городе научной мысли. В этот период в Санкт-Петербурге сформировались научные школы мирового уровня в области физики, астрономии, химии, математики, механики, физиологии, востоковедения. «Петербургскими фрагментами» научной картины мира стали множество открытых явлений и эффектов, небесных тел и химических реакций, новых веществ, технологий и целых отраслей промышленности.

В двадцатом столетии бурное развитие научно-технической революции и ее достижения привели к формированию ряда новых научных

направлений фундаментального и прикладного характера, особенно в области естественных и технических наук. Среди них особое место занимают кибернетика и информатика — тесно связанные между собой междисциплинарные научные направления, оказавшие революционное влияние на развитие системно-управленческого мышления и технологической базы современной экономики и производства.

Являясь наукой об общих законах и закономерностях управления и связи, кибернетика обобщает принципы и методы теории автоматического управления и регулирования. Информатика как наука о методах и средствах сбора, хранения, обработки, представления и передачи информации начала формироваться в середине 60-х гг. прошлого столетия.

Первый выпуск сборника, увидевший свет в 2008 г., был назван «Яркие страницы истории». В нем представлены обзорные материалы по развитию кибернетики и информатики в Санкт-Петербурге, освещается вклад отдельных организаций и роль выдающихся ученых и их научных школ. Отдельные очерки посвящены Нобелевским лауреатам, академикам Ж.И. Алферову и Л.В. Канторовичу, академикам А.И. Бергу, А.А. Воронovu и Е.П. Попову, членам-корреспондентам А.А. Вавилову, В.И. Зубову, С.С. Лаврову и В.И. Сифорову, ученым-изобретателям В.И. Варшавскому и Т.Н. Соколову.

В увидевшем свет в 2010 г. 2-м выпуске сборника представлены очерки, освещающие роль выдающихся петербургских ученых А.И. Лурье и В.А. Бесекерского и их научных школ в становлении и развитии отечественной кибернетики, информатики и основ теории управления. 100-летний период развития теории автоматического управления прослеживается на примере истории концерна «Гранит-Электрон», ведущего свое начало от созданной еще в царские времена Центральной научно-технической лаборатории Военного ведомства. Рассказывается об истории работ в области информатики и вычислительной техники в Ленинградском политехническом институте, о кафедрах профессоров Т.Н. Соколова, Б.И. Доманского, В.А. Троицкого, о разработке специализированной ЦВМ «Кварц», предназначенной для АСУ слежения за запусками искусственных спутников Земли; об организации на базе кафедры профессора Т.Н. Соколова ОКБ ЛПИ (ныне НПО «Импульс»). Повествуется о периоде зарождения робототехники, истории создания и развития информационно-аналитического центра в Санкт-Петербурге.

В этом же выпуске сборника представлены воспоминания о выдающихся специалистах в области электроники, американских коммунистах Ф.Г. Старосе (Альфред Сарант) и Й.В. Берге (Джон Барр), которые переехали в СССР и создали в 1956 г. в Ленинграде лабораторию, а затем КБ электронной техники, в котором была разработана специальная ЭВМ «УН-1НХ» для решения задач народно-хозяйственного комплекса.

В рубрике «Юбиляры в строю» 2-го выпуска сборника представлены очерки, рассказывающие о жизненном пути академика РАН В.Г. Пешехонова и члена-корреспондента РАН Р.М. Юсупова, отмечавших в тот год свое 75-летие.

Третий выпуск сборника продолжил рубрики «Выдающиеся ученые» и «Достижения научных школ и коллективов». Здесь представлены очерки о предтече кибернетики А.С. Попове, фактически подготовившем своей

деятельностью почву для ее развития; о создателе космического телевидения П.Ф. Браславце; о разработчике информационной теории измерений П.В. Новицком и о научном и методическом наследии В.А. Бесекерского в области проектирования систем автоматического управления.

Специальная рубрика «Пятьдесят лет в кибернетике» была посвящена творчеству отмечавшего в тот год свое 80-летие профессора М.Б. Игнатьева — выдающегося ученого, которому принадлежат немалые заслуги в разработке вопросов робототехники, артоники и теории виртуальных миров.

Малоизвестные материалы, иллюстрирующие факты из истории российской науки и техники, были представлены на страницах рубрики «Из фондов и архивов библиотеки Российской академии наук».

Четвертый выпуск сборника составлен из шести частей. В первой обсуждается вклад ленинградских ученых профессора Е.Н. Розенвассера и члена-корреспондента РАН Р.М. Юсупова в развитие теории чувствительности систем управления. Вторая часть посвящена достижениям научной школы НИИ Телевидения в области прикладной информатики и работам коллектива СПб ЭМИ РАН в области системного и теоретического программирования.

В третьей части этого выпуска сборника, озаглавленной «Информатика и образование» рассказывается о роли ленинградских ученых в подготовке государственного постановления «О мерах по обеспечению компьютерной грамотности учащихся средних учебных заведений и широкого внедрения электронно-вычислительной техники в учебный процесс» (было принято ЦК КПСС и СМ СССР 28.03.1985 г.). Здесь же представлены воспоминания выпускников первой ленинградской физико-математической школы (ныне президентский лицей № 239), в которой на практике реализовывались заветы петербургского педагога Карла Мая: «Сперва любить, потом учить» и Альберта Эйнштейна: «Целью школы должно быть воспитание гармоничной личности, а не специалиста».

Малоизвестные факты из истории создания техники для производства вычислений приводятся в четвертой части выпуска. В пятой части отдается дань памяти выдающемуся инженеру и ученому, изобретателю электронного телевидения В.К. Зворыкину, биограф которого дал ему такую характеристику: «Как ученый он принадлежит миру, но всегда останется примером уникальной русской души». В заключительной части сборника «Пятилетка СПИРАН» представлен материал, характеризующий работы и достижения ученых института. Только за прошедшее пятилетие ученые Санкт-Петербургского института информатики и автоматизации трижды были удостоены премий Правительства России.

Вышедшее в свет издание иллюстрировано, для удобства читателя снабжено именным (более 2 двух тысяч) и авторским (78 имен) указателями. Обязательные экземпляры были переданы в Книжную палату. Электронные версии сборников представлены в сетевых ресурсах.

P.S. Время неумолимо. Многих из упоминавшихся на страницах сборников ученых и авторов очерков о уже нет с нами. Люди уходят. Но память о них, их работах и достижениях должна сохраниться!

Список источников

История информатики и кибернетики в Санкт-Петербурге (Ленинграде) // под общ. ред. чл.-кор. РАН Р.М. Юсупова; составитель М.А. Вус; Ин-т информатики и автоматизации РАН. Санкт-Петербург: Наука. (2008–2014).

Выпуск 1. Яркие фрагменты истории. Санкт-Петербург: Наука, 2008. 356 с.

ISBN 978-5-02-025337-7 (Общ.) ISBN 978-5-02-025358-2 (Вып. 1)

Выпуск 2. Санкт-Петербург: Наука, Изд-во ООО «Анатолия». 2010. 152 с.: ил.

ISBN 978-5-02-025337-7 (Общ.)

ISBN 978-5-7452-0126-4 (Вып. 2)

Выпуск 3. Санкт-Петербург: Наука. Изд-во ООО «Анатолия». 2012. 216 с.: ил.

ISBN 978-5-02-025337-7 (Общ.)

ISBN 978-5-7452-0003-8 (Вып. 3)

Выпуск 4. Санкт-Петербург: Наука. Изд-во ООО «Анатолия». 2014. 180 с. ил.;

ISBN 978-5-02-025337-7 (Общ.)

ISBN 978-5-7452-0034-2 (Вып. 4)

YUSUPOV R., VUS M. Academic edition «The history of computer science and cybernetics in St. Petersburg (Leningrad)»

Yusupov Rafael — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of St. Petersburg Institute for Informatics and Automation of RAS

Vus Mikhail — Senior Researcher of the St. Petersburg Institute for Informatics and Automation of RAS, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: mihail-vys@yandex.ru

ABSTRACT

Four books prepared at the St. Petersburg Institute of Informatics and Automation of the Russian Academy of Sciences and published in 2008–2014 contain essays highlighting the contribution of Russian scientists and their scientific schools to the formation and development of computer science and cybernetics.

Key words: Computer science, cybernetics, prominent scientists, scientific schools, achievements.

Ю.В. Пригорицкая

АФРИКАНИСТИКА В АКАДЕМИИ НАУК

Пригорицкая Юлия Валерьевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела литературы стран Азии и Африки, Библиотека Российской академии наук
Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: olsaa@rasl.nw.ru

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья представляет собой срез истории развития африканистики в России в ее связи с учреждениями и институтами Российской академии наук.

Ключевые слова: африканистика, история африканистики, Академия наук, Музей антропологии и этнографии Институт Африки, Институт востоковедения, Институт этнографии, Центр африканских исследований, Дмитрий Алексеевич Ольдерогге, Иван Изосимович Потехин, Аполлон Борисович Давидсон.

Первые сведения об Африке в России были получены от Афанасия Никитина (путешествовал с 1468 г.), чьи «рукописные тетради привезли гости [купцы] в Москву...». Прожив в Индии около трех лет, он в конце 1473 г. отправился в обратный путь, описанный им очень кратко. Сел на судно в Дабхоле (Дабул) в январе 1474 г., уплатив за проезд до Ормуза (остров в Ормузском проливе, который входит в настоящее время в состав Исламской Республики Иран) два золотых. «И плыл я... по морю месяц и не видел ничего, только на другой месяц увидел Ефиопские горы... и в той Ефиопской земле был пять дней. Божией благодатью зло не произошло, много роздали мы ефиопам рису, перцу, хлебов, и они суда не пограбили». Под «Ефиопскими горами» подразумевается северный высокий берег п-ова Сомали. Судно достигло Маската, пройдя около 2000 км против ветра и течения и затратив на этот путь значительно больше времени, чем отмечено в тексте «Хожения...» [1, т. 1, с. 239–240].

По мнению директора Института Африки РАН И. Абрамовой, благодаря этому путешествию развитие российской африканистики началось именно с исследований Восточной Африки, в первую очередь с Абиссинии (современной Эфиопии).

Петр I, проявлявший большой интерес к Африканскому континенту, интересовался Мадагаскаром¹, Южной Африкой и, конечно же, Эфиопией. По его указанию на русский язык была переведена «История Эфиопии» немецкого ученого Иова Лудольфа (немецкий ориенталист; 1624–

¹ В 1723 г. Петр I отправил два корабля из Ревеля на Мадагаскар с целью установления контактов с одним из пиратских вождей, но шторм не позволил кораблям выйти из Балтийского моря и экспедиция была отложена и затем отменена. Африканистика в России: прошлое и настоящее: Сборник научных статей к 120-летию Дмитрия Алексеевича Ольдерогге / отв. ред. А.Ю. Желтов. Санкт-Петербург: Издательство РГХА, 2023. С. 145. Давидсон А.Б. Россия и Южная Африка: три века связей. Москва: Высшая школа экономики (ГУ ВШЭ), 2010. С. 20–26.

1704), в наличии в фонде К.М. Бэра на латинском языке). Сведения о странах и народах Африки содержатся в петровских «Географиях» («География или краткое земного круга описание. Напечатано повелением царского величества в типографии московской лета господня 1710-го в месяце марте», «Земноводного круга краткое описание из старья и новья географии. Напечатано в Москве, лета господня 1719, в апреле месяце», стр. 373, 382–384) [2, с. 87].

Дальнейшее зарождение и развитие африканистики неразрывно связано с Академией наук. В 1745 г. Академия наук издала географическую карту Африки, а в 1753 г. — «Руководство к Древней географии...» немецкого историка XVII века Христофора Целлярия, целый раздел которой посвящен описанию Африки, характеристике ее населения («Краткое руководство к древней географии с изъяснением нынешнего состояния известных в разные времена земель»). Всего было выпущено 28 карт, переработанных с карт Христофора Целлярия².

К середине XVIII в. относится зарождение интереса научной общественности к Эфиопии, связанное с именем М.В. Ломоносова, который заказал наборщику вырезать по представленному изображению «абиссинские или эфиопские слоги» для готовившейся им к печати «Российской грамматики». В издание они не были включены, но сами изображения хранятся в Архиве Академии наук. В 1790–1791 Российская академия наук в Петербурге опубликовала под редакцией академика П.С. Палласа «Сравнительный словарь всех языков и наречий», в который вошли материалы по 33 языкам народов Африки, представляющие собой небольшие списки слов или словарики по таким языкам, как коптский, шилх, фула, волоф, ибо, готтентотский и др. [3, с. 282]. В 1793 году выпущена первая переводная книга — «Путешествие Г. Вальяна во внутренность Африки, через мыс Доброй Надежды в 1780, 1781, 1783, 1784 и 1785 годах». Т. 1–2. [3, с. 282].

К середине XIX в. типография Академии наук в Петербурге располагала эфиопским шрифтом. «Азбука восточных и западных языков», изданная в 1859 г., содержала эфиопскую азбуку, но только с конца XIX в., с появлением исследований историка-антиковеда Бориса Александровича Тураева, он стал активно применяться учеными-эфиопистами [3, с. 32].

Кунсткамера, основанная Петром I в 1714 г. как государственный общедоступный государственный публичный музей, чьи коллекции должны были послужить основой для Академии наук и развития научных исследований, став в 1836 г. Музеем этнографии, а в 1879 г. Музеем антропологии и этнографии, ныне имеющая статус учреждения Российской академии наук, впервые пополнилась в 1838 г. африканскими этнографи-

² Первая карта Африки была издана в России в 1713 г. «Всея Африки тщательнейшая таблица, нами исправно рассмотренная, многими местами умноженная, на части тако большие яко меньшие раздробленная». В ее основу была положена карта, изданная в Амстердаме около 1671 г. и составленная Фредериком де Витом (1618–1698), основателем семьи голландских картографов. Африка испещрена здесь множеством коротеньких рек, впадающих в океаны, и хребтами бесконечных гор, изображенных коническими, одинаковой величины знаками. Севернее Мадагаскара — «океан Восточный». Посередине «Екватор, или линия Равнонощная», южнее него Атлантический океан, названный «Ефиопским». По Ефиопскому и Восточному океанам плывут из Европы трехмачтовые, вырисованные до флагов и пушечных амбразур, корабли. Направляются они к «Капо Бона Есперанца», оттуда, огибая Мадагаскар, в Индию, потом в Новую Голландию, в Батавию. Давидсон А.Б. Россия и Южная Африка: три века связей. Москва: Высшая школа экономики (ГУ ВШЭ), 2010. С. 13–14.

ческими экспонатами из Каира от арабиста академика Христиана Даниловича Френа [4, с. 200].

В 1866 г. ее дополнили 24 предмета из стран западного побережья, полученные в дар от французского морского офицера и колониального чиновника Леопольда Гарро [5, с. 61].

Фундамент же африканского раздела образовал дар одного из первых русских исследователей Африки Василия Васильевича Юнкера.

«Большинство совершенных россиянами в дореволюционные годы поездок в Африку имели своей целью» в основном православную Эфиопию, «которой Российская империя оказывала военно-политическую поддержку», и страны Северной Африки, первые сведения о которой «стали попадать вместе с «хождениями» паломников в Святую землю — Палестину и Синай», но эти путешествия, включая и самые известные, «не ставили перед собой научных задач, хотя весьма способствовали расширению знаний о далеком Черном континенте» [6, с. 299].

Решающую роль в том, что ученые нашей страны в середине XIX — начале XX вв. все же принимали определенное участие в исследовании Африканского континента, по мнению Блюмы Абрамовны Вальской, сыграло созданное в 1845 г. Русское географическое общество: исследования Е.П. Ковалевского (1811–1868 гг.) в бассейне р. Нил, В.В. Юнкера (1840–1892) в бассейне р. Конго и в верховьях Нила, А.К. Булатовича (1870–1919) — в Эфиопии [2, с. 87].

С ним была связана и деятельность В.В. Юнкера — крупнейшего российского путешественника и исследователя Африки. В 1873 г. он участвовал в тунисской экспедиции, а затем предпринял два путешествия вглубь Африканского континента. Первое, продолжавшееся с октября 1875 г. до сентября 1878 г., основной задачей ставило исследование незнакомого европейцам султаната Дарфур, присоединенного к Египту в 1874 г. Во время второго путешествия (с 1879 по 1886 гг.) В.В. Юнкер решил принять участие в выяснении одной из основных проблем географической науки последней четверти XIX в. — проблемы водораздела рек Нила, Конго и Нигера. Тщательно изучив область р. Уэле, в феврале 1883 г. участники экспедиции окончательно установили принадлежность ее к системе Конго. Из-за восстания махдистов в Судане возвращение в Европу проходило через Уганду и Занзибар.

Своими исследованиями В.В. Юнкер обогатил не только географические науки, но и этнографию: составил детальные описания многих народов Африки. Наблюдения путешественника обобщены в трехтомнике, вышедшем в Вене в 1889–1891 гг. Во время путешествий по Африке В.В. Юнкер объехал страны, населенные арабами, племенами нилотов (динка, шиллук, нуэр, бари и др.), народами, говорящими на восточно-суданских языках: азанде, мангбетту, калика, мадии и др., а также побывал в странах Буньоро и Бутанда, добыл ценные сведения о пигмеях акка.

В.В. Юнкер привез в Петербург большую коллекцию оружия, утвари, одежды и других предметов быта, собранную среди вышеперечисленных народностей.

13 апреля 1879 г. В.В. Юнкер преподнес в дар Петербургской Академии наук свое этнографическое собрание, которое было передано в Музей антропологии и этнографии.

Имевшиеся поступления были дополнены экспонатами, привезенными из Эфиопии Н.С. Гумилевым, Н.С. Леонтьевым и врачами, обслуживавшими русский госпиталь в Аддис-Абебе, созданный по просьбе эфиопского правительства; полученным в дар от лейпцигского профессора Г. Майера собранием выдающихся памятников искусства западноафриканского доколониального «королевства» Бенин; несколькими десятками предметов (71 шт.), относящихся к культурам народов Юга Африки, также переданных в дар выдающимся чешским путешественником Э. Голубом в 1894 г. и т.д. [5, с. 62–64]. «Таким образом, в начале XX в. африканские коллекции МАЭ охватывали все части континента и практически все основные сферы жизнедеятельности его народов. В 1911 г. они были выделены в особый отдел музея, первым заведующим которым был назначен Ян Викентьевич Чекановский» (антрополог, участник экспедиции в Центральную Африку в 1906–1909 гг.), написавший в 1912 г. путеводитель по залу Африки [6, с. 305].

В настоящее время африканский фонд Музея насчитывает более 13 000 предметов и более 5 000 единиц хранения фотоиллюстративных материалов. В экспозиции зала Африки представлены около 1 300 единиц хранения [3, с. 147]. Коллекция музея пополняется благодаря сотрудникам африканского отдела Музея, а также за счет даров африканистов Санкт-Петербургского университета и других научных учреждений, дипломатов и просто работающих или путешествующих в Африке [5, с. 66].

Научный отдел Африки был учрежден в МАЭ 2 ноября 1929 года, его руководителем был назначен Дмитрий Алексеевич Ольдерогге, один из ведущих создателей научной школы отечественной африканистики. Усилия сотрудников отдела были направлены на изучение и издание письменных источников по истории и этнографии Африки южнее Сахары, а также на изучение живых африканских языков [3, с. 148]. «Через его аспирантуру и работу в нем прошли целые поколения учеников Д.А. Ольдерогге, заведовавшего отделом до самой смерти в 1987 г.» [6, с. 306].

По мнению российского историка и африканиста Аполлона Борисовича Давидсона, именно 1929 г. можно считать годом рождения отечественной африканистики, т.к. до этого времени не было ученых, для которых изучение Африки являлось главной сферой деятельности, а в 1929 г. определилась научная судьба Д.А. Ольдерогге, возглавившего отдел Африки, Эндре Шика, выступившего с докладом о задачах изучения социально-экономических проблем Африки³, и Георгия Евгеньевича Герн-

³ Эндре Шик разработал первую советскую программу изучения Африки, которую представил 13 апреля 1929 г. на обсуждение созданного в НИАНКП научно-исследовательского кружка по изучению социально-экономических проблем Черной Африки под названием «К постановке марксистского изучения социально-экономических проблем Черной Африки». Программа была опубликована в органе НИАНКП — журнале «Революционный Восток». В основу программы легли проблемы социально-экономического характера: «Наша задача сводится к изучению социально-политических проблем современной Черной Африки. Но для того, чтобы понимать настоящее, мы прежде всего должны изучить прошлое». О задачах изучения африканской истории Э. Шик писал: «В области изучения истории Черной Африки перед нами непочатый край работы. Наша задача — изучить и написать историю Черной Африки впервые, ибо вся «наука» об истории Черной Африки до сих пор была наукой об оправдании ее завоевания белыми колонизаторами... Мы не имеем не только объективной науки об истории Черной Африки вообще, но не существует даже объективного исследования одного какого-нибудь момента этой истории». Давидсон А.Б. У истоков советской африканистики: (к 80-летию со дня рождения Эндре Шика) // Вопросы истории, № 4 /1971. С. 91.

гросса, издавшего под псевдонимом «Юг» свою первую книгу об Африке⁴ [7, с. 66].

Систематическое изучение Африки в Советском Союзе началось в т.ч. с создания группы африканских языков в Институте языка и мышления⁵, Африканской секции в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) и кабинета Африки при Научно-исследовательской ассоциации по изучению национально-колониальных проблем (НИАНКП) в 30-х годах XX в. Последние два просуществовали до 1937 г. и были ликвидированы с разгромом Коминтерна. Тогда же при Ленинградском институте истории, философии, лингвистики и литературы (ЛИФЛИ) была организована кафедра семитских языков, на которой было введено преподавание некоторых африканских языков⁶.

Центром советской африканистики в послевоенные годы, в котором были сосредоточены лингвисты, этнографы, историки, становится Сектор Африки Института этнографии АН СССР, созданный в 1946 г. под руководством Д.А. Ольдерогге и Ивана Изосимовича Потехина. В 1954 г. в рамках выполнения поставленной перед ним задачи по участию в издании серии монографий «Народы мира: этнографические очерки» вышел первый том — «Народы Африки» [8, с. 6]. Просуществовал Сектор не очень долго: «по замыслу И.И. Потехина, в нем отпала необходимость, т.к. этнографическое изучение Африки должно было стать одним из приоритетных направлений деятельности созданного под его руководством в 1959 г. Института Африки АН СССР» [6, с. 306].

Внимание к Африке усилилось на рубеже 1950–1960-х годов, когда большинство африканских стран покончили с колониальными режимами и создавали свои государства. В конце 1950-х годов в Министерстве иностранных дел был создан Отдел Африки, в начале 1960-х — Сектор

⁴ С 1926 г. Г.Е. Гернгросс сотрудничал с Институтом мирового хозяйства и мировой политики АН СССР и опубликовал ряд статей, посвященных британским колониям в Африке, которые послужили основой первой его монографии «Империализм на Черном континенте» (1929). В 1931 г. были изданы «Британские колонии в Восточной Африке» и «Южно-Африканский союз. Очерки». Монографии Г.Е. Гернгросса базировались на статистическом и фактическом материале, описывали не только хозяйственное состояние регионов, но и представляли исторический обзор. Становление отечественной африканистики, 1920-е — начало 1960-х / отв. ред. А.Б. Давидсон; Ин-т всеобщей истории. Москва: Наука, 2003. С. 49–51.

⁵ Институт лингвистических исследований РАН был основан по инициативе академика Н.Я. Марра и по решению Президиума Академии наук в сентябре 1921 году как Институт яфетидологических исследований «для изучения яфетических языков первоначального населения Европы в реликтовых чистых видах и новообразований скрещенных с ними типах речи и для разработки общей теории скрещения языков». К 1930 году Институт включал отделение *живых языков* (языки 1) яфетические: кавказские, баскский, памирские, 2) западноевропейские, 3) восточноевропейские, 4) переднеазиатские, 5) азиатские, 6) палеоазиатские, 7) колониальные (африканские, американские, австралийские)), отделение *мертвых языков* (языки 1) идеографические, 2) элементарные (клинописные и др.) и отдел «яфетидологического анализа». В конце 1931 года Яфетидологический институт был преобразован в Институт языка и мышления и в его состав на правах структурного подразделения в качестве Словарного отделения (отдела) вошла Словарная комиссия Академии наук. В 1950 г. слит с Институтом русского языка в единый Институт языкознания АН СССР и переведен в Москву. На основе его секторов, оставшихся в Ленинграде, в 1956 г. образовано Ленинградское отделение Института языкознания, преемником которого и стал ИЛИ РАН, получивший в 1991 г. статус самостоятельного научного учреждения и стал именоваться Институт лингвистических исследований. <https://iling.spb.ru/about/history>.

⁶ В 1930 году на базе выделившегося из состава Ленинградского университета историко-лингвистического факультета был образован Ленинградский государственный историко-лингвистический институт (ЛГИЛИ) в составе трех отделений: историко-литературного, музейно-краеведческого и редакционно-издательского. С организацией в 1933 году философского отделения институт был переименован в Ленинградский историко-философско-лингвистический институт (ЛИФЛИ). В 1934 году отделения института реорганизованы в факультеты: лингвистический, литературный, исторический, философский.

Африки в Центральном комитете КПСС. Африка стала предметом внимания и активной деятельности ряда административных учреждений и общественных организаций. Всем этим учреждениям и организациям нужны были ученые, уже изучавшие Африку. Советский Союз устанавливал дипломатические отношения с каждым из новых африканских государств. В соответствии с постановлением «О задачах и структуре Института востоковедения АН СССР», принятым Президиумом Академии Наук СССР 7 сентября 1956 г., осенью 1956 г. был создан Отдел Африки в Институте востоковедения АН СССР [9, с. 196].

Но в условиях нарастающего национально-освободительного движения в странах Африки, вершиной которого стал Год Африки (1960), этого оказалось недостаточно.

2 октября 1959 г. Президиум АН СССР академик А.Н. Несмеянов подписал Постановление № 692 Президиума АН СССР о создании Института Африки в составе Отделения истории АН СССР и назначении профессора Ивана Изосимовича Потехина его директором [10, с. 7]. Так, по мнению многих ученых, был создан главный научный центр в СССР по комплексному изучению Африки.

За год до рождения института, в октябре 1958 г., И.И. Потехин на совещании в ЦК КПСС, посвященном «вопросам современного положения в странах Востока», предложил создать «Институт по изучению панафриканской истории, социологии, этнографии, антропологии и всех смежных дисциплин» [10, с. 8]. Осенью того же года в Москве на встрече с известным ученым из США Уильямом Дюбуа И.И. Потехин обсудил проект института, который лег в основу записки в ЦК КПСС «Предложения относительно научного изучения Африки в Советском Союзе». Дюбуа, лауреат Международной премии Мира (1953 г.) и Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1959 г.), человек просоветских взглядов, в январе 1959 г. встретился с Н.С. Хрущевым и рассказал о том, как было бы полезно создать Институт Африки. «2 июля 1959 г. ЦК КПСС принимает постановление об организации Института Африки, назначении И.И. Потехина его директором, предоставлении помещения площадью 1 тыс. кв. м., утверждении 50 штатных единиц и выделении 40 тысяч инвалютных рублей для приобретения иностранной литературы. 2 февраля 1960 г. И.И. Потехин издал первый приказ по Институту Африки АН СССР» [6, с. 299–300].

Основные задачи института в Постановлении Президиума АН СССР были определены так: «Изучение путей экономического, культурного и политического развития стран Африки, вставших на путь независимости; борьбы африканских колоний за освобождение от колониального гнета, новой расстановки классовых сил в национально-освободительной борьбе; истории рабочего и профсоюзного движения; аграрного вопроса и крестьянского движения в странах Африки; национального вопроса и путей его решения на современном этапе; противоречий империалистических держав в их борьбе за Африку, экономических и идеологических методов, применяемых колонизаторами для порабощения африканских народов; разоблачение реакционных расистских идей буржуазных ученых». Институт обязали «систематически информировать директивные органы по актуальным вопросам современного

положения в странах Африки». 2 февраля 1960 г. всех сотрудников Отдела Африки Института востоковедения перевели в Институт Африки [9, с. 200].

И.И. Потехин считал, что Институт должен быть непременно комплексным, в нем должны работать одновременно историки, этнографы, экономисты, международники, философы, литературоведы, лингвисты, культурологи, правоведы. Сделать это было трудно, вузы страны только в начале 60-х гг. приступили к подготовке кадров отечественных африканистов и исследователей по современной проблематике. Сказывалось отсутствие необходимой источниковедческой базы [10, с. 9–10].

Летом 1962 г. Президиум АН СССР перевел Институт из Отделения истории в Отделение экономики АН СССР. 1965 г. в истории Института Африки стал переломным, на первое место вышли исследования экономических, социальных и международных проблем, а также проблем советско-африканских отношений, деятельность Института стала более прикладной [10, с. 18].

1 декабря 1971 г. в Институте всеобщей истории АН СССР под руководством А.Б. Давидсона был создан сектор истории Африки (в настоящее время Центр африканских исследований) и в Отделении истории АН СССР вновь появилось подразделение, занимающееся проблемами истории Африки. Основными направлениями его работы стали источники и источниковедение африканской истории, историография Африки, Россия и Африка, Африканские колониальные общества [3, с. 159–160].

Соответствующие отделы по изучению Африки были созданы в 50–60-х гг. в Институте языкознания, Институте мировой литературы АН СССР, Институте географии и др.

Список источников

1. Магидович В.И., Магидович И.П. Очерки по истории географических открытий. Т. 1–5, изд. 3, перераб., доп. Москва: Просвещение, 1982–1986. 1566 с.
2. Давидсон А.Б. У истоков советской африканистики: (к 80-летию со дня рождения Эндре Шика) // Вопросы истории, № 4. 1971. С. 86–96.
3. Африканистика в России: прошлое и настоящее: Сборник научных статей к 120-летию Дмитрия Алексеевича Ольдерогге / отв. ред. А.Ю. Желтов. Санкт-Петербург: Издательство РГХА, 2023. 344 с.
4. Основные проблемы африканистики: Этнография. История. Филология: К 70-летию чл.-кор. АН СССР Д.А. Ольдерогге / Редколлегия: Ю.В. Бромлей (отв. ред.) [и др.]; АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Всесоюз. геогр. о-во. Москва: Наука, 1973. 445 с.
5. Выдрин В.Ф., Чистов Ю.К. (ред.) (2007). Африка: Путеводитель. Санкт-Петербург: МАЭ РАН. 82 с.
6. Абрамова И.О., Амвросова М.Н., Бондаренко Д.М., Волков С.Н., Грибанова В.В., Дейч Т.Л., Морозенская Е.В. (2021). Развитие африканистики в России: история и современность // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14.
7. Становление отечественной африканистики, 1920-е — начало 1960-х / отв. ред. А.Б. Давидсон; Ин-т всеобщей истории. Москва: Наука, 2003. 391 с.
8. Страны и народы Востока. Выпуск VII / под общей редакцией Д.А. Ольдерогге. Редакционная коллегия: Ю.Д. Дмитриевский, Д.А. Ольдерогге, И.Н. Олейников, В.Л. Шейнис. Москва: Наука, 1969. 320 с.

9. Давидсон А.Б. Институту Африки — 60 лет. Впечатления о его ранней истории // Новая и Новейшая история. 2020. Вып. 6. С. 196–200.

10. Ильин И.М. Институт Африки (1960–2004 гг.). Москва: Институт Африки РАН, 2005. С. 388.

PRIGORITSKAYA Y. African Studies at the Academy of Sciences

Prigoritskaya Yulia — Candidate of Philological Sciences, researcher of Oriental publications department Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: olsaa@rasl.nw.ru

ABSTRACT

This article represents a cross-section of the history of the development of African studies in Russia in its connection with the institutions and institutes of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: African Studies, History of African Studies, Academy of Sciences, Museum of Anthropology and Ethnography, Institute of Africa, Institute of Oriental Studies, Institute of Ethnography, Center for African Studies, Dmitrii Alekseevich Olderogge, Ivan Izosimovich Potekhin, Apollon Borisovich Davidson.

С.Л. Ронгонен

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА СЛАВЯНСКОГО СОБРАНИЯ (Национальная библиотека Финляндии)

Ронгонен Софья Львовна — канд. филологических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук
Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: sofiaigonobobleva@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена редким книгам из Славянской библиотеки Национальной библиотеки Финляндии, изданным Академией наук в Санкт-Петербурге в первой половине XVIII века. Вместе с современными опубликованы сделанные в 1930-е годы описания Б.П. Сильверсвана.

Ключевые слова: Борис Павлович Сильверсван, редкая книга, типография Академии наук, издательство Академии наук, Славянская библиотека, Национальная библиотека Финляндии.

Данной публикацией продолжаем [3] исследование Славянского собрания¹ Национальной библиотеки Финляндии, фонд редкой книги которого в начале 1930-х впервые подробно изучил и систематизировал Б.П. Сильверсван², чьи труды, к сожалению, остались не опубликованы (есть два варианта рукописи, мы обращаемся к обоим). Его не потерявшие актуальности описания книг, перерастающие в исторические очерки, приводим, выделяя курсивом. Они сделаны по разработанному Б.П. Сильверсваном плану (опубликован [2]), и содержат шифры, систему которых, видимо, он и придумал. С 1930-х годов фонд редкой книги пополнялся: по каталогу 1983 года, который представлен в отсканированном виде на сайте Национальной библиотеки [4], к первой половине XVIII столетия относятся 54 шифра.

Мы ведем речь об изданиях 1727–1750 годов, опираясь на первоисточник — книгу А.И. Богданова, писавшего о столичных типографиях того времени следующее: «Типография при Императорской Академии Наук, в 1727-м году состоялась, в которой печатают книги, до разных наук подлежащая....Фигурная Типография при Императорской Академии Наук, в которой печатаются всякие гридированные листы и куншты. Обе сии помянутые типографии, тщанием Академии Наук, так распространено и всякими литерами на всех языках умножена, что оныя ни в чем против иностранных уступить могут, как о том известно не только в России, но и в Европе, доволным ея тиснением книг всем известно» [1, 107–108].

Библиография изданий приведена по Аннотированной библиографии изданий XVIII века Санкт-Петербургской академии наук и Академиче-

¹ Славянская библиотека в составе Национальной библиотеки Финляндии на протяжении более 200 лет неоднократно меняла название и ведомственную принадлежность. Мы употребляем неофициальный термин.

² Борис Павлович Сильверсван (1883–1934), историк, литературовед, преподаватель Санкт-Петербургского университета, затем сотрудник университетской библиотеки Гельсингфорса и Государственного архива Финляндии.

ской типографии; Сводному каталогу книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. 1701–1800; Сводному каталогу русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800.

Остановимся, таким образом, на книгах издательства Императорской Академии наук, печатавшихся в Академической типографии. За рамками статьи останутся «иногородние», а также издания первой половины XVIII века из Славянского собрания, напечатанные в Петербурге в других типографиях. Исключение сделано для шифра Sl.Rar. 194.

Sl.Rar. 110

Крафт, Георг Вольфганг. Подлинное и обстоятельное описание построенного в Санкт-Петербурге в Генваре месяце 1740 года Ледяного дома и всех находившихся в нем домовых вещей и уборов с приложенными при том гридированными фигурами, также и некоторыми примечаниями о бывшей в 1740 году во всей Европе жестокой стуже сочиненное для охотников до натуральной науки чрез Георга Вольфганга Крафта Санкт-Петербургския Императорския Академии Наук члена и Физики Профессора. Печатано при Императорской Академии наук 1741.

Нумерация начинается с титула, 36 нумерованных страниц, далее на двух нумерованных страницах помещена эпиграмма на латыни «Прославленнейшему автору» Христиана Крузия³ (Ad Clarissimum Auctorem Epigramma Christiani Crusii). Далее идут 6 гравированных иллюстраций (таблиц) к описанию ледяного дома: планы, фасады, внутренние помещения, ледяные пушки и мортиры, скульптуры. Буквица, концовки, в верхнем колонтитуле орнамент из повторяющихся деталей.

[Библиография: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 2. Москва, 1964. № 3287]. Согласно авторам каталога, эпиграмма Х. Крузия встречается не во всех экземплярах.

Размер 15,5 на 20,5 см по переплету. Переплет из картона, мраморная бумага, кожаные уголки и корешок с золотым тиснением: «Оп. Ледяного дома». На форзаце круглый фиолетовыми чернилами штамп с изображением колонны и девизом *bibliotheca univ hels otium sapientis*, в который от руки вписаны цифры: 1953.1076. На титуле и на нумерованных страницах с эпиграммой рельефный оттиск, овальный штамп *bibliotheca univ hels*. На 36 странице карандашная заметка: «Опечатка. См. здесь на стр. 35» (Видимо, должно быть напечатано не 8, а 11 градусов ниже 0 по Фаренгейту). Лист со страницами 11 и 12 аккуратно обрезан и вклеен новый, без упоминания в тексте Иоанна Антоновича. На нахзаце полустертый старый шифр (198 VI) и актуальный. По каталогу старый систематический шифр V Ia 1. Состояние книги хорошее, имеются следы воздействия влаги.

Sl.Rar. 111

77–X–18. 8⁰. Переплет поздний картон с коричневой кожей и углами. *Езоповы басни с нравоучением и примечаниями Рожера Летранжа вновь изданные, а на российский язык переведены в Санкт-Петербурге канцелярии Академии наук секретарем Сергеем Волчковым. Печатаны в Санкт-Петербурге при Академии наук 1747 года. Стр. 3 л. + 515*

³ Христиан Август Крузиус (1715–1775), немецкий философ и теолог.

номеров (515 вследствие опечатки имеет цифру 415). 1–12 «Предисловие издателя книги», 13–63 — «Езопово житие», 64–515 — текст 188 басен. После текста вклеены два листка, на которых (на трех страницах) — рукописное «Оглавление Басням». Над ним — *ex libris* (скорпись XVIII в.) «из книг Гаврилы Иванова Волкова». На страницах 13, 15, 17, 19, 21, 23, 25, 27 и 29 (на полях справа) тянется надпись (по слогу на каждой странице): Га-ври-лы Ива-но-ва Вол-ко-ва; дальше, в некоторых листах, с таким же распределением: Вол-ко-ва и т.д.

Сопиков 2113 Губерти I № 62 (указ. 8 нenum (?) + 515 нум. стр., в экз Г.У.Б. [Гельсингфорской университетской библиотеки] 8-й нenum. стр. нет., Губерти даже не говорит, что напечатано на этих нenumерованных страницах). Битовть 1058, Сопиков указывает, что были позднейшие издания: 1760, 1762 и 1775 [6, с. 133; 7 раздел 2/6].

Нумерация страниц в верхнем колонтитуле, цифры в скобках обрамлены орнаментом из повторяющихся элементов. Заставка, букваца, концовка.

[Библиография: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 3. Москва, 1966. № 8548].

Размер по переплету 12 на 19,8 см. Переплет картонный, в мраморной бумаге бежево-коричневого цвета с кожаными уголками и кожаным корешком. На корешке золотом тиснение «Езоповы басни», обрез тонирован краплением коричневой краской.

Вторая постраничная владельческая надпись: 'Га-ври-лы Ива-но-ва Вол-ко-ва' продолжается с 65 по с 87 страницу по слогам, далее с 89 по 177 страницу 16 раз повторена фамилия по слогам, на нечетных страницах (в конце владелец немного сбился в написании собственной фамилии). На нахзаце чернилами старый шифр: 77–X–18 и карандашом 5^a IX. Старый систематический шифр по каталогу XI. Штампов нет. Экземпляр хорошей сохранности, не реставрирован.

Sl.Rar. 114

Zoll-Tarif: wie solcher auf allergnädigsten Befehl Ihro Kayserl. Majest. zu Moskau den 2. Aug. 1731. in öffentlichem Druck Rußisch herausgegeben. Anjetzo aber nach dem Rußischen Original, in Ordnung des Alphabets Deutsch übersetzt, und mit dem Nachdruck des Rußischen Originals versehen. St. Petersburg, gedruckt bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften, 1731.

Пошлинной тариф по всемилостивейшему Ея Императорского Величества указу в Москве напечатан при Сенате августа 2 дня 1731 г. Ныне же в Санкт-Петербурге при Академии наук тогож года вторым тиснением издан.

Первая часть книги, 64 нумерованные страницы и титульный лист, напечатана готическим шрифтом по-немецки. Вторая часть напечатана по-русски, 60 страниц, титульный лист, одна нenumерованная страница в конце. В верхнем колонтитуле русской части орнамент из повторяющихся элементов.

[Библиография: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Дополнения, Москва, 1975, № 166; Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке, Т. 3, Ленинград, 1986. № 3169].

Размер 11,5 на 18 см по переплету. Переплет из картона в светлой коже, на корешке золотом тиснение: «Пошлинной тариф». Внизу корешка утрата наклейки, возможно с шифром. Форзацы из мраморной бумаги. Крапчатый тонированный красным и синим обрез. На форзацных листах написаны от руки шифры: № 63.....291 ind 323 на нахзацном листе шифры 31.X; 77 IX.19 (чернилами); 66 V 29; Sl.Rar. 114. На первом (немецком) титуле круглый фиолетовый штамп с изображением лиры «Библиотека Александровского Университета 1850», на его обороте черный штамп с двуглавым орлом с плохо читаемой надписью (PETROP?). Сохранность экземпляра хорошая.

Sl.Rar. 116

Краткое руководство к географии в пользу учащегося при гимназии юношества в Санкт-Петербурге 1742 года. Печатано при Императорской Академии наук

Книга содержит пояснения к 16-ти ландкартам. 66 страниц вместе с титульным листом. Заставка, концовка, в верхнем колонтитуле орнамент из повторяющихся деталей.

[Библиография: Сводный каталог книг русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 2. Москва, 1964. № 3269].

Размер 11 на 17,5 см по переплету. Переплет из мраморной бумаги желто-коричнево-фиолетовый. Обрез красный тонированный. В экземпляре Sl.Rar. 116 последняя строка первого абзаца на стр. 4 содержит только один слог — итъ. На титуле рельефный оттиск, овальный штамп *bibliotheca univ hels*. На обороте титула — круглый фиолетовыми чернилами штамп с изображением колонны и девизом *bibliotheca univ hels otium sapientis*, в который от руки вписаны цифры: 1931 720. Страница 65 (номер с опечаткой — 95) имеет рельефный оттиск, овальный штамп *bibliotheca univ hels*. Старый шифр по каталогу: 198 V. Состояние хорошее, реставрации не было.

Sl.Rar. 117 [конволют из трех аллигатов].

80 — VIII, 37 8⁰ *Соврем. книжн. переплет. Артикул воинский с кратким толкованием, напечатан повелением Ея Императорского Величества, третьим тиснением, в Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук 1744 года. Этот заглавный лист — на левой стороне; направо — страница с тем же заглавием по-немецки. **Krieges=Articuln. mit beygefügtten kurtzen Anmerckungen. Auf Ihre Kayserl. Majest. allergnädigsten Befehl gedruckt zum dritten Mahl. In St. Petersburg, bey der Kayserl Academie der Wissenschaften**, 1744 (готич. шрифт). Весь текст «Артикула» напечатан на двух языках, — *en regard* [так у Сильверсвана], — на левых страницах — русский, на правых — немецкий.*

Стр. 255 нумеров, причем в счет приняты и заглавные листы. Текст кончается на стр. 219, стр. 220–255: *Реестр на следующие главы сея книги. — Verzeichniss derer, in diesem Buche enthaltenen Capiteln.*

В том же переплете:

Книга Устав воинский о должности генералов, фельт маршалов, и всего генералитета, и прочих чинов, которые при войске надлежат быть, и о иных воинских делах, и поведениях, что каждому чинить должно. Напечатан повелением Ея Императорского величества, вторым тиснением. В Санкт-Петербурге при Императорской Академии

наук 1737 года. Заглавие и весь текст — как в «Артикуле» *en regard* с немецким заглавием и текстом. Стр. 371 номеров. Причем в счет приняты и заглавные листы. В начале (стр. 4–9) — Указ Петра Великого, в конце на стр. 370 текст: Дан при Данциге Марта в 30 день 1716 года; на 371-й стр. немецкий текст: *Gegeben in Danzig den 30 Martij 1716*. Подлинного Его Царского Величества Устав, за собственною его Величества рукою. Далее следует Реестр Устава Воинского — *Register über das Kriegs=Reglement*, занимающий 36 страниц: 1 нумер + 35 нумер. 1-я стр. русского текста «Реестра» очевидно по ошибке пропущена при нумерации и не принята в счет ея.

В том же переплете:

Рукопись, скорописью северной XVIII века, неоконченная, занимающая 173+16 нумерованных страниц. Заглавия нет. Текст первой страницы: Предисловие.

«Сия книжица в трех частях содержит в себе как последует. В начале о звычайном учении и что притом во осмотрении имеет при инфантерии потом каким образом поступать церемониально в марше. Во отдавании комплементов генералитету. О входе и выступлении гарнизонных и полевых квартир. И како команду и доброе поведение в протчих манерах содержать, напоследок же о званиях и должностях полковых чинов. От солдата даже до полковника описано все с кратчайшим растолкованием». Рукопись написана разными почерками.

Артикул воинский: Первый раз издан при Петре I (1715); затем был издаваем много раз. Ср. Сопиков 2054–2057. Смирдин 1784. Геннади Словарь I 47. Бер — Ширяев Описание книг Сокурова № 40. Пекарский Науки и лит. При Петре Великом, II, №№ 292, 299 и 346. Ср. П. Бобровский Происхождение Артикула воинского СПб 1881.

Устав воинский Ср. Сопиков 5226–5231. Первое изд. См. Пекарский *Ibid*, № 321. Издание 1737 года, имеющееся в УБ. [Университетской библиотеке], нигде не указано. Остроумов № 149 (о 1 изд.) [7 раздел 2/6]. На самом деле есть у Губерти, I, 26.

Артикул: в номере последней страницы пропущена последняя цифра 5. В верхнем колонтитуле повторяющийся орнамент. Две буквы (русская и немецкая) и концовка.

[Библиография: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 1. Москва, 1962. № 319; Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке 1701–1800. Т. 2, Ленинград, 1985, стр. 114].

Устав: немецкий титул: **Kriegs-Reglement von der Pflicht und Schuldigkeit der General-Feld-Marschalle und der gantzen Generalität, wie auch andern nothwendigen Chargen bey der Armee, von ihrer Krieges=Verrichtung und Aufführung und was einem jeden dabey obliegt. auf Ihro Kayserl. Majest. Allernädigsten Befehl gedruckt zum zweyten Mahl.** St. Petersburg, Gedruckt bey der Kayserl Academie der Wissenschaften 1737.

[Библиография: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 2. Москва, 1964. № 2964; Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке 1701–1800. Т. 2, Ленинград, 1985, № 1629].

Размер по переплету 12 на 18 см. Картонные стороны в коричневой коже с тисненой рамкой, на корешке тисненное название: «Уставъ. Артикуль. И процессы». Остатки трех из четырех веревочных застежек. Обрез тонирован, в коричневую крапинку. На верхнем обрезе буквы «CRVS». На прифорзадном листе владельческая надпись: «Сей артикул вахмистра Попова». В рукописной части есть 3 заметки на полях и в тексте. На нахзаце карандашом актуальный шифр и полустертый старый 80 — VIII, 37. Старый систематический шифр по каталогу XVI. Экземпляр хорошей сохранности (небольшие биоповреждения на переплете и форзацах — ходы насекомых), реставрации не было.

Sl.Rar. 118 [конволют из трех аллигатов].

Устав вексельной сочиненной въ Комиссии о коммерции, указом Его Императорского Величества Напечатан в Москве при Сенате. А в Санкт-Петербурге в Академии наук с Российского языка против оригинала переведен и напечатан на Российском и Немецком языках. 1729 года.

Neue Wechsel-Ordnung auf allergnädigsten Befehl Ihro Kayserl. Majest. In der Commission der Commercién abgefasst, und zum Druck übergeben nach dem Russischen Original Teutsch übersetzt. St. Petersburg Bey der Academie der Wissenschaften, 1729.

Титул на русском и немецком языках. 131 страница, нумерация с титульного листа. На 132 нумерованной странице «Погрешности». Концовка, в верхнем колонтитуле орнамент из повторяющихся деталей. Текст напечатан в два столбца — справа немецкий, слева русский.

[Библиография: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 3. Москва, 1966. № 7561; Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке 1701–1800. Т. 2, Ленинград, 1985, стр. 262].

В этом же переплете:

Морской Пошлинный Регламент или Устав повелением Ея Императорского Величества в Москве напечатан. А в Санкт-Петербурге при Академии наук с Российского оригинала на немецкий язык переведен, к которому присовокуплен реестр и придаток о заключенном в вечные времена, между Российской Империей и Дацкою короной, трактате о салютации на Море. На титуле ниже русского это же название на немецком: **Neues See-Zoll-Reglement auf allrñädigsten Befehl Ihro Kayserl. Maj. durch den Druck zu Moscau publiciret. Nach dem Russischen Original übersetzt, und mit einem Register versehen. Nebst einem Anhang, von dem zwischen Russland und Dännemarck geschlossenen ewigen Salutations+Tractat zur See.** St. Petersburg: Bey der Academie der Wissenschaften, 1731 (место и год издания напечатаны только по-немецки).

Титульный лист, 7 нумерованных листов: Реестр Морского Пошлинного регламента главам и артикулам. Далее нумерованные страницы собственно Регламента 1–99. Далее **Новыя салютации трактат между Российской Имперією и Дацкою короною сочинен.** *Salutations=Tractat zwischen Russland und Dänne marck auf ewig errichtet.* Титул на русском и немецком языках. Текст в два столбца, параллельно русский и немецкий. Страницы Трактата не нумерованы, 13 листов плюс титул, на обороте последнего листа «погрешности». Подпись Канцлер граф Головкин, вице-канцлер граф Остерман и Г.Г.Θ. Вестфален.

Текст параллельный в два столбца, русский и справа немецкий, готическим шрифтом. В верхнем колонтитуле орнамент из повторяющихся элементов.

[Библиография: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 2. Москва, 1964. № 4355; Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке 1701–1800. Т. 2, Ленинград, 198, стр. 264].

Далее в том же переплете:

Пошлинный тариф, уже описанный выше (Sl.Rar. 114) — немецкий, потом русский полнотрадиционные варианты. В верхнем колонтитуле русской части орнамент из повторяющихся элементов.

[Библиография: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Дополнения, Москва, 1975, № 166; Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке, Т. 3, Ленинград, 1986. № 3169].

Размер 12 на 19,5 по переплету. Картонный переплет в коричневой коже. На корешке тиснение — полустертое название на немецком. Обрез тонирован в красную крапинку, концовка. По каталогу старый шифр 80 VIII 2. На нахзаце старый стертый шифр 45.V. 36 и новый Sl.Rar. 118. Состояние экземпляра хорошее, реставрации не было.

Sl.Rar. 141

Трактат между Ея Императорского Величества Всероссийскаго и Шахова Величества Персидскаго, заключенный в провинции Гилянской в месте Ряще чрез полномочных обеих сторон министров. 21 генваря 1732 г. На русск. и нем. яз. Санкт-Петербурге при Импер. Акад наук. 1732 в лист 12 стр. Бумажн. обложка. Сигн. 76.I.16.

Предст. с русской стороны были генерал аншеф Вас. Левашов и д. ст. сов. Барон Петр Шафиров, с персидской — Мирза Мухамед Ибрагим. В трактате говорится об очищении персидских провинций, занятии русскими войсками, за исключением местности «от Куры реки» и о предоставлении льгот русским купцам.

Сопиков (V, 10996) не приводит полного заглавия трактата. В катал. изданий АН (II Птр 1915) этот трактат не упоминается, хотя также напечатанный при Академии трактат с владением Испанским 1729 года включен в каталог. [6, стр. 10].

Название повторено на немецком готическим шрифтом: Tractat so zwischen Ihro Kayserl. Majest. von allen Reussen und des Persischen Schachs Majest. in der Provintz Gilan zu rättsche durch die von beyden Seiten Bevollmächtigte Ministros am 21. Jan. 1732 geschlossen worden. St. Petersburg, 1732. Место издания написано только по-немецки: 1732. St. Petersburg Gedruckt bey der Kayserlichen Academie der Wissenschaften. Страниц 12. Текст параллельный — на русском и на немецком. Заставка из повторяющихся элементов, концовка, в верхнем колонтитуле орнамент в центре, там же страницы.

[Библиография: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 3. Москва, 1966. № 7328; Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. Т. 3, Ленинград, 1986. С. 105].

Размер 23 на 29 см. Обложка из мраморной бумаги, синяя с оранжевым. На корешке приклеен листок с цифрой 20. На титуле номер черни-

лами: 183, карандашом 143, а также круглый синий штамп с изображением лиры «Библиотека Александровского Университета 1850». Реставрации не было, экземпляр в хорошем состоянии.

Sl.Rar. 148

[Мордвинов С.И.] Полное собрание о навигации. Часть Первая геометрию, тригонометрию, плоскую и сферическую в себе содержащая.

Предисловие с гравированным фронтисписом подписано: Охотно послушный к услугам вашим слуга от Флота лейтенант Семен Мордвинов. На следующей странице размещен еще один фронтиспис, после которого помещено «Пред Уведомление» (речь идет о четырех частях книги). С этой страницы начинается нумерация. Часть первая 1–94, часть вторая книга первая 1–82; часть вторая книга вторая 83–116, часть третья 1–124. Между частями страницы с титулами и реестрами не имеют нумерации. Гравированные заставки, буквы, концовки. Гравированные иллюстрации на вклейках (стр. 12 и 59 Первой части; стр. 4 и 86 (гравер Федор Иванов); стр. 10, стр. 38 Второй части; стр. 10 Третьей части).

[Библиография: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 2. Москва, 1964. № 4344].

Размер 20,5 на 32,5 см по переплету. Переплет картонный в мраморной бумаге с кожаными уголками и кожаным тисненым золотом корешком с надписью: «Полное собрание навигации». На титуле: место и дата издания указаны карандашом, как и авторство С.И. Мордвинова, видимо, рукой Б.П. Сильверсвана (СПб, 1748); рельефный оттиск, овальный штамп *bibliotheca univ hels*; владельческая подпись, датированная 1918 годом (она же присутствует на нескольких рукописях Славянского отдела, расшифровать ее пока не удалось).

На форзаце из бумаги голубого цвета с водяными знаками круглый фиолетовыми чернилами штамп с изображением колонны и девизом *bibliotheca univ hels otium sapientis*, в который от руки вписаны цифры 1952 1186 и цена: 890. На обороте листа при нахзаце латинское изречение «*Antiopiae res. Sic transit gloria mundi*». На нахзаце карандашный профиль и написанный от руки действующий шифр Sl.Rar. 148. Систематический шифр по каталогу: XIII 26, старый шифр по каталогу 198 I.

В экз. Sl.Rar.148 только три части, причем общий титул относится именно к первой части — возможно, перепутали при переплете.

Реставрации не было, книга в хорошем состоянии.

Sl.Rar. 163 [Миллер, Г.Ф. Описание Сибирского Царства... Санкт-Петербург, 1750]

79–IV, 3 Описание Сибирского Царства и всех произошедших в нем дел, от начала а особливо от покорения его Российской Державе по сии времена; сочинено Герардом Фридериком Миллером, Историографом и Профессором Университета Академии Наук и Социетета Аглинского Членом. Книга первая. В Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук 1750 года.

Стр.: тит. л., отд. лист с посвящением (Ея Императорскому Величеству Всепресветлейшей Державнейшей Монархине Великой Государыне Елисавете Петровне Императрице и Самодержице Всероссийской Всемилоутивейшей Государыне от Академии Наук всеподданнейшее приношение) + 6 ненум. (Обращение Академии к Елизавете) + 6 ненум (Предис-

словие) + 457 нумерован + 7 нenum. («Краткая хронологическая роспись Сибирской истории») + 26 нenum. («Реестр на первую книгу сибирской истории по алфавиту»). На тит. листе гравированная виньетка (гравер Ив. Соколов).

Сопиков 7722 Смирдин 2439 (Цена 15 руб.) Остроглазов Кн. Редк. № 230. Ср. Пекарский Ист. Ак. Наук I, Пыпин Ист. Русск. Этногр. IV [5]. В другом варианте описания Б.П. Сильверсван пишет: «экземпляр на александрийской бумаге... Остроглазов считает первое издание этой книги очень редким» [6, с. 166; 7 раздел 2/6].

Заставка из повторяющихся элементов, букваца, концовки.

[Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Москва, 1964. Т. 2. № 4239]

Размер по переплету 22 на 27 см. Картонные сторонки в темно-красной коже с золотым тиснением, в центре герб Российской Империи. На корешке золотом тисненное название: «Описание Сибирского Царства. Книга Первая», обрез позолочен, с тиснением. Форзацы из очень красивой бумаги с позолотой и растительным орнаментом. Плетеные капталы. На титульном листе круглый синий штамп с изображением лиры «Библиотека Александровского Университета 1850»; на прифорзацном втором листе карандашная надпись «1764 за № 7». На нахзацном листе карандашом обозначены старый шифр 79 IV 3 и действующий Sl.Rar. 163. Старый систематический шифр по каталогу Vial. Экземпляр хорошей сохранности, реставрации не было.

Sl.Rar. 194 [конволют из трех аллигатов]

80 VII 33 4⁰ Переплет кожа (соврем) на корешке тиснение и надпись «Описание торжества Академии». **Торжество Академии наук в честь и прославление возжеленнейшаго и всерадостнейшего дня восшествия на престол Ея Императорского Величества Всепресветлейшия Державнейшия Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссийския и прочая и прочая и прочая. Празднованное публичным собранием на другой день восшествия на престол Ея Императорского Величества то есть ноября 26 дня 1749 года.** В Санкт-Петербурге печатано при Императорской Академии наук 1749 года.

[Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 3. Москва, 1966. № 7282].

Содержание: 1. Вступительное слово с изложением программы заседания 10 стр. 2. Описание иллюминации 2 стр. 3. Объявление о награждении 2 стр. 4. Рассуждение о свойстве исхождения воды парами Г.В. Рихмана 28 стр. 5. Реплика проф. Крацеништейна 6 стр. 6. Слово похвальное Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Елизавете Петровне... При публичном собрании в Имп. Акад. Наук сентября 6 дня 1749 года говоренное Михаилом Ломоносовым 45 стр.

Сопиков под № 11837 неверно передает заглавие и сообщает ошибочно, что на этом заседании Ак. наук 26 ноября 1749 года «Была произнесена речь проф. Герарда Фридриха Миллера «О начале и происхождении Российского народа»». Это заглавие тоже искажено. 1. Речь Г.Ф. Миллера называется «Происхождение народа и имени Российского»; эта речь была напечатана отд. оттиском, причем на заглавном листе сказано, что она была произнесена в публичном собрании Ак. Наук 6 сент. 1749

года. Но собрание Ак. Наук, назначенное на этот день (6 сент.), было перенесено на 26 ноября (см. Пекарский, История Имп. Ак. Наук т. 1 359 сл.) — именно вследствие возражений против выступления Миллера с его речью, произнесение которой после отзывов других академиков было запрещено и вместо Миллера на заседании 26 ноября выступил другой академик (Рихман). Т. обр. указание Сопикова, основанное очевидно на тексте заглавного листа издания речи Миллера, неверно. 2. Что касается судьбы речи Миллера, то Академическая Канцелярия, приняв в основание отзывы Ломоносова, Крашенинникова и Попова, постановила речь Миллера уничтожить, так как она предосудительная России (Пекарский, Ист. Имп. Акад. наук т. 1 360 сл.). Экземпляры латинского подлинника речи, вместе с ее русским переводом, были отобраны и уничтожены всл. доноса Ломоносова, доказывавшего, что мнение Миллера, будто наши первые князья были норманны или шведы, крайне оскорбительно для чести Государя (Отчет Имп. Публ. Библиотеки за 1858 г. стр. 57).

3. «Слово похвальное etc» М.В. Ломоносова было произнесено не 6 сентября как указано на его заглавном листе, а 26 ноября 1749 года (см. выше).

4. Пекарский (Ист. Имп. Акад. наук т. 2 403 сл.) говорит, что речь Ломоносова первоначально была отпечатана под заглавием: «Слово похвальное Всепреспетлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Елисавете Петровне Самодержице Всероссийской, на преспетлый и торжественный праздник тезоименитства Ея Величества при публичном собрании в Императорской Академии наук. Сентября 6 дня 1749 года говоренное Михаилом Ломоносовым, химии профессором, Академии наук и исторического собрания членом. Печатано при Императорской Академии наук». «Впоследствии, пишет Пекарский (*ibid.*, 404): «Слово явилось в виде прибавления к книге «Торжество Академии наук...» (*ibid.*, 404² Пекарский описывает кратко эту книгу (о ней и идет речь) и говорит, что в начале ее была гравюра с подписью внизу: грав. И. Соколов при Академии наук и художеств; на ней изображена иллюминация впереди двух зданий, принадлежавших тогда Академии наук. В нашем экз. гравюры нет. Гравюра подобная приложена к «Торжеству» 1750 г. (см. ниже)...». Здесь речи дано было новое заглавие: «Слово и т.д. на Преспетлый и торжественный день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества ноября 25 дня который празднован в Императорской Академии наук публичным собранием ноября 26 дня 1749 года, говоренное Михаилом Ломоносовым. Печатано при Императорской Академии наук».

Однакож, в нашем экземпляре «Торжества» — Слово имеет первоначальное заглавие, и в нем говорится о тезоименитстве.

5. Из содержания Слова Ломоносова следует отметить указания на тогдашние отношения России и Швеции. Сперва упоминается о сражениях при Полтаве и Вильманстранде; о последнем сказано (стр. 21): «сражение было жестоко; чувствовали храбрые Российские руки сопротивление, и победа куплена немалым пролитием крови. Затем Ломоносов восхваляет великодушные Елизаветы по отношению к побежденным при заключении мира, когда она врагам «не токмо мир и тишину и земли покоренные возвращает, но и другое свое простирает к их защите; отвращает с другой страны грозящую им войну, и наследство их пре-

стола купно с вольностию утверждает (с. 26)». В связи с этим Ломоносов подчеркивает отсутствие агрессивных тенденций по отношению к соседям: «не взирая на цветущее состояние Российского Государства, на изобилие пространного нашего отечества, и на умеренность, которую Государыня наша толикое множество поклоняющихся ей народов управляет, возможно ли помыслить вам, соседи наши, чтобы Ея благородное сердце к присвоению чужих земель склонилось? Имеющая толикое пространство полей плодоносных, болот ли непроходимых пожелает? Простирающая Скипетр свой на протекающие в ея послушании изобильные и великий Нил превосходящие реки, на зыбучие ли мхи польстится? Господствующая в земле мед и млеко точащей, на камни ли неплодные с желанием взирать будет?» (стр. 26–27).

Битовт № 1092 прим. Большая редкость. Бобынин № 15: «С гравированным на меди изображением иллюминации Акад. Наук 26 ноября 1749 г.».

В том же переплете:

Торжество Академии Наук на Вожденный день тезоименитства Ея Императорского Величества Державнейшая и Непобедимейшая Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссийския публично говоренными речами и иллюминациею празднованное сентября 6 дня 1750 года. В Санкт-Петербурге Печатано при Императорской академии наук

[Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 3. Москва, 1966. № 7284].

После заглавного листа — гравюра с русскою и латинскою надписями: слева «Иллюминация Санктпетербургской Академии наук сентября 6 дня 1750 года представленная». Под этим — объяснение аллегорической группы, изображенной на гравюре: «Благополучие сыплет на свободные науки цветы и плоды, и показывает упражняющимся в оных новой путь к ревностному об них старанию, при чем оно их защищает щитом имени Ея Императорского Величества». Справа — то же по латыни. Под гравюрой «Грид. Ив. Соколов при Ак. Наук и худож.».

Содержание 1. Предисловие с приложением описания иллюминации стр 3–14. 2. Речь говоренная в публичном академическом собрании от Авраама Кау Бургава Доктора медицины, и профессора Анатомии о том, что и какие науки медику знать надлежит что бы он самым искусным и достаточным лечителем быть мог стр. 17–46. 3. Повелени Его Сиятельства Академии наук президента и именем академиков на оную бургавову речь ответствовал Иоганн Христиан Гебентрейт следующее стр. 49–52. 4. Речь о пользе наук и художеств читанная Степаном Крашенинниковым ботаники и истории натуральной профессором в публичном академическом собрании сентября 6 дня 1750 году стр. 55–98.

Сопиков № 11838 Битовт № 1101 Бобынин № 22 (без упоминания гравюры) (неточное заглавие).

В том же переплете:

Торжество в Академии наук на Вожденный день тезоименитства Ея Императорского Величества Державнейшая и Непобедимейшая Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссийския публично говоренным речам празднованное сентября

6 дня 1751 года В Санктпетербурге. Печатано при Императорской Академии наук.

[Библиография: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 3. Москва, 1966. № 7285].

Содержание 1. Предисловие с объяснением программы празднования стр. 3–5. 2. Объявление, кто по мнению Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук предложенную в 1749 году задачу решил, и получил обещанное за то награждение стр. 6–8 премию получил «славный господин Клеро, член Парижской Академии наук». 3. Речь которую говорил в публичном Академическом собрании Христиан Готлиб Крацеништейн о новых своих изобретениях в мореплавательной науке стр. 11–30. В начале — гравюра-виньетка работы Ефима Виноградова. 4. Ответ на речь господина профессора Крацеништейна учиненный от Августа Нафанаила Гришова профессора астрономии именем всей Академии стр. 33–50. 5 Слово о пользе химии в публичном собрании Императорской Академии наук сентября 6 дня 1751 года говоренное Михаилом Ломоносовым стр. 53–102.

Сопиков № 11838 С. (Неточное заглавие Губерти I № 72 (стр. 117–119) Пекарский Ист. Имп. Ак. Наук т 2 468 указывает, что эта книга была напечатана в 300 экземплярах (их них 150 на александрийской бумаге) Битовт № 1117 [6, стр. 1–5 доп.].

Заставки, концовки, буквица, верхний колонтитул имеет орнамент из повторяющихся деталей. Упомянутая Б.П. Сильверсваном виньетка (Аллегория Мореплавания?) гравера Ефима Виноградова имеет также подпись «Сим надсматривал Иван Соколов».

Размер по переплету 19 на 24 см. Переплет картонный, в коричневой коже, на корешке тиснение «Описание Торжества Академии». На прифорзацном листе дарственная надпись «Af Öwerste Bonsdorff till Uneversitetsbiblioteket» (от полковника Бонсдорфа⁴ в библиотеку Университета). Обрез тонирован в синюю и красную крапинку. Состояние экземпляра удовлетворительное, есть пятна неизвестного происхождения в начале книги.

Sl.Rar. 195 [Гейнзиус Готфрид. Описание в начале 1744 года явившейся кометы... Санкт-Петербург, 1744].

80–VII, 9 4⁰ Современ. книж. переплет с золотым тиснением на корешке и рамками на крышках. **Описание в начале 1744 года явившейся кометы купно с некоторыми учиненными об ней рассуждениями через Готфрида Гейнзиуса Императорской Академии наук члена и профессора астрономии, причем на переди предложено сокращенное рассуждение о состоянии и свойствах всех комет переведенное из Шамберовой циклопедии.** Печатано в Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук 1744 года.

Стр. 142 нумеров. И одна таблица на отдельном большом листе и три меньшего размера (в конце). На 142 стр. после текста: Описание кометы явившейся в начале 1744 года с немецкого языка перевел Императорской Наук Академии Адъюнкт Михайло Ломоносов.

⁴ С большой долей вероятности можем предположить, что подарок сделал Георг Робертович Бонсдорф (1844–1919), начальник артиллерии Виленского военного округа.

Сопиков 7598 (Помещено также в Соч. Ломоносова, изд. См. 1803) Смирдин 4103 Описание Губерти Материалы I № 49 — с обычными у Губерти неточностями [7 раздел 2/6].

Заставка, буква, концовка. Верхний колонтитул украшен орнаментом из повторяющихся деталей. В конце книги 3 таблицы и 2 гравированных иллюстрации.

[Библиография: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1962. Т. 1. № 1288]

Размер по переплету 19 на 24,2 см. Картонный переплет в светло-коричневой коже с золотым тиснением, на корешке золотое тиснение и название на красном фоне: «Описание кометы 1744». Обрез тонирован киноварью, закладка светло-зеленого цвета. Форзацы из мраморной бумаги, плетеные капталы. На обороте листа при нахзаце действующий шифр карандашом. 80–III — 9 старый шифр по каталогу.

Sl.Rar. 220

[Кирилл (Флоринский)] *Слово в высокоторжественный день рождения Ея Священнейшего Величества благочестивейшей самодержавнейшей великой государыни нашей Елизаветы Первоя Императрицы всея России проповеданное архимандритом иконоспасским Кириллом Флоринским в Успенском соборе в Москве 1741 года декабря 18 дня. Печатано в Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук в 4^о Стр. 23. Сигнум 80 V 29. Сопиков II, 10462 [6, стр. 184].*

Нумерация страниц с титула, 23 страницы. Заставка, концовка, буква. Номера страниц в верхнем колонтитуле, там же орнамент из повторяющихся деталей.

[Библиография: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Москва, 1964. Т. 2. № 2920]

Размер 18,5 на 23,3 см, в современной обложке из простого картона со следами столярного клея. На титульном листе круглый фиолетовый штамп с изображением лиры «Библиотека Александровского Университета 1850». На нахзаце чернилами указан старый шифр 80 V 29 и новый, карандашом. Книга не реставрировалась, в удовлетворительном состоянии.

Sl.Rar. 386

II Отд. (гражд. шрифт) *Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного восшествия в царствующий град Москву и священнейшего коронования Ея августейшего Императорского величества ...Императрицы Елизаветы Петровны... еже быти шествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года. Печатано при Имп. Академии наук в С. Петербурге 1744 года В лист 168 нум. стр. Портрет Елизаветы + 9 листов с гравюрами и 3 виньетки. Хороший экземпляр в картонном переплете с вензелем Елизаветы на передней доске и гербом на задней. Наш сигн. 76. I — 19*

Подр. Описание ... изд. У Губерти (Материалы I стр. 79 № 46; см. также Геннади Русск. Книжн. Редкости № 229, Сопиков IV, 7539, Ровинский Русские гравюры стр. 286 и сл. Остроглазов 206. Хорошие экземпляры по Геннади редки. [6, стр. 7. Описана под шифром Sl.Rar. 160].

Многочисленные хорошо известные гравюры, буквы, концовка.

[Библиография: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Москва, 1964. Т. 2. № 4789].

Размер 28 на 45 см по переплету. Картонный переплет в светлой коричневой коже с золотым тиснением, на первой странице обложки вензель «Е I», на четвертой странице — герб. На корешке символы царской власти и название: «Оп корон ея имп вел государыни императрицы Елисаветы Петровны». Форзацы из мраморной бумаги. На титуле круглый синий штамп с изображением лиры «Библиотека Александровского Университета 1850». Обрез тонирован синим, красным и желтым.

На листе перед нахзацем полустертый шифр 76 I 19 и действующий Sl.Rar. 386, старый систематический шифр по каталогу VIA1. Это же книга находится в каталоге под шифром Sl.Rar. 160 (76 I 19). Экземпляр в хорошем состоянии, имеются следы воздействия влаги.

Sl.Rar. 460

[Platz, Georg Philipp] *Dialogues Domestiques Gesprдche von Haus=* **Sachen Домашние разговоры Colloqvia**. В Санкт Петербурге напечатаны при Императорской Академии наук 1749.

Книга состоит из 96 «разговоров...с приятельскими комплиментами», на четырех языках параллельные тексты: французский, немецкий, русский, латынь. 231 страница. В верхнем колонтитуле орнамент из повторяющихся деталей, концовка.

[Библиография: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 1, Москва, 1962, № 1969; Т. 3, Москва, 1966. С. 486 — уточнение]; Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. 1701–1800. Т. 2, Ленинград, 1985, стр. 309].

Размер 12 на 19 см по переплету. Переплет картонный в светло-коричневой коже. На корешке тиснение с названием, обрез тонирован в красную крапинку. На форзаце приклеена марка с шифром «D 24». Ниже полустертая владельческая надпись «Prince Schiachowskoу», затем другим почерком «Сия книга» и пробы пера. На форзаце же круглый фиолетовыми чернилами штамп с изображением колонны и девизом *bibliotheca univ hels otium sapientis*, в который от руки вписаны цифры: 1962 2134. На титуле еще одна полустертая, нечитаемая, владельческая надпись. Есть несколько читательских помет. На нахзаце карандашом действующий шифр.

Данное описание свидетельствует о распространении книг, печатавшихся Академической типографией в Санкт-Петербурге. Редкие книги Славянского собрания являются той базой, которая способствует его нынешнему статусу и сохранности. Среди них много уникальных изданий, сохраняющихся в немногих библиотеках.

Судя по штампам, описанию Б.П. Сильверсвана и каталогу 1985 года редкие книги попадали в Славянское собрание в разные годы и разными путями. Дарственная надпись присутствует только одна. Возможно, книги приобретались в антикварных магазинах, возможно, были выделены из пожертвованных коллекций как напечатанные кириллическим шрифтом. Изучение провенанса редких книг Славянского собрания возможно в будущем.

Источники

Аннотированная библиография изданий XVIII века Санкт-Петербургской академии наук и Академической типографии © Библиотека Российской Академии наук. Санкт-Петербург, 2002 https://rasl.ru/e_resours/ran18/Xronolog/main.html?ysclid=m6oy71ha8k889416318

Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке 1701–1800. Т. 1, Ленинград, 1984. Т. 2, Ленинград, 1985. Т. 3, Ленинград, 1986.

Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 1, Москва, 1962. Т. 2. Москва, 1964, Т. 3, Москва, 1966, Т. 4, Москва, 1966, Т. 5, Москва, 1967, Дополнения, Москва, 1975.

У Сильверсвана:

Сопиков: Сопиков В.С. Опыт российской библиографии. Ч. 1–5. Санкт-Петербург, 1904–1906.

Губерти: Губерти Н.В. Материалы для русской библиографии. Хронологическое обозрение редких и замечательных русских книг XVIII столетия, напечатанных в России гражданским шрифтом. 1725–1800. Вып. 1–3. Москва, 1878–1891.

Бер-Ширяев: Березин-Ширяев Я.Ф. Материалы для библиографии или Обозрение русских и иностранных книг, находящихся в библиотеке любителя исторических наук и словесности N.N... Кн. 1–2. Санкт-Петербург, 1868.

Геннади Словарь: Геннади Г.Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 г. Т. 1–3. Берлин–Москва, 1876–1908.

Пекарский: Пекарский П.П. История Имп. Академии наук в Петербурге. Т. 1–2. Санкт-Петербург, 1870–1873.

Бобровский: Бобровский П.О. Происхождение артикула воинского и изображения процессов Петра Великого по Уставу Воинскому 1716 г. Санкт-Петербург, 1881.

Каталог изданий БАН 1915: Каталог изданий Имп. Академии наук. Ч. 1–2. Санкт-Петербург, 1912. Пг., 1915.

Смирдин: Роспись российским книгам для чтения, из библиотеки Александра Смирдина, систематическим порядком расположенная. В 4-х частях. Санкт-Петербург, 1828.

Остроглазов: Остроглазов И.М. Книжные редкости. Москва, 1892.

Пыпин: Пыпин А.Н. Для любителей книжной старины. Библиогр. Список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр. в особенности из первой половины XVIII века. Москва, 1888.

Битовт: Битовт Ю.Ю. Редкие русские книги и летучие издания XVIII века. Москва, 1905.

Бобынин: Бобынин В.В. Русская физико-математическая библиография. Т. 1–3. Москва, 1886–1900.

Геннади 2: Геннади Г.Н. Русские книжные редкости. Библиогр. список русских редких книг. Санкт-Петербург, 1872.

Ровинский: Ровинский Д.А. Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. Т. 1–2. Санкт-Петербург, 1895.

Список источников

1. Богданов А.И. Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга. От начала заведения его, с 1703 по 1751 год... Издание первое. В Санктпетербурге: [тип. Воен. коллегии], 1779. 528 с.

2. Гонобоблева С.Л. Фонд русской редкой книги в Славянской библиотеке Хельсинки. Фонды редких книг научных библиотек: по материалам международной научно-практической конференции «Фонды отделов редких книг научных библиотек в цифровую эпоху» (14–15 февраля 2019 г., Санкт-Петербург): сборник докладов. Санкт-Петербург: Северо-Западный ин-т упр. РАНХиГС, 2019. С. 137–147.

3. Ронгонен С.Л. Кириллические издания XVII века Славянского собрания (Национальная библиотека Финляндии) // Современные проблемы книжной культуры:

основные тенденции и перспективы развития. Материалы XVII Белорусско-Российской научной конференции. Москва, 2024. С. 510–526.

4. Helsingin yliopiston kirjasto/Helsingfors universitetsbibliotek. Slaavilainen kirjasto/Slaviska biblioteket. Venäläiset raretietit, planšsit, vanha polonica. Virkalahetys Helsingin yliopistosta. Julkaisija: Helsingin yliopiston kirjasto, Helsinki, 1985 (?) [https://kansalliskirjasto.finna.fi/kansalliskirjastofikka/Record/doria.10024_124192?sid=4656118497]

5. Сводный каталог «Славянские рукописи и частные архивы Национальной библиотеки Финляндии». Сост. Lisa Spackstein. 2007. Kansalliskirjaston slaavilaiset käsikirjoitukset ja yksityisarkistot Kansalliskirjasto Käsikirjoituskokoelmat.

6. Национальная библиотека Финляндии. НУК.Sl.Ms.K — 46.2 А.В. Игельстрём. Каталог редких книг и рукописей (Б.П. Сильверсвана).

7. Национальная библиотека Финляндии. НУК.Sl.Ms.K — 47.1 Б.П. Сильверсван. Описание русских раритетов Славянского отдела. (В каталоге [5] название: Материалы к описанию рукописей славянского отдела).

RONGONEN S. Academy of sciences publications of the first half of the 18th century of the Slavonic collection (National Library of Finland)

Rongonen Sofia — PhD, Senior Researcher at the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: sofiagonobobleva@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the rare books from the Slavonic Library of the National Library of Finland, published by the Academy of Sciences in St. Petersburg in the first half of the 18th century. Together with the modern ones, descriptions of B.P. Silfversvan made in the 1930s were published.

Keywords: Silfversvan Boris Pavlovich, rare book, printing house of the Academy of Sciences, publishing house of the Academy of Sciences, Slavonic Library, National Library of Finland.

С.В. Высоцкая

КАТАЛОГ МАЛЕНЬКОЙ БРИТАНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: об одном издании XVIII века в фондах БАН

Высоцкая Светлана Владимировна — главный библиограф, справочно-библиографический отдел
Библиотека Российской академии наук
Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: sbo@rasl.nw.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассказывается об обнаружении в фондах БАН ранее неизвестного издания XVIII века в результате продолжения работы по читательскому запросу. Приводятся аргументы в пользу атрибуции издания как каталога Библиотеки Британской фактории в Санкт-Петербурге, опубликованного в 1785 или в 1786 году преподобным Джоном Гленом Кингом (1732–1786), капелланом Британской фактории в Санкт-Петербурге (1763–1771).

Ключевые слова: Библиотека Британской фактории (Санкт-Петербург), каталог общественной библиотеки XVIII века, английская библиотека XVIII века, Джон Глен Кинг, Петер Хольстен, Библиотека Российской академии наук.

Поводом для этого небольшого расследования послужило пересланное в справочно-библиографический отдел Библиотеки Российской академии наук (далее БАН) через коллег из других российских библиотек обращение профессора из Великобритании Яна М. Джонсона. Он разыскивал книгу, изданную в Лондоне Джоном Гленом Кингом в 1785 году, под названием “*Catalogue of a small library in St. Petersburg*”. Профессор Джонсон сообщал также, что автор каталога некогда служил в Санкт-Петербурге капелланом Английской церкви, при которой английские жители города содержали небольшую библиотеку. Профессору не удалось обнаружить книгу ни в Великобритании, ни в электронных каталогах российских библиотек (РГБ, РНБ).

В каталогах БАН книги с такими выходными данными нам также найти не удалось. Но что если книга вышла с другими библиографическими данными? Какие источники вообще могут подтвердить факт ее публикации? Для того, чтобы ответить на эти вопросы, сначала обратимся к библиографическим и историческим свидетельствам.

Одиннадцатый том *The Dictionary of National Biography* содержит большую статью о Джоне Глене Кинге [10], из которой мы узнаем, что родился он в 1732 году; окончив Кембридж, принял священнический сан и получил назначение на должность капеллана при Английской фактории в Санкт-Петербурге. Был женат, имел дочь, интересовался медальерным искусством и посвятил много времени изучению литургических обрядов «Греческой церкви» в России, под которой разумелась церковь православная и русская. На склоне лет вернулся на родину, купил частные часовни в Сомерсете и Лондоне, и скончался после непродолжительной болезни в Лондоне в 1787 году. В конце статьи приводит-

ся список трудов преподобного, самым известным из которых является *"The Rites and Ceremonies of the Greek Church in Russia"* London, 1772, а пятым пунктом означен *"Catalogue of a small library at St. Petersburg"*, London, 1786, 8°. Подобное уточнение, хоть и прибавляет уверенности (или надежды), что такая книга существовала, в поиске не помогает.

Похоже выглядит запись, помещенная под 1786 годом в многотомных «Литературных анекдотах» Джона Николса (John Nichols): *"Catalogue of a small library at St. Petersburg, printed for the Rev. Dr. John Glen King. 8°."* [13] («Каталог маленькой библиотеки в Санкт-Петербурге, напечатанный для преподобного Джона Глена Кинга. 8°»). Заметим, что здесь преподобный Кинг выступает скорее в роли заказчика публикации, чем автора.

Из других источников выясняется, что Джон Глен Кинг провел в Петербурге одиннадцать лет: с 1763 года по 1774, снискал уважение российской знати, церковнослужителей, ученых и художников (дружил с М.Э. Фальконе), а благодаря опубликованным трудам «внес значительный вклад в ознакомление Британии с Россией» и стал хорошо известен и на родине, в Англии. В июне 1770 года Кинг, испросив разрешения у Компании, уехал в Англию и возвратился в Петербург летом 1772 года. После отставки с поста капеллана Английской церкви он поддерживал отношения с петербургскими знакомыми, переписывался с Якобом фон Штелином, сохранились также его письма к Екатерине II, И.И. Бецкому и другим лицам. В национальной портретной галерее в Лондоне хранится портрет Джона Глена Кинга, гравированный в 1771 году Габриэлем Смитом по рисунку сына Мориса Этьена Фальконе (и мужа его ученицы Марии Калло) — Пьера Этьена Фальконе [12] (рис. 1).

В июне 1781 года Кинг совершил свою последнюю поездку в Санкт-Петербург. Мог ли он быть составителем каталога, напечатанного в 1785 или 1786 году? Где вообще следует искать книги, принадлежавшие Британской фактории?

Капеллан Британской фактории назначался, согласно уставу, правлением Московской компании (Muscovy Company). Британская фактория, собственно, и являлась частью основанной в Британии еще в XVI веке (1555 г.) Московской (позднее Российской) торговой компании. Долгое время английские купцы базировались летом в Архангельске, а зимой перебирались в Москву. В 1723 году Петр I объявил Санкт-Петербург новым торговым центром Российской империи и обязал британских купцов вместе с капелланом переехать в новую столицу. Позднее рос-

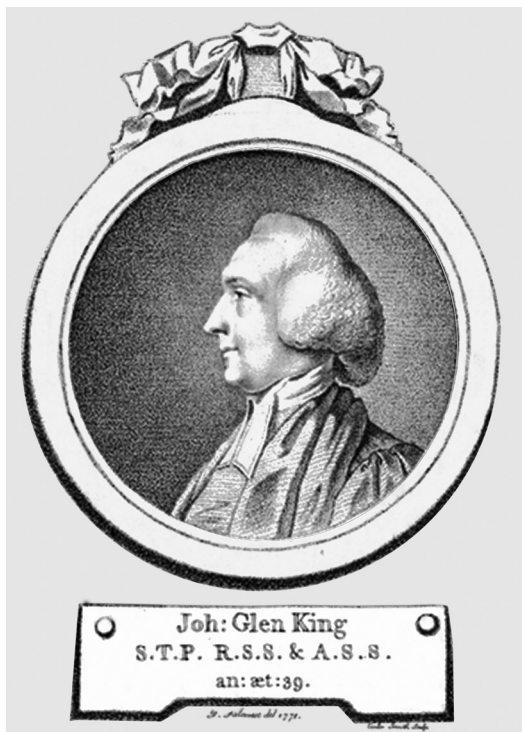

Рис. 1. Портрет Дж.Г. Кинга. Национальная портретная галерея, Лондон

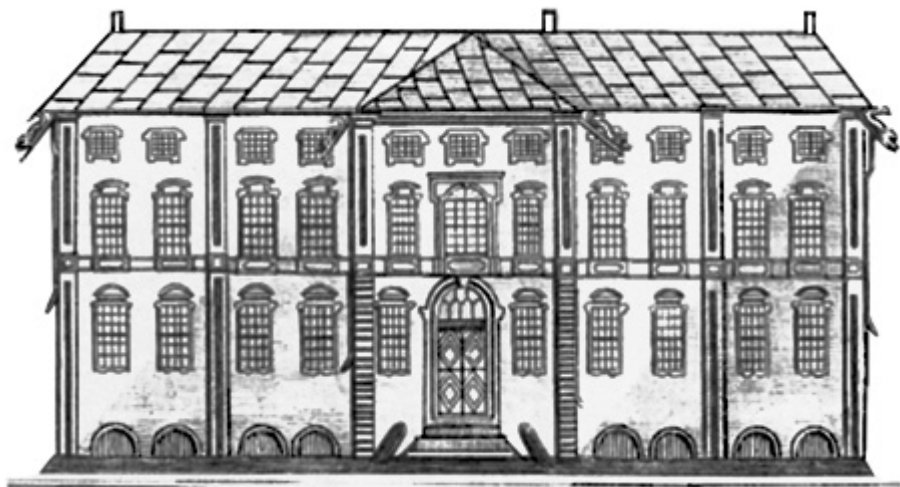

Рис. 2. Здание Английской церкви в С.-Петербурге.
Гравюра из *Gentleman's Magazine*, 1796

сийско-британские торговые договоры закрепили ведущее коммерческое положение Британской фактории, чему немало способствовала распространившаяся в XVIII веке в Европе и России мода на англофильство.

По образному выражению английского исследователя Э. Кросса [3, с. 151], коммерческое сердце британской общины располагалось на Васильевском острове, в построенных Д. Трезини Бирже и Гостином дворе, но душа ее жила за Невой, на Адмиралтейской стороне, в домах Галерной набережной, с начала XIX века получившей название Английской. Здесь располагались английский трактир, кофейный дом, а также знаменитый Английский клуб. С 1720 года английские капелланы проводили службы в часовне, устроенной в доме, принадлежавшем Роберту Нелтону [4, с. 117]. В 1753 году британская община приобрела расположенный неподалеку дом генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева, в котором разместились Английская церковь, квартира капеллана, а вскоре и библиотека британской общины. Это здание на Английской набережной, д. 56 в 1814–1815 годах перестроил Д. Трезини (рис. 2), и даже претерпев в 1870-х годах капитальное обновление, оно сохраняло «благородные черты трезиниевского палладианства». Парадный фасад здания располагался вдоль набережной, но в церковь и библиотеку посетители входили с Галерной улицы. Подписная библиотека при церкви была основана, вероятно, в 1760-х годах, а первое упоминание о ней Э. Кросс обнаружил в письме леди Каткорт 1770 года [4, с. 39].

На протяжении XIX века церковное здание ветшало и обновлялось, обзавелось живописью, мозаиками, витражами и единственным в России английским романтическим органом¹. Росла и библиотека при ней,

¹ В 1814–1816 годах здание Англиканской церкви реконструировал Джакомо Кваренги. Тогда невиский фасад здания украсил ризалит с пилястрами и полуколоннами коринфского ордера, увенчанный статуями «Вера», «Надежда» и «Милосердие»; внизу у основания здания на каменных постаментах легли изваяния стерегущих сфинксов, преобразилась двусветная церковная зала, изменилась планировка других помещений. Спустя 45 лет академик архитектуры А.Х. Пель (1809–1902) надстроил боковые флигели второго этажа и сделал главным вход с набережной. Для алтаря тогда была написана копия эрмитажного «Снятия с Креста» Рубенса. В 1876 году

о чем свидетельствуют несколько каталогов XIX века, раз от разу более структурированных и объемных, печатавшихся теперь как в Санкт-Петербурге, так и за рубежом². Петербургская англиканская церковь Иисуса Христа, как и многие церковные учреждения, русской революции не пережила. В 1918 году ее последний пастор преподобный Боусфилд Ломбард был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности (вероятно, по «делу Локкарта»), заключен в Петропавловскую крепость и приговорен к расстрелу. Приговор не был приведен в исполнение: спустя некоторое время пастора освободили, и в 1919 году он смог вернуться в Лондон [8, с. 116]. К этому времени большинство англичан покинули Россию, архивы британской колонии были вывезены в Британию, часть общины и клира оказалась в Финляндии [15, с. 396], и храм на набережной был закрыт. Библиотека «бывшей английской церкви» вместе со зданием долгое время оставалась в ведении Агентства народного комиссариата иностранных дел СССР в Ленинграде, пока в апреле 1939 года они не были официально переданы Государственной публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне Российская национальная библиотека (далее РНБ)) [2]. Здание с тех пор не раз меняло хозяев, но книги в большинстве своем, по-видимому, хранятся в РНБ. В ее электронном каталоге находим описания изданий с пометами и книжными знаками библиотеки Британской фактории³. Однако таких описаний немного: вероятно, книги разошлись по разным хранилищам, не все из которых вполне отражены в электронном каталоге.

Итак, по идее, каталог Кинга следовало бы искать в РНБ. Но логично предположить, что такая книга прибыла в Петербург не в единственном экземпляре, а посему имело смысл проверить и фонды БАН, но как? Запись в «Литературных анекдотах» Джона Николса наводит на мысль, что преподобный Кинг может не значиться автором. Предположим, что и приведенное название может быть неточным. Проверка рукописного карточного Бэровского каталога позволила выявить книгу под названием “Catalogue of the British library at St. Petersburg”, описанную без автора и выходных данных (рис. 3).

При осмотре на месте выяснилось, что, хотя книга размещалась в разделе XIX века Бэровской расстановки, ее внешний вид, шрифты и бумага отсылают нас к более раннему времени.

английская община пригласила гражданского инженера Ф.К. Болтенгагена (1837–1885), который реконструировал фасады здания. Тогда же интерьер церкви пополнился новой росписью, а старый церковный орган был заменен новым. Позднее в окнах церкви появились 15 английских витражей в стиле Тиффани (1880-е годы), а в алтарной части и на южной стене — мозаичные панно (1890-е годы) [2].

² Например: Catalogue of books belonging to the British factory. St. Petersburg, [1821]. 81 p.; Catalogue of books belonging to the British Factory (a St. Petersburg). London, 1837. 193 p.; Catalogue of books belonging to the library of the British Factory, St. Petersburg. [Leipzig: Print. by B. Tauchnitz], [1869?]. VII, 395 p.; Catalogue of books belonging to the Library of the British factory, St. Petersburg. Lewes, [1883]. XII, 399 p.

³ Например, библейский атлас 1868 года (The Bible atlas of maps and plans) и второй том издания Истории Англии (The History of England. By the Right Honorable Sir James Mackintosh) 1831 года имеют на форзаце наклеенный книжный знак библиотеки Британской торговой фактории в Санкт-Петербурге “Library of the British Factory, St. Petersburg”; в Новом практическом изложении Апостольской веры (A New and practical exposition of the Apostles Creed...) 1747 года есть владельческая запись “Library of the British factory’s chaplain at St. Petersburg”; в двухтомнике Западная Индия в 1838 году (Western India in 1838) 1839 года издания — владельческая запись: “British factory library. June 12. 1840”; в 9-м томе Истории Англии Джеймса Макинтоша — аналогичная запись “British factory library, 11. April 1830”, и т.д.

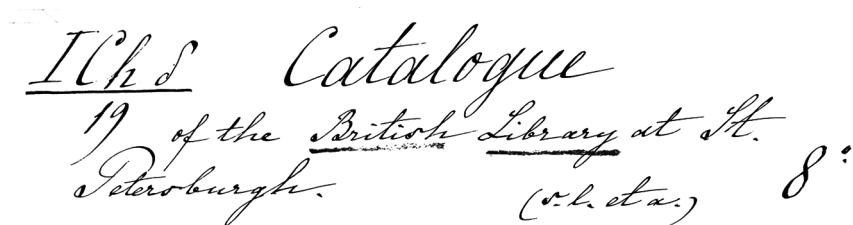

Рис. 3. Карточка Бэровского каталога БАН

Это небольшая брошюра в 30 страниц (первые две страницы, выполняющие роль обложки, не нумерованы, но включены в пагинацию, последние пять страниц пусты и не пронумерованы), 22 × 14 см, напечатанная на тряпичной бумаге архаичным шрифтом, с использованием кустод. Прежний владелец скрепил страницы, прошив их вдоль корешка суровой ниткой.

На бумажной обложке брошюры представлено только заглавие, оно же повторяется непосредственно перед текстом. Текст представляет собой простой алфавитный список библиографических описаний, включая монографии, брошюры и периодические издания. Собственно описания обычно начинаются с фамилии автора в притяжательном падеже, затем название (обычно в сокращенном виде), формат и количество томов. Год издания указан крайне редко. Часть описаний вовсе не содержит имени автора, зато имеет указание на жанр, например: “Variety, a Comedy”, “Watch (the), a Poem”. Это относится в основном к драматургическим произведениям, иногда к стихам и романам. Порой заглавия даются описательно, например, “Winckelmann on Painting and Sculpture of the Ancients, 8vo”⁴.

По жанровому составу, помимо произведений изящной литературы, львиную долю составляют издания гуманитарной направленности: философские трактаты, книги по истории, искусству, литературе, религии, политике, экономике, а также путешествия, мемуары, книги и журналы для дам и джентльменов, справочные издания, биографии и энциклопедии. Много книг, посвященных истории и современности Англии и ее частей, британских колоний, заморских стран. Несколько изданий можно отнести к русике. Реже встречаются монографии, посвященные естественным наукам, например, “De la Lande’s Astronomy, 4to”. Представлены как оригинальные англоязычные книги, так и переводные, причем довольно часто указан переводчик: “Horace’s Works, In Latin and English Verse, By Francis, 4 vol. 12mo”. Книги на других языках практически отсутствуют. Немногие латинские названия отражают, по-видимому, диглоссы, с английским переводом⁵. Всего в каталоге (не считая приписанных от руки) около 640 описаний, включая многотомы и периодику, на которые приходится по одному библиографическому описанию на все издание. Не внесены в каталог богослужебные книги, например, сбор-

⁴ По-видимому, так описан вышедший в 1765 году в Лондоне перевод Генри Фузели (Henry Fusseli) труда И. Винкельмана, названный по-английски “Reflections on the painting and sculpture of the Greeks”.

⁵ Например, строка на с. 11 “Fortescue de Laudibus Legum Angliaem, 4to”, вероятно, описывает лондонское издание 1775 года: Fortescue J. De laudibus legum Angliae / by Sir John Fortescue... Translated into English, (with the original Latin) ... A new edition. London, 1775. lxxviii, 208, 102 [17] p.

Рис. 4. Филигрань с изображением Вильгельма Оранского

ники псалмов, предназначенные для раздачи прихожанам во время богослужений.

При более детальном знакомстве была обнаружена филигрань (рис. 4), позволяющая уточнить возраст издания. Она представляет собой изображение вооруженного всадника в парике, камзоле и шляпе (короне?), под которым в две строки расположена легенда: WILLEM. FREDERIK EKF. P.V. ORANJEN. Подобный знак находим в каталоге W.A. Churchill [9] с датировкой 1790 годом.

Однако приведенное у него изображение содержит также надписание Forsten En Comp., которое отсутствует в нашем изображении. Форстен — фамилия владельца голландской бумажной фабрики, выпускавшей бумагу с этим водяным знаком до 1795 года, когда подобный патриотизм в Нидерландах стал небезопасен⁶. Прежний владелец фабрики, Н.С. Hoising, до своей смерти в 1781 году выпускал бумагу с этим же изображением, сопровождая его своей маркой: Н.С. Hoising. Ему наследовали его пасынки, и только позднее их зять И.Н. Forsten стал совладельцем и дал свое имя компании⁷. С большой долей вероятности бумага выявленного издания выпущена в 1780-х годах, что вполне согласуется с предположением о его атрибуции как каталога, напечатанного преподобным Кингом.

⁶ В 1795 году Виллем Фредерик, воевавший за Нидерланды против французов, был вынужден бежать из страны, которую оккупировавшие ее французы превратили в Батавскую республику (1795–1806).

⁷ История бумажной фабрики довольно подробно рассмотрена по архивным данным в книге Н. Voorn [14]. Из описания, впрочем, не ясно, как далеко отстояли друг от друга изображение Виллема Фредерика и авторская марка производителя бумаги. Она могла просто не войти в формат нашей брошюры. Н. Voorn приводит два изображения с этой филигранью: 1780 года с легендой Н.С. Hoising и 1791 года с легендой Forsten En Comp. (с. 242, 243).

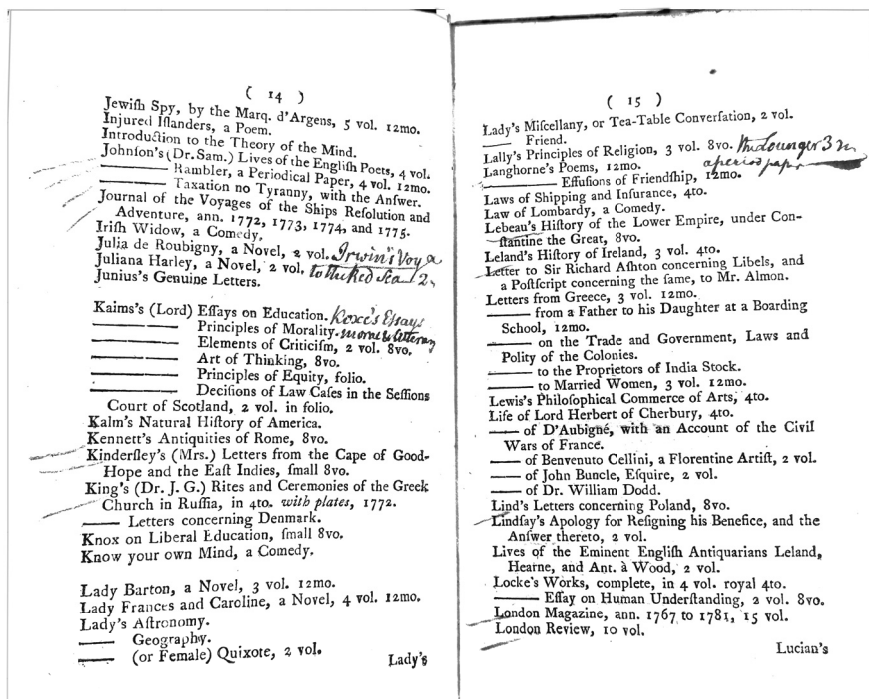

Рис. 5. Страница каталога с описанием труда Дж.Г. Кинга

Текст каталога может дать нам дополнительные подсказки. Сторонних свидетельств о составе книжного собрания в этот период, к сожалению, нет (8). Единственное издание, которое определенно должно было присутствовать в списке, названо в упомянутом выше письме леди Каткарт 1770 году: «Книгой миссис Монтегю (Montague [sic!]) о Шекспире мы восхищались, не зная имени автора; нам ее дал почитать один джентльмен, весьма рекомендовавший этого автора. Я полагаю, мой и его экземпляры книги — единственные, достигшие Петербурга. Когда появляется что-нибудь подобное, купцы, которые все без исключения являются очень умными и рассудительными людьми, передают книгу друг другу, и если произведение получает одобрение, за ним посылают и передают в их Публичную библиотеку» [4, с. 39, 428 (сноска 59)]. Именно эту, упомянутую леди Каткарт, книгу мы узнаем в записи на с. 17 нашего каталога: «Montagu (Mrs.) on the Writings and Genius of Shakespeare, 8vo» (9).

Наконец, на 14-й странице каталога представлен и главный труд самого Джона Глена Кинга об обрядах православной церкви. Он описан довольно подробно, с датой издания и даже с использованием курсива, который считанные разы встречается во всем каталоге: «King's (Dr. J.G.) Rites and Ceremonies of the Greek Church in Russia, in 4to. *With plates*, 1772» (рис. 5). Нестандартно указан и формат: с предлогом in (в остальных случаях формат указан без предлога). Необычная тщательность опи-

⁸ Определенную помощь может оказать журнал Петра Хольстена [11] или даже краткая роспись его содержания в Сводном каталоге [7, т. 4, вып. 1, с. 294–301].

⁹ Полное библиографическое описание: Montagu E. An essay on the writings and genius of Shakespeare, compared with the Greek and French dramatic poets. With some remarks upon the misrepresentations of Mons. de Voltaire / by Mrs. Montagu. London: J. Dodsley, 1769. [4], 288 p.

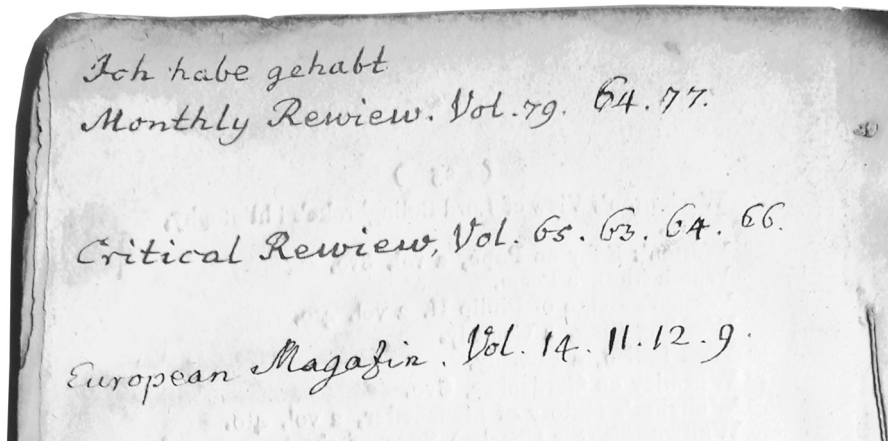

Рис. 6. Записи на последней странице каталога

сания словно намекает, что преподобный Кинг собственноручно внес ее в каталог. Интересно отметить, что монография Кинга едва ли не единственная во всем каталоге, для которой указан год издания. Остальные даты встречаются только в описаниях периодических изданий.

При этом самая поздняя дата во всем каталоге — 1781, т.е. год последнего визита Джона Глена Кинга в Санкт-Петербург. Анализ каталога с точки зрения датировок представленной в нем литературы требует отдельного кропотливого труда, но если 1781 год окажется крайней датой и для монографий, то вполне вероятно, что преподобный получил рукопись для публикации во время своего последнего приезда в Петербург.

Страницы каталога пестрят маргиналиями, которые представляют собой краткие описания книг. Очевидно, автор помет вносил в список издания, поступившие в библиотеку после того, как каталог был отпечатан. В таком случае маргиналии должны в основном указывать на книги, вышедшие после того, как список был составлен или опубликован, т.е. предположительно после 1781 или 1785 года. К сожалению, записи носят настолько общий характер, что точно установить год издания книги трудно, а порой и невозможно. Однако запись на последней странице каталога представляет особый интерес. Здесь перечислены три журнала с указанием номеров. Это *Monthly Review*, *Critical Review* и *European Magazine* (рис. 6). Почти все указанные здесь номера журналов¹⁰ относятся к 1786–1788 годам, что дает *terminus post quem* для записи — 1788 год и вероятный *terminus ante quem* для печатного каталога — 1786 год.

Эта маргиналия имеет ряд важных особенностей. Дело в том, что названия английских журналов записаны с ошибками: *Monthly Rewiew* вместо *Monthly Review*; так же *Critical Rewiew* вместо *Critical Review*; *European Magazin* вместо *European Magazine*. Предваряет перечисление журналов строчка по-немецки: “*Ich habe gehabt*”, т.е. «Я получил». И сами ошибки выглядят типично немецкими. Трудно сказать, совпадает ли почерк записи в конце книги с почерком постраничных вставок, в целом они не похожи, но: на постраничных вставках буквы вынужденно

¹⁰ За исключением одного: *Monthly Review* № 64, который вышел в 1782 году.

сближены и складываются в высокие тесные строки с довольно сильным наклоном вправо, написание беглое. На последней странице слова располагаются свободно, буквы округлые, невысокие, с небольшим наклоном вправо, почерк старательный и неспешный, написание заглавной “М” отличается от “М” других маргиналий.

Но откуда в каталоге английской библиотеки взялась немецкая маргиналия? Дело в том, что известно имя человека, служившего там в 1770–1780-х годах библиотекарем. Это Петер Хольстен (Холстен, Holsten)¹¹, «натурализованный англичанин». Петер Хольстен оставил след в немецкоязычной росике, издав в разное время несколько стихотворений «на случай», благодаря чему нам известны его имя и должность, т.к. титул одного из стихотворений, написанного на память св. апостола Андрея (30 ноября по старому стилю), содержит следующее указание на автора: “...in eines Englischen Kaufmanns Haus, zu St. Petersburg den 30ten Novem-ber 1776. Von dem naturalisirten Engländer Peter Holsten. Bibliothekair bey der Englischen Factorey” [7, т. 2, с. 45–46 (№ 1372)]. Остальные стихотворения, а также два издававшихся им (тоже немецкоязычных) журнала¹², он предпочел подписывать инициалами, не забывая, впрочем, именовать себя либо натурализованным англичанином, либо библиотекарем Британской фактории.

Еще В.А. Бильбасов (ничего не знавший о Петере Хольстене) высказал между прочим догадку, что «автор — не натурализованный англичанин, а русский немец» [1]. В.Д. Рак приводит ряд доводов в пользу версии о происхождении Хольстена из нарвских купцов [6, с. 95–97]. В поддержку этой версии говорит и место печати издаваемого Хольстеном журнала — Gedruckt in Reval und in St Petersburg — т.е. Ревель (ныне Таллин) и Санкт-Петербург (рис. 7).

Пользуясь своим положением библиотекаря Британской фактории и доступом к новейшим британским книгам и журналам, Хольстен стал издавать свой журнал “Das englische Wochenblatt in Deutscher Sprache” («Английский еженедельник на немецком языке»), состоявший из переводов-компиляций с английского. Журнал выходил на протяжении 1778 года [11], распространялся по подписке и имел просветительские цели — предназначался для ознакомления германоязычной части российской публики с новейшими европейскими (в первую очередь британскими) идеями и взглядами. В своем журнале Хольстен сообщает, что «много лет» пробыл в Англии и хорошо выучил живой язык [6, с. 94–95].

Судя по характеру записи на последней странице каталога, она сделана библиотекарем (сообщается о получении журналов для библиотеки) и человеком, принадлежащим к немецкоязычной среде Петербурга. Не является ли она автографом самого Петера Хольстена? Сведений о нем после 1782 года (т.е. после того, как Хольстен перестал издавать свой второй журнал) нет. Но есть еще одно любопытное свидетельство

¹¹ Подробнее о Петере Хольстене см. [6].

¹² Хольстен издавал еженедельник [11] в 1778 году, и в 1781 году — другой журнал: *Englisches Magazin: Eine deutsche Monatsschrift: In welcher die mehrestem Stücke Übersetzungen aus dem Englischen sind.* St. Petersburg, 1781–1782(1783?). В.Д. Рак, основываясь на сведениях Г.Л.Х. Бакмейстера, считает, что журнал выходил на протяжении двух лет [6, с. 98 прим. 38]; Э. Кросс дает журналу три года жизни 1781–1783 [4, с. 39].

о библиотеке Британской фактории, появившееся спустя семнадцать лет после письма леди Каткарт.

В августе 1787 года венесуэльский граф и революционер Франсиско де Миранда во время своего годичного путешествия по России встречался в Петербурге с преемником Кинга в должности капеллана Английской церкви Уильямом Туком. Капеллан развлекал гостя беседой и прогулкой, показал Английскую церковь и библиотеку при ней. Из дневника Франсиско де Миранды мы узнаем, что «неплохое собрание книг» обязано своим происхождением живущим в Петербурге английским дамам: «Дошли до английской церкви, небольшой, но нарядной и чистой. Мне сказали, что приход составляет всего две тысячи человек и что вечером состоится погребение скончавшегося накануне британского консула. Заглянули в библиотеку, там оказалось неплохое собрание книг, выписанных живущими в Петербурге дамами. Мне дали каталог, содержащий около 2 тысяч названий». Упоминается в дневнике и библиотекарь, некий господин Хоуэл (Howel), «большой оригинал» [5, с. 150].

На основании этих записей Э. Кросс полагает, что к 1787 году библиотекарь Британской фактории сменился. Однако никаких следов человека по фамилии Хоуэл в Петербурге ему обнаружить не удалось, и он предположил, что де Миранда ошибся, что настоящая фамилия библиотекаря Фауль (Fawell), и это родственник хозяина гостиницы, в которой остановился путешественник. Однако совсем не исключено, что де Миранда мог неточно запомнить фамилию, и в действительности «большим оригиналом», принимавшим венесуэльского графа в библиотеке, был именно Петер Хольстен. Вряд ли он к этому времени умер, во всяком случае, в списках членов Английского клуба в Санкт-Петербурге Хольстен числился до 1791 года.

Немногостораживает и совпадение цифр в записи венесуэльского графа: 2000 человек в приходе и 2000 названий в каталоге. Как мы помним, в нашем печатном каталоге около 640 библиографических описаний. Но учитывая, что со времени составления списка книг и до визита де Миранды библиотека пополнялась, что среди изданий велика доля многотомов и периодики, что в каталог не вошли богослужебные книги, принадлежавшие церкви, — количество томов в библиотеке действительно могло составлять около двух тысяч.

Самый ранний известный до сих пор печатный каталог библиотеки Британской фактории датирован 1821 годом, и Э. Кросс предполагает,

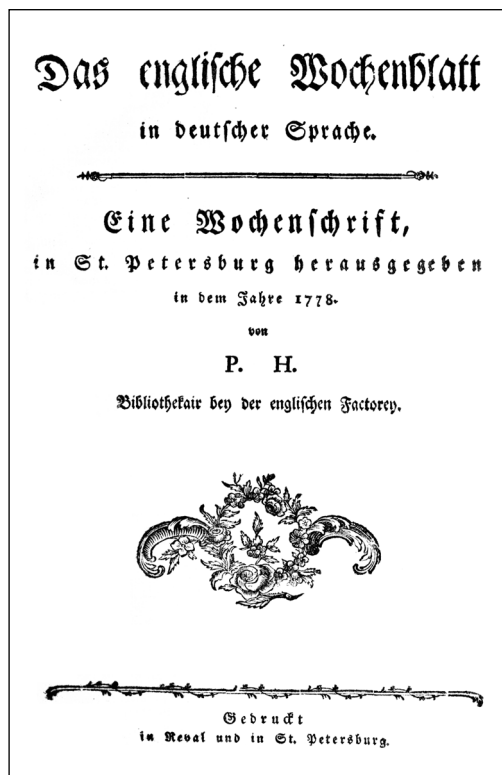

Рис. 7. Титульный лист журнала Das Englische Wochenblatt, с указанием авторства Петра Хольстена (Р.Н.), «Библиотекаря Британской Фактории», 1778

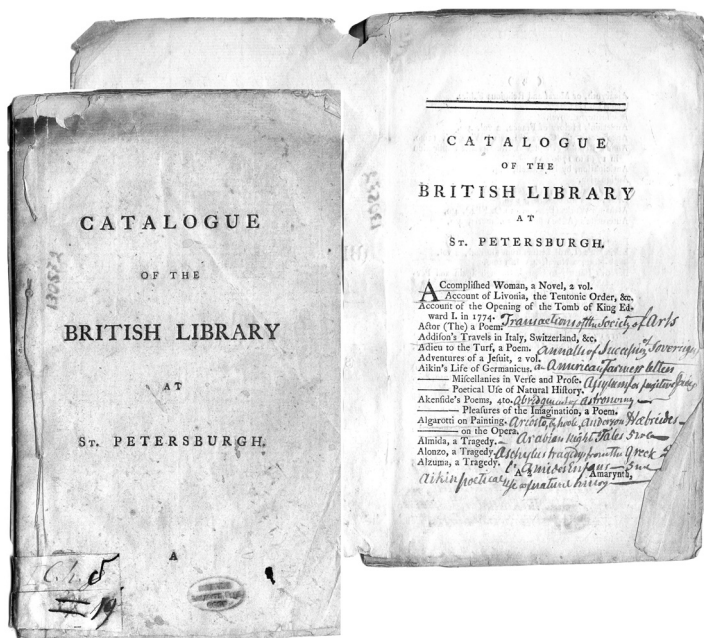

Рис. 8. Catalogue of the British library at St. Petersburg

что де Миранда держал в руках каталог рукописный, который не сохранился.

Таким образом, финальная маргиналия Бановского экземпляра каталога может свидетельствовать, с одной стороны, о том, что в 1788 году Петер Хольстен все еще занимал должность библиотекаря Британской фактории, и мы, возможно, имеем его автограф, с другой — что “British library in St. Petersburg” этого издания и есть библиотека Британской фактории. Более того, перед нами «рабочий», пополнявшийся каталог.

Первоначально, судя по маргиналиям, вновь поступившие книги вносились от руки в печатный каталог, когда же места на его страницах стало не хватать, он, очевидно, вышел из употребления. Каким образом он оказался в фондах БАН, точно определить не представляется возможным. Рукописный Index Systematicus Bibliothecae Academiae не предусматривал сведений о дате и источнике поступления книг, в нем лишь изредка встречаются факультативные рабочие пометы, указывающие, вероятно, на дату внесения записи. По косвенным признакам (почерк, порядок записей и шифров, соседние рабочие пометы и проч.) можно предположить, что запись внесена в первые годы XX в. Очевидно, каталог оказался в частной коллекции еще в XIX веке и вместе с ней поступил в БАН.

В настоящее время библиографическое описание каталога, обнаруженного в фондах БАН, выглядит следующим образом:

Catalogue of the British library at St. Petersburg. s.l. et a. 8°. Шифр БАН: Ch 8 / 19.

С учетом вышеизложенных сведений полное библиографическое описание книги могло бы выглядеть следующим образом:

Catalogue of the British library at St. Petersburg [/ British Factory library; printed for Dr. John Glen King. London, ca. 1786]. 25, [5] p. 8°.

В заключение заметим, что история английской библиотеки в Санкт-Петербурге только на первый взгляд касается лишь относительно узкой группы британцев в России. Насколько можно судить, круг читающих по-английски в России был несравненно уже, чем читающих по-немецки или по-французски. Общепринято, что именно через переводы на немецкий и французский языки, а с них на русский, с английскими художественными и научными произведениями знакомилась российская образованная публика. И здесь можно отметить роль журналов Петра Хольстена. К примеру, в 1793 году в журнале «Новые ежемесячные сочинения» появилась статья о Лафонтене за подписью переводчика (А. Лубкин) с указанием на *Englisches Magazine*, послуживший источником переводимого текста¹³. А в далеком Tobolske в 1791 году выходил журнал «Иртыш», который уже в XX-м веке привлек внимание исследователей высказывавшимися там передовыми взглядами и идеями эпохи Просвещения. Какое-то время неожиданную для провинции осведомленность в передовой европейской мысли объясняли влиянием Радищева, который провел несколько месяцев в Tobolske, следуя в ссылку. Правда, никаких связей издателей «Иртыша» с Радищевым обнаружено не было. Только в 1991 году В.Д. Рак убедительно доказал, что тексты «Иртыша» являются переводами с немецкого языка статей из журнала Петра Хольстена, которые, в свою очередь, являются компиляциями и переводами с английского не только британской, но и многоязычной европейской литературы [6]. Таким неожиданным эхом отозвалась далекая от Петербурга и его «маленькой» английской библиотеки Сибирь.

Список источников

1. Бильбасов В.А. История Екатерины Второй / В.А. Бильбасов. Берлин. [1896]. Т. 12, ч. 1. С. 221 (№ 301).
2. Головатенко В., прот. Историческая справка о здании англиканской церкви Иисуса Христа на Английской набережной Санкт-Петербурга / Головатенко В., прот., Абелева Т. // Храм Рождества Пресвятой Богородицы (при Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Николая Андреевича Римского-Корсакова): [сайт]. URL: <http://nativitas.ru/templum-anglicanum#nb26> (дата обращения: 27.06.2022).
3. Кросс Э.Г. Британская колония / Э.Г. Кросс // Три века Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург, 2003. Т. 1: Осьмнадцатое столетие, кн. 1. С. 150–152.
4. Кросс Э.Г. Британцы в Петербурге: XVIII век / Э.Г. Кросс; авториз. пер. Юрия и Надежды Беспярых. Санкт-Петербург, 2005. 526 с.
5. Миранда Ф., де. Российский дневник. Москва — Санкт-Петербург = *Diario de Rusia. Moscu — San Petersburgo* / Франсиско де Миранда; пер. с исп.: В.А. Капанадзе, Е.Ф. Толстой; [Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Рос. ком. сотрудничества с Лат. Америкой]. Москва, 2000. 219, [1] с.
6. Рак В.Д. Петер Хольстен, библиотекарь британской фактории, и цикл «Краткие исторические известия» в тобольском журнале / В.Д. Рак // XVIII век: сборник / АН СССР; ИРЛИ. Санкт-Петербург, 1991. Сб. 17. С. 88–122.

¹³ Нечто о славном г. Лафонтене / пер. А. Лубкин // Новые ежемесячные сочинения / иждивением Императорской академии наук. Санкт-Петербург, 1793. Ч. 87. С. 86–96. Переводчиком, по-видимому, выступил Александр Степанович Лубкин (1770–1815) — будущий философ, логик, профессор Казанского университета, который, между прочим, на тот момент служил в Костромской семинарии учителем немецкого языка.

7. Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке, 1701–1800: в 5 т. / Б-ка АН СССР; Б-ка Рос. акад. наук. Ленинград, Санкт-Петербург, 1984–2021.
8. Терюкова Е.А., Цехановская Я. Англиканская община в Петербурге и её последний пастор Боусфилд Ломбард // Санкт-Петербург — Великобритания: XVIII–XIX вв. Санкт-Петербург, 2014. С. 107–116.
9. Churchill W.A. Watermarks in paper in Holland, England, France, etc. in the XVII and XVIII centuries and their interconnection / W.A. Churchill. Amsterdam, 1935. P. [73]; P. [CXLI].
10. Cooper T. King, John Glen / T. Cooper // Dictionary of National Biography: from the earliest times to 1900 / found. by George Smith, ed. by Sir Leslie Stephen and Sir Sidney Lee. London, [1921–1922]. Vol. 11. P. 141–142.
11. Das Englische Wochenblatt in Deutsche Sprache: Eine Wochenschrift, in St. Petersburg herausgegeben in dem Jahre 1778 / von P.H., Bibliothekair bey der englischen Factorey. Gedrukt in Reval und in St. Petersburg, 1778. № 1–50.
12. John Glen King: [portret; crayon manner engraving. 1771] / by Gabriel Smith, after Pierre-Étienne Falconet // National Portrait Gallery: [website]. URL: [https:// www.npg.org.uk/collections/search/person/mp63609/john-glen-king](https://www.npg.org.uk/collections/search/person/mp63609/john-glen-king) (дата обращения 23.05.2022).
13. Nichols J. Literary anecdotes of the Eighteenth century, comprising Biographical memoirs of William Bowyer, printer, F.S.F. and many of his learned friends; an incidental view of the progress and advancement of literature in this kingdom during the last century, and biographical anecdotes of a considerable number of eminent writers and ingenious artists / by John Nichols, F.S.A. London, 1815. Vol. 9. P. 6.
14. Voorn H. De papiermolens in de provincie Zuid-Holland: alsmede in Zeeland, Utrecht, Noord-Brabant, Groningen, Friesland, Drenthe / H. Voorn. [Haarlem], 1973. P. 241–243. (De geschiedenis der Nederlandse papierindustrie; 2).
15. Wright L. The Anglican congregation of St. Nicholas Helsinki, Finland / L. Wright // Anglican and Episcopal History. 2001. Vol. 70, № 3. P. 396–398.

VYSOTSKAYA S. Catalogue of a small British library in St. Petersburg: on a newly found 18th century edition in the Russian Academy of Sciences Library funds

Vysotskaya Svetlana — chief bibliographer. Reference and Bibliographic Department, Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: sbo@rasl.nw.ru

ABSTRACT

The article tells about the finding of a previously unknown 18th century edition in the funds of the Russian Academy of Sciences Library as a result of the continued work on the reader's request. Arguments are given in favor of attributing the publication as a catalog of the British Factory Library in St. Petersburg, published in 1785 or in 1786 by the Reverend John Glen King (1732–1786), chaplain of the British Factory in St. Petersburg (1763–1771).

Keywords: British Factory Library, 18th century public library catalogue, John Glen King, Peter Holsten, Russian Academy of Sciences Library.

С.Г. Цыганков

ПЕЧАТНЫЙ АНТИМИНС ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА ИЗ СОБРАНИЯ БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК. ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ИДЕНТИФИКАЦИЯ И АТРИБУЦИЯ

Цыганков Сергей Георгиевич — архитектор, СПб ГБУК ГМЗ «Гатчина»
Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: tsygankov@gatchinapalace.ru

АННОТАЦИЯ

Предметы религиозного назначения разнообразны и многочисленны. Исследования истории появления и бытования этих предметов, их художественных особенностей — важная часть исследования культурно-художественного контекста времени, в которое они были созданы. Такие предметы стали объектами научного историко-художественного исследования в России лишь со второй половины XIX века. Особое место среди предметов религиозного назначения занимают антиминсы. История создания печатного антиминса для дворца Анны Иоанновны — тема данного исследования.

Ключевые слова: Печатный антиминс в России, Летний дворец Анны Иоанновны в Летнем саду, Оттомар Элигер, Гравировальная палата Академии наук, Библиотека Российской академии наук (БАН), Собор Св. Петра и Павла Петропавловской крепости.

Многочисленные и разнообразные предметы религиозного назначения, занимая в религиозной жизни Церкви чрезвычайно важное место, тем не менее долгое время не были предметом всестороннего исследования. В то время как над изучением сакрального значения этих предметов трудились много и плодотворно, исследовательская работа по изучению истории создания и бытования этих предметов, их художественных особенностей практически не велась. Эти предметы стали объектами научного историко-художественного исследования в России лишь со второй половины XIX века.

Такие исследования, однако, были прерваны драматическими событиями начала XX века (революция, гражданская война и борьба государства с религией), в результате которых многие предметы церковного назначения оказались уничтоженными или рассеянными по стране, а история их создания и предназначения преданы забвению. К счастью, многие из этих предметов впоследствии оказались в музейных и частных собраниях, став объектами культурного наследия, доступными для изучения специалистами.

Без сомнения, каждый из таких предметов, находящихся ныне в музейных и частных собраниях, требует детального изучения не только с точки зрения их художественных характеристик, но и, по возможности, для уточнения их происхождения и владения (*provenance*), что позволит хотя бы отчасти восстановить историю и географию бытования каждого подобного объекта культурного наследия.

Среди широкого спектра предметов религиозного назначения особое место занимают антиминсы.

В Христианской церкви слово «антиминс» означает: «вместо престола», то есть то же самое, что и «престол». Первоначально, с распространением христианства, епископы для совершения евхаристии в местах, где освященного храма не было, были вынуждены освящать подвижные престолы. Позднее, при постройке церквей в отдаленных местах, туда, куда архиереи не могли доехать для освящения храма, посылали освященные антиминсы, которые заменяли собою архиерейское освящение, свидетельствуя об архиерейском дозволении богослужения в храме.

Поначалу антиминсы выполнялись из ткани, на которую наносился рисунок (изображение) религиозного содержания, чаще в виде росписи, выполненной растительными или минеральными красками.

С появлением и развитием книгопечатания в Европе с середины XV века появилась возможность получения печатного рисунка на бумаге и на ткани посредством оттиска с награвированной поверхности. В отличие от известной техники «набойки» (выбойки), когда фрагмент рисунка с трафарета, вырезанного в дереве, «отбивался» на ткани вручную, повторяя небольшой по размеру оттиск многократно, печать при помощи печатного станка позволяла исполнять рисунок сразу не только большего размера, но и более высокого качества.

По мнению исследователя Д. Ровинского: *«В России гравирование на дереве появилось в одно время с книгопечатанием, во второй половине XVI века. Первая из известных гравюр на дереве (этого времени — авт.) — изображение Евангелиста Луки в приложении к книге «Апостол» 1564 г. <...> Отдельные же гравированные листы появились гораздо позже, во второй половине XVII века»* [1, с. 9]. Вероятно, к этому времени можно отнести и появление в России печатных антиминсов. Первоначально такие отпечатки делались путем оттиска изображения на ткани с деревянных, реже с оловянных досок.

Во времена царствования Петра I печатные антиминсы до 1708 года печатаются с награвированных деревянных и медных досок в Оружейной палате, а затем в Московской типографии.

В 1714 году, с учреждением Типографии в Санкт-Петербурге, антиминсы стали печатать и там, а с 1724 года — в Гравировальной палате Академии наук. В XVIII веке гравюра на меди, продемонстрировав новые художественные возможности и тиражные преимущества, постепенно вытесняет гравюру на дереве.

Как уже упоминалось, изучение антиминсов печатных, то есть выполненных путем оттиска изображения на ткани с награвированных досок, стало предметом исследования в России только во второй половине XIX века, что позволило в первую очередь уточнить вопросы касательно значения этих священных предметов в богослужении, а их систематизация выявила типологию используемых в них сюжетов изображений и текстов.

Тем не менее сегодня история создания и бытования многих печатных антиминсов, вошедших в собрания отечественных музеев, остается не вполне изученной, а авторы, их создавшие, остаются неизвестными.

В собрании Библиотеки Российской академии наук (БАН) в отделе Академических изданий среди гравюр, собранных в 1745–46 гг. в шеститомное издание «Академия наук с гравированных досок отпечатанные

Рис 1. Печатный антиминс для церкви Летнего дворца Анны Иоанновны в Летнем саду Санкт-Петербурга. Оттиск на бумаге из собрания гравюр БАН «Академии наук с гравировальных досок отпечатанные листы» (1745–1746 гг.)

листы», которое содержит оттиски с гравированных досок, относящиеся к деятельности Гравировальной палаты Академии наук, среди прочих хранится отпечаток с награвированной доски, воспроизводящей изображение одного из печатных антиминсов [2, л. 23].

Отпечаток изображения для антиминса, о котором пойдет речь далее, отпечатан с пяти гравировальных досок на бумаге «верже» с филигранью типа «флорентийская лилия». Размер листа 52,5х62,0 см. Размер оттиска 51,7х58,6 см.

В центральной части антиминса расположена композиция «Положение во гроб Спасителя». Вокруг две канвы, крайняя из которых выполнена в виде переплетенных «скоб» с цветочными гирляндами и побегами аканта, в которые вмонтированы двенадцать клейм с изображениями страстей Господних.

Внутренняя кайма включает верхний, нижний, угловые и боковые картуши. В верхнем картуше находится текст, описывающий смысл антиминса как церковной святыни, а в нижнем уточнение: благословением

кого их архиереев и когда сей антиминс был освящен: *«Повелением же благочестивейшия и Самодержавнейшия Великия Государыни Императрицы Анны Иоанновны и всея России и благословением Святейшего Правительствующего Синода священнодействован Преосвященным... в Богоспасаемом... лета... месяца».*

В угловых картушах изображены евангелисты (Лука, Марк, Иоанн и Матфей); в картуше слева — Св. Апостол Павел с текстом его 1-го Послания Коринфянам, гл. XI, ст. 28 и 29, а справа — Св. Апостол Петр с цитатой из его 1-го Послания, гл. I, ст. 18 и 19.

На бумаге отчетливо видны фасеты от пяти гравировальных досок, на которых изображена вся композиция: одна доска с центральным сюжетом «Положение во гроб Спасителя» и четыре доски с частями внешней и внутренней каймы с клеймами.

Описываемая гравюра из собрания БАН выполнена, предположительно, в 1745 году с досок, находящихся на тот момент в хранилище «типографии gryдорованных фигур». [3, с. 154–159].

Что же это за антиминс, кто его автор и для какого храма он предназначен?

Сюжетная композиция антиминса подобного типа довольно подробно описана в книге «Антиминсы Православной русской церкви», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1872 году, составленной протоиереем К. Никольским [4, с. 109].

В приложении к вышеуказанной монографии автор приводит не только описание сюжета антиминса, но и опись антиминсов этого типа и храмы, в которые эти антиминсы были переданы после освящения. Всего, как следует из описи, к моменту издания книги (1872 г.) автором выявлено четыре подобных антиминса: предела Св. Михаила Сампсониевской церкви (освященного 8 октября 1732 года), Святителя Николая Чудотворца в селе Царском (освященного 6 июня 1736 года), собора Св. Архистратига Михаила и прочих сил бесплотных (освященного 1 января 17... (?) года) и один антиминс без указания храма и времени освящения [4, с. 315–316].

В приложении, в перечне антиминсов, находящихся в ризнице Александр-Невской лавры, К. Никольский, описывая антиминс с подобным рисунком, относит его к 1732–1736 гг., т.е. к периоду царствования Анны Иоанновны, не уточняя, однако, ни обстоятельств его создания, ни автора гравированного антиминса. А между тем история создания этого печатного антиминса весьма примечательна.

В 1731 году, в связи с решением о возвращении Императрицы Анны Иоанновны из Москвы в Санкт-Петербург, были приняты спешные меры к возведению в Санкт-Петербурге новых зданий для Императрицы, Правительства и Двора. В феврале 1732 году было приказано строить Летний дворец для Императрицы в Летнем саду на месте «Залы для торжеств», возведенной в 1725 году архитектором Земцовым.

Новый дворец для Императрицы спешно строили под надзором гоф-интенданта Петра Машкова. Согласно сообщению «Санктпетербургских ведомостей», 18 мая 1732 года новый «Летний дом» был готов и «высочайше опробован Императрицей». А уже 1 июня 1732 года те же «Санктпетербургские ведомости» сообщали, что: «...сего дня, око-

ло 1 часа по полудни переехала Ея Императорское Величество из своих покоев, в которых жить изволила, в императорский летний дворец...» [5, с. 198].

Несколькими днями ранее на имя секретаря Академии наук Иоганна Шумахера от гоф-интенданта Петра Машкова поступила следующее письмо: *«Благородный господин Шумахер. Ея Императорское Величество изволила приказать напечатать в новопостроенную церковь, что в Летнем доме (Летний дворец — авт.) антимись, на что святейший правительствующий синод ответствовал, что отдан для gryдорования вновь в Академию (Академия наук — авт.) и по сие число не сделан и печатать нечемъ. Того ради изволите приказать, дабы всяконечно оная gryдоровальная доска для печатания антимиса изготовлена была и в синод послана была июня к 2 числу, чтобы при освящении церкви какой остановки не было. Слуга Ваш, моего государя Петр Машков».*

В конце письма есть приписка: *«По высочайшему требованию означенный антимись gryдоровать велено мастеру Элигеру и Унфорцахту и при них ученикам, во всем поспешая.*

Мая 27 дня 1732 г.» [6, с. 133–134].

О дальнейших событиях, связанных с изготовлением «gryдорованной доски» для печатания вышеуказанного антиминса, повествует выписка из протокола канцелярии Академии наук от 29 мая 1732 года, которая гласит:

«По Указу Ея Императорского Величества в Академіи наук определено: Присланный от его преосвященства архіепископа Феофана антиминс в Академіи наук нагryдоровать немедленно, понеже о том гоф-интендант господин Мошков, сего мая 28 дня писал; а ако нагryдорован будет, напечатать с той доски четыре экземпляра на белом атласе и отослать означенному архіепископу, а доску иметь в сохраненіи печатнику Штробелю до указа, в фигурной палате. J.D. Schumacher. Мая 29. 1732 года» [6, с. 133].

Из протокольной записи видно, что по получении письма И. Шумахером работы начались не ранее 29 мая 1732 года. При этом надо помнить, что отпечатанный антиминс должен был оказаться для освящения у Архиепископа Новгородского и Великолуцкого Феофана не позднее вечера 1 июня 1732 года, чтобы 2 июня *«при освящении церкви никакой остановки не было»*. То есть на «gryдорование» печатных досок и печать изображения на атласе отводилось всего четыре дня!

Стоит обратить внимание и на фразу из вышеуказанной выписки протокола канцелярии АН: *«присланный от его преосвященства <...> антиминс»*. Эта фраза однозначно указывает на то, что в Академию был прислан некий образец печатного антиминса, который требовалось скопировать. Необходимость «копирования» образца, вероятно, была связана с тем, что отпечатать такой же с награвированной оригинальной доски не представлялось возможным вследствие ее утраты или неясного местонахождения.

В диссертации С.Г. Николаевой «Русская антиминсная гравюра XVII–XIX веков» имеется уточнение, которое позволяет предположить, что же за антиминс мог быть прислан в Академию наук от архиепископа Феофана в качестве образца для копирования: *«Вариантом повторения*

«большой гравюры» И. Зубова является антиминс 1732 года, исполненный О. Элигером, возглавлявшим в то время Гравировальную палату Академии наук. После ликвидации в 1727 году петербургской типографии, в которой на рубеже 1723–1724 года, судя по выявленным М.А. Алексеевой архивным свидетельствам, была создана не обнаруженная до настоящего времени антиминсная гравюра, единственным местом выпуска печатных антиминсов осталась Московская типография...» [7, с. 62–73].

Из выше представленного текста С.Г. Николаевой можно заключить, что экземпляр антиминса И. Зубова, видимо, и был тем самым «образцом», что был прислан в мае 1732 года в Академию наук для «копирования».

Сама по себе идея «копирования» уже существующего антиминса для вновь построенной церкви Летнего дворца Анны Иоанновны кажется, на первый взгляд, простой и логичной в свете срочности поставленной Святейшим правительствующим Синодом задачи.

Однако, несмотря на утверждение К. Никольского, что «Рисунок положения во гроб (Спасителя — авт.) до малейших подробностей одинаков с серединою рисунка <...> напечатанного при императоре Петре Великом» (то есть идентичен антиминсу И. Зубова), на наш взгляд, новый, «скопированный» антиминс лишь в общих чертах мог повторять антиминс И. Зубова, поскольку скопировать в сверхсжатые сроки (4 дня!) было возможно лишь общую композицию, надписи и отчасти орнаментальный декор. Проработка деталей, нюансы пластики тел, одежд и выражения лиц, без сомнения, были уже иными — «элигеровскими» не только в силу отсутствия времени для детального копирования, но и в связи с индивидуальными особенностями техники гравирования, свойственными каждому мастеру и каждой «школе гравирования», к которой мастер принадлежал. Для Ивана Зубова такой «школой» являлось обучение у Адриана Шхонебека, а для Оттомара Элигера — «школа» Христиана Вортмана, характерные черты творческих приемов которых существенно отличались [1, с. 45, 124–125].

Как следует из вышеприведенной переписки, надлежало напечатать на атласе четыре экземпляра означенного изображения антиминса. Почему всего четыре? Архивные документы об изготовлении антиминсов в начале XVIII века свидетельствуют: «...Боярин Иван Алексеевич Мусин-Пушкин приказал на книжном печатном дворе печатать фряжские антиминсы на казенных атласах и кто из тех печатных антиминсовъ похощетъ взять, и у тех людей в казну Е.И.В. брать по 2 рубля 16 алтын и 2 деньги за антиминс» [4, с. 183–184]. Как видим, стоимость одного печатного на атласе антиминса была весьма высока и составляла примерно четверть годового жалования «служивого человека» в России в начале XVIII века. Вероятно, поэтому заказано было только необходимое Св. Синоду количество отпечатков.

Факт освящения церкви в «Летнем доме» Анны Иоанновны подтверждается пока только косвенно. Среди Высочайших повелений Придворной канторы камер-цалмейстеру Кайсарову имеется за «собственноручным подписанием Императрицы Анны Иоанновны» документ, озаглавленный «Списано за освящение церкви в Летнем доме Ея Императорского Величества...» и датированный 6 июня 1732 года, в котором перечислены

не только денежные подарки священнослужителям по случаю освящения церкви, но и штат этой придворной церкви. [8, с. 25]. Поскольку императрица переехала в «Летний дом» 1 июня 1732 года, а запись «о списании...» сделана 6 июня 1732 года, можно предположить, что церковь в Летнем доме императрицы была, вероятно, освящена не ранее 2-го, но и не позднее 6-го июня 1732 года.

О названии церкви мы узнаем из приложения к делопроизводству СПб Духовного правления, коим по случаю рождения принца Иоанна Антоновича предписано было «...служить благодарственный молебен с целодневным звоном...» во всех городских и прочих храмах и церквях, в перечне которых указана и «<...> Троицкая в летнем дворце (свящ. Матвей Андреев) <...>». [9, с. 382–385].

Придворный церемониальный журнал сообщает, что в этой же церкви 4 мая 1738 года, происходило венчание камер-юнкера Петра Чернышева и фрейлины Катерины Ушаковой [10, с. 20], а 30 сентября 1739 года прошел «благодарственный молебен о получении радостной вести от генерал-фельдмаршала и кавалера графа господина фон Миниха о пришедшей в подданство Е.И.В. <...> Молдавской земли и о принятых в службу пришедших волохов...» [11, с. 47–48]. Здесь же, в Летнем дворце, 17(28) октября 1740 года «...умерла Анна Иоанновна и выставлено было ее тело до погребения» [12, с. 58].

О том, что Летний дворец Императрицы Анны Иоанновны мог перестать существовать в год недолгого правления Анны Леопольдовны, которая повелела деревянный Летний дворец разобрать с тем, чтобы на его месте «...вновь построить галерею по чертежу Ф.-Б. Растрелли», сообщает историк А. Успенский. [13, с. 103]. Дело это, однако, ничем не завершилось, поскольку государственная машина действовала не спеша, а с воцарением Елизаветы Петровны указы и распоряжения времени «правления герцога Курляндского и принцессы Брауншвейг-Люнебургской» вообще велено было «предать забвению».

На плане Летнего сада, исполненном Григорием Охлопковым и датированном 1744 годом, (сейчас хранится в Стокгольмском национальном музее [14, с. 365–367], старый «Летний дом» Императрицы Анны Иоанновны и церковь все еще изображены на прежних местах.

В марте 1745 года, согласно указу Е.И.В. Елизаветы Петровны, Канцелярия от строений направила «Премории» в канцелярию обер-гофмейстера барона и кавалера фон Миниха о необходимости учинить опись Старому Летнему дворцу, которая и была исполнена, а отчет о ней подан 6 апреля 1745 года. Опись составляли: Архитектор-гезель Иван Следнев и поручик А. Зимнинский [15, с. 5].

В вышеуказанном отчете описаны 28 помещений, входящих в состав «Летнего дома», однако ничего не сказано о церкви, что дает основание предположить, что церковь во имя Пресвятой Троицы в Летнем доме на момент составления описи (апрель 1745 г.), была уже упразднена.

Именным указом «О перестройке Екатерингофского дворца» от 27 мая 1745 года императрица Елизавета Петровна окончательно повелела, поскольку: «...старый Летний дом имеет быть на две части разделен и по обоим сторонам Екатерингофского дворца <...> поставлен, <...> иметь для вышеупомянутого об оном чертежи, а именно: как помя-

нутый старый Летний дом ныне есть... <...> и каким манером разделен и построен быть имеет» ([16], с. 387, № 9161).

Однако решение о переносе «Летнего дома» было на время отложено. Предначертанное исполнили, судя по всему, лишь в конце 1747 — начале 1748 года, когда, разобрав здание, правый и левый ризалиты перевезли и установили по бокам Екатерингофского дворца (надпись на чертеже) [17].

Что же произошло с иконами и утварью церкви «Летнего дома», пока установить не удалось. Вероятнее всего, они были переданы в распоряжение Св. Синода или поступили по епархиальной принадлежности в распоряжение архиепископа Санкт-Петербургского Феодосия (1 сентября 1742 года была учреждена Единоличная Петербургская епископская кафедра), а затем оказались в каком-то другом храме. Однако следует заметить, что, несмотря на возможные перемещения икон и церковной утвари, антиминс из упраздненной церкви не мог быть передан в какую-либо другую в силу уже состоявшегося его освящения для упраздненной, и по правилам должен был быть возвращен в Св. Синод.

Так или иначе, но с этого времени следы печатного антиминса церкви во имя Св. Троицы Летнего дворца Анны Иоанновны теряются.

В 1793 году, при распродаже в Академии наук «разных вещей», Преосвященный митрополит Гавриил (Митрополит Новгородский и С-Петербургский — авт.) купил за 10 рублей четыре доски, которые составляли каймы рисунка антиминса.

В журнале Святейшего Правительствующего Синода за 1793 года есть запись, которая гласит: «...Синодальный член преосвященный Гавриил, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский предложил Св. Синоду отпечатанный в Императорской академии наук антиминсною доскою куншт, объявляя при том, что та доска состояла из пяти медных штук, и из них окружные четыре, по случаю бывшей в упомянутой академии публичной продажи некоторых вещей, куплены им, Преосвященным, за десять рублей, в том намерении, что оныя, яко лучший против печатаемых ныне антиминсов вид представляющія, по вырезаніи к ним и средней пятой штуки на меди, могут быть употреблены для печатания вновь антиминсов, почему те четыре штуки ныне же и представлены Св. Синоду...» [4, с. 193].

Решением Св. Синода доски были приобретены у преосвященного Гавриила с назначением хранить их в Синодальном архиве, а «для выгравирования к ним приличной средней штуки на меди велеть синодального живописца Алексея Антропова помощнику Михайле Уткину изготовить рисунок, применяясь к прежним антиминсам, и представить к апробации Св. Синоду...» [4, с. 194].

В фундаментальном труде об истории и мастерах русской гравюры, изданном в конце XIX века, автор — исследователь Д. Ровинский в списке всех русских гравюров приводит перечень известных произведений каждого из них. Однако ни в перечне работ О. Элигера, ни в перечне работ И. Унферцахта нет указаний на их участие в создании описываемых здесь награвированных досок изображения антиминса для церкви Летнего дворца Анны Иоанновны [18, с. 147].

Тем не менее благодаря вышеуказанным историческим документам архива АН известно, что в конце мая 1732 года граверами О. Элигером и И. Унферцахтом такая работа были исполнена.

Нет сомнения и в том, что спустя 13 лет, в 1745 году, именно с этих досок были сделаны оттиски изображений, вошедших во второй том шеститомного собрания гравюр «Академии наук с грядоровальных досок отпечатанные листы», ныне хранящегося в фондах БАН и архивах АН.

Приложенная же к синодальной записи опись награвированных досок позволяет утверждать, что в марте 1793 года Св. Синодом у преосвященного Гавриила были приобретены только четыре из пяти досок, награвированных в мае 1732 года граверами О. Элигером и И. Унферцахтом для антиминоса церкви Летнего дворца. Где находилась печатная доска с изображением центральной части вышеозначенного антиминоса во время продаж «разных вещей» из Академии наук и почему ее не приобрел преосвященный Гавриил, пока остается загадкой.

Есть надежда, что вышеуказанная награвированная доска с сюжетом «Положение во гроб Спасителя» сохранилась и находится ныне в Архиве Академии наук, фонд гравированных досок которой до конца не разобран и пока не доступен для подробного исследования.

Как упоминалось выше, к 1872 году было известно о четырех печатных на атласе антиминосах с оттиском с гравировальных досок, исполненных в мае 1732 года О. Элигером и И. Унферцахтом. Однако в результате сопоставления данных обнаружилось, что таких печатных антиминосов было отпечатано больше.

В Фонде отдела Русской культуры Государственного Эрмитажа в настоящее время хранится печатный на атласе антиминос (*Государственной музейный каталог РФ, № 29710834, инв. № ЭРТ-16395*), который по своему рисунку, композиции и размерам полностью совпадает с печатными антиминосами подобного типа, ранее описанными протоиереем К. Никольским.

В нижней части антиминоса из собрания Государственного Эрмитажа в картуше размещен печатный текст с разъяснениями и рукописной записью об освящении антиминоса: когда, кем антиминос был освящен и для какой церкви. Надпись эта гласит: «<....> Священнодействован Преосвященным Феофаном архиепископом Великоновгородским и Великолуцким в Богоспасаемом царствующем Санктпетербурге к соборной церкви святых апост. ПЕТРА и ПАВЛА лета 1733 месяца июня 29 дня». Согласно достоверным данным, именно в этот день был освящен собор во имя Святых Апостолов Петра и Павла Петропавловской крепости, задуманный и заложенный еще в царствовании Петра Великого [19, с. 41].

Сегодня можно с уверенностью говорить, что с награвированных О. Элигером и И. Унферцахтом досок было отпечатано на атласе не четыре, как предполагалось, а как минимум шесть антиминосов. Один из вновь выявленных был освящен для церкви Св. Троицы «Летнего дома» императрицы Анны Иоанновны в начале июня 1732 года, а другой для Собора Св. Апостолов Петра и Павла Петропавловской крепости, освященного 29 июня 1733 года, ставшего местом упокоения Российских монархов.

Таким образом, в ходе настоящего исследования удалось не только достоверно атрибутировать вышеописанную гравюру из собрания БАН, уточнив имена мастеров Гравировальной палаты АН ее создававших, но и выяснить интересные подробности истории создания антиминса для церкви Св. Троицы Летнего дворца Анны Иоанновны, а также идентифицировать печатный на атласе антиминс из собрания Государственного Эрмитажа, некогда освященный для самого главного храма столицы Российской империи.

Принятые сокращения

АН — Российская Академия Наук
 БАН — Библиотека Российской Академии наук.
 ГЭ — Государственный Эрмитаж
 Е.И.В. — Ея Императорское Величество
 П.С.З. — Полный свод законов Российской империи
 Св. Синод — Святейший Синод
 СПб ГБУК ГМЗ «Гатчина» — Санкт- Петербургское Государственное Бюджетное учреждение культуры Государственный музей-заповедник «Гатчина»

Список источников

1. Ровинский Д. Русские граверы и их произведения с 1564 года до основания Академии художеств. Москва, 1870 г. [X+ 403 с.].
2. Академии наук с грыдировальных досок отпечатанные листы. 1745–1746 гг. Т. II. БАН. А. кр./2233 (2).
3. Кузаева Ю.В. К истории создания многотомного собрания гравюр из отдела академических изданий // Новое искусствознание. № 3, 2022 г. 161 с.
4. Никольский К. Об антиминсах русской православной церкви. Санкт-Петербург, 1872 г. 385 с. с прилож. и 25 илл.
5. Санктпетербургские ведомости. Санкт-Петербург, май–июнь 1732. 468 с.
6. Сухомлинов М.И. Материалы для истории Академии наук, т. 2. (1731–1735). Санкт-Петербург, Протоколы канцелярии 1732 г. Книга № 421. 886 с.
7. Николаева С.Г. Антиминсная гравюра XVIII // Русская антиминсная гравюра XVII–XIX веков. Диссертация. Санкт-Петербург. 2000 г. Гл. II. 287 с.
8. РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 14.
9. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Св.Синода. т. XX, (1740 г.). Санкт-Петербург, 1908. 1216 с.
10. Церемониальный журнал за 1738 г. 53 с.
11. Церемониальный журнал за 1739 г. 73 с.
12. Пыляев М.И. Старый Петербург. Санкт-Петербург, 1889 г. (репр. 1970). 497 с.
13. Успенский А. Новые летние палаты // Художественные сокровища России. Т. 3. Санкт-Петербург, 1903.
14. Коренцвит В.А. Летний сад Петра Великого. Москва; Санкт-Петербург, 2015. 569 с.
15. РГИА. Ф. 467. Оп. 3. Д. 1.
16. П.С.З. Санкт-Петербург. 1830. Т. XII (1744–1748). 960 с.
17. СПб ГБУК ГМЗ «Гатчина». Фонд графики. ГДМ-1199-XII.
18. Ровинский Д. Русские граверы и их произведения с 1564 года до основания Академии художеств. Москва, 1870 г. // Приложение. Словарь русских граверов и перечень их произведений [X + 403 с.].
19. Гендриков В.Б., Сенько С.Е. Петропавловский собор. Усыпальница императорского дома Романовых. Санкт-Петербург, 1998. 159 с.

TSYGANKOV S. Printed antimins of the first third of the 18th century from the collection of the Russian Academy of Sciences Library. Origin, identification and attribution

Tsygankov Sergey — architect, St. Petersburg State Budgetary Institution GMZ «Gatchina», Saint-Petersburg, Russia, e-mail: tsygankov@gatchinapalace.ru

ABSTRACT

Religious objects are diverse and numerous. Researching the history of appearance and existence of these objects, their artistic features is an important part of the study of the cultural and artistic context of the time in which they were created. Such objects became objects of scientific historical and artistic research in Russia only in the second half of the 19th century. Antiminsions occupy a special place among religious objects. The history of the creation of the printed antimins for the palace of Anna Ioannovna is the topic of this study.

Keywords: Russian Academy of Sciences Library, RASL, library classifications, systematic catalog, history.

Д.Д. Дымская

ИСТОРИЯ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ О НЕМ В БАН

Дымская Дарья Дмитриевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела научной систематизации литературы БАН, Библиотека Российской академии наук
Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: cromwell@inbox.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена систематизации литературы о латинском языке в центральном систематическом каталоге Библиотеки академии наук. В каталоге выделены все этапы развития латинского языка: от архаической латыни до латыни Нового времени. Однако, в связи с неравномерным количеством специальной литературы, наиболее детализированными являются разделы классической и средневековой латыни.

Ключевые слова: Библиотека Российской академии наук, Центральный систематический каталог, Библиотечно-библиографическая классификация, систематизация литературы, латинский язык.

Латинский язык не нуждается в представлении. Мы каждый день сталкиваемся с латинской письменностью, используем в своей речи латинские слова, а наше мировоззрение во многом сформировано под влиянием классической культуры, распространявшийся благодаря Римской империи, одним из основных языков которой была как раз латынь. Однако прежде чем проанализировать, как литература о ней представлена в Центральном систематическом каталоге Библиотеки академии наук, рассмотрим вкратце историю латыни, поскольку в основе любой систематизации, как известно, лежит периодизация.

Латинский язык относится к итальянской группе индоевропейской языковой семьи. Свое название он получил от племени латинов, обитавшего на территории Лациума — области в центре западной части Апеннинского полуострова, главным городом которой является Рим. В основе латинской письменности лежит греческий алфавит. Античные авторы считали, что в Италию его принес аркадиец Эвандр, который примерно за шестьдесят лет до Троянской войны основал поселение на месте будущего Рима, назвав его именем своего родного города Паллаинтион. Это название сохранилось в наименовании одного из римских холмов — Palatium или mons Palatinus. Поскольку же Троянскую войну относят к первой трети XIII в. до н.э., получается, что, согласно мифологической традиции, Эвандр прибыл в Италию еще в XIV в. до н.э. [1, с. 45; 2, с. 44] и, соответственно, именно тогда у латинов и появилась письменность. Однако следов этого письма в Италии не обнаружено, а в Греции тогда пользовались линейным слоговым письмом [1, с. 45].

Современная наука считает, что латинская письменность основана на западногреческом алфавите, который отличается от прочих греческих

алфавитов отсутствием буквы кси, использованием буквы хи для сочетания ks, а буквы пси — для kh, поэтому еще в I в. до н.э. возникла теория, согласно которой латинский язык является испорченным вариантом эолийского диалекта греческого языка. Эта версия находила приверженцев и в последующие эпохи, но в настоящее время в науке не поддерживается [1, с. 22]. Точное время возникновения латинской письменности установить невозможно, но, по крайней мере, точно известно, что в VII в. до н.э. она уже была широко распространена, т.к. существуют бытовые надписи, относящиеся к этому периоду. Как справедливо отмечает в этой связи отечественный эпиграфист Елена Васильевна Федорова, «если в VII в. до н.э. обыкновенные жители Лациума умели читать и писать, то это наводит на мысль о гораздо более раннем появлении у них письменности» [2, с. 44–45].

Однако следует учитывать, что латынь, как и любой язык, не является застывшим образованием. В своем развитии она прошла несколько этапов и все они выделены в каталоге, а потому необходимо выявить особенности каждого из них.

1. Язык в том виде, в каком он существовал до I в. до н.э., называется **архаической латынью**. В каталоге он фигурирует под индексом Ш146.11. Архаическая латынь известна главным образом по надписям, которые позволяют судить о том, как менялся язык. В это время римляне постепенно приспосабливали греческое письмо к своим нуждам: некоторые буквы они убирали, некоторые изменяли, так что классический вид латинский алфавит приобрел только в эпоху Поздней Республики (I в. до н.э.) и стал включать в себя 21 букву¹. Для более точной передачи звучания греческих слов использовались также буквы Y и Z, но они считались греческими [1, с. 48–49]. Направление письма слева направо установилось с IV в. до н.э., а до этого писать могли по-разному, в т.ч. вертикальным бустрофедоном².

Художественная литература возникла лишь в III в. до н.э. Предтечей ее был выдающийся государственный деятель конца IV — начала III вв. до н.э. Аппий Клавдий, который, как считается, первым в Риме понял, что литературу можно поставить на службу политике: его речь против заключения мира с царем Пирром была издана в качестве политической брошюры, а кроме того, он оставил после себя сборник изречений под названием «Сентенции», из которого до нас дошло лишь три афоризма, среди которых всем нам знакомое выражение «всяк кузнец своего счастья» [3, с. 288]. В полном объеме из произведений III–II вв. до н.э. сохранились только трактат Катона Старшего «О земледелии» и комедии Плавта и Теренция, лексика которых уже приближена к классической латыни.

2. **Классической латынью** называется язык I в. до н.э.–II в. н.э. — времени, когда он приобрел свои законченные формы [4, с. 223]. Классическая латынь отличается богатой лексикой, способностью передавать сложные абстрактные понятия, а также научно-философской, поли-

¹ В I в. н.э. император Клавдий попытался ввести три новые буквы, но они не прижились [1, с. 50].

² Бустрофедон дословно переводится «как пашет бык». В данном случае это означает, что в одной строке буквы направлены боком снизу вверх, а в другой боком сверху вниз и т.д.

тической, юридической, хозяйственной и технической терминологией. Именно на этот период приходится «золотой» и серебряный» век римской литературы. Поскольку же это была одновременно и эпоха расцвета Империи, латинский язык распространился по ее территориям. Для облегчения управления римляне стремились привлечь на свою сторону местные элиты и латинизировать их, поэтому в некоторых областях для знати организовывались специальные римские школы, а знание латыни было обязательным условием для занятия местных должностей. Однако темпы распространения языка были неодинаковы и зависели от тяготения той или иной области к Риму и от уровня культуры местных элит. Восток преимущественно говорил по-гречески, поскольку был эллинизирован еще со времен походов Александра Македонского, но и туда проникло множество латинских военно-административных терминов, а кроме того, получил распространение билингвизм. Запад же, особенно Галлия, оказался более восприимчивым к латинскому языку и культуре. Впрочем, это влияние не было односторонним: контакты с местными языками привели к появлению некоторого количества иноземных заимствований в самой латыни [4, с. 251–252].

3. Поздняя латынь (III–VI вв.). В III в. империю охватил глубокий кризис, следствием чего явились архаистические тенденции. В языке они проявлялись в отрыве литературной латыни, ориентированной на мертвую норму, от живой речи. В итоге грамматическая система уже не поспевала за развитием языка и костенела.

В это же время начинают формироваться национальные романские языки, в основе которых лежит народноразговорная латынь. Иногда ее называют вульгарной, но это неправильный перевод Квинтилиана, который под *sermo vulgaris* понимал всего лишь обиходную речь, т.е. язык, на котором разговаривали с друзьями, родственниками, рабами etc. [4, с. 257].

Кроме того, активно развивалась христианская литература. Поскольку же новая литература нуждалась в новой лексике, а сама религия пришла с Востока, находившегося под греческим влиянием, в латинскую речь пришли соответствующие грецизмы и гебраизмы (*evangelium*, *apostolus*, *ecclesia*, *angelus*, *pascha* etc.), а уже существующие латинские слова приобрели новое значение. Так, например, слово *gentes*, использовавшееся для обозначения малоразвитых племен, не имевших государства, теперь стало обозначать язычников, подобно тому, как слово *pagani*, которым в армейском лексиконе презрительно именовали «штатских», перешло на язычников, чтобы подчеркнуть их противоположность «воинству Христову» [4, с. 256–257]. Все это оказало влияние на формирование следующего этапа развития латинского языка — средневековой латыни.

4. Средневековая латынь (VII–XV вв.). Это язык, возникший на основе поздней, народной латыни с ослабленными нормами грамматики, насыщенный церковной лексикой и заимствованиями из местных языков [5, с. 5–7]. Впоследствии лучшие стилисты своего времени боролись за очищение языка от варваризмов, но вернуться к идеалу «золотой» латыни так и не удалось.

5. Новая латынь (XVI–XX вв.). В Новое время латинский язык прежде всего в качестве языка науки, главным образом — в естествознании и университетской практике, о чем свидетельствует современный состав

ботанической и зоологической номенклатуры, медицинская терминология (в анатомии, фармакологии и т.д.), а также лексика, употребляемая на торжественных церемониях в университетах (например, присуждение степени доктора *honoris causa*). В государственно-дипломатической сфере латынь еще в XVII в. уступила место национальным языкам, в качестве языка международного научного общения тоже уже не используется, зато в католической церкви она по-прежнему сохраняет свое положение как язык богослужения, папских энциклик и в качестве официального языка Ватикана.

Теперь, когда мы разобрались с этапами развития латыни, перейдем к вопросам систематизации.

В системе К.М. Бэра, которая была разработана в 1835–1840 гг. и использовалась в БАН вплоть до 1929 г., латинский язык является частью раздела III Языкознание и обозначен буквой D. Для него предусмотрены следующие деления:

- a) Происхождение и судьбы латинского языка
- b) Грамматика
- c) Словари
- d) Разные сочинения о латинском языке
- e) Систематические словари, фразеологии, синонимы и прочие пособия по изучению латинского языка
- f) Грамматические упражнения и стилистика
- g) Хрестоматии
- h) Латинские разговоры (*sic!*) [6, с. 10]

В советское время, когда предложенная Бэром система уже безнадежно устарела, начались поиски новых вариантов библиотечной классификации. Системно и объединенными усилиями крупнейшие библиотеки страны стали заниматься этой проблемой в послевоенные годы. В 1945–1949 гг. в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина (ГБЛ) был подготовлен и издан сокращенный вариант библиотечной классификации, который затем был разослан в библиотеки (в т.ч. в БАН) для ознакомления и обсуждения. Латинский язык в нем фигурирует под индексом Ц312 и никаких специальных рубрик для него не предусмотрено [7, с. 124]. В 1951 г. РГБ издала новый вариант классификации и вновь разослала его коллегам из других библиотек. В этой версии латинский язык не выделен вовсе, его предлагается смотреть в разделе X41 Романское языкознание [8, с. 111]. Этот новый вариант обсуждался долго и подробно, а с 1960 г. уже начали издаваться полные таблицы ББК для научных библиотек, которые используются в БАН по сей день.

Схема по филологии вышла в свет в 1963 г. Она была разработана главными библиотекарями ГБЛ Мариной Семеновной Рукосуевой и Ларисой Соломоновной Якушиной при участии Владилены Павловны Мурат на основе варианта, составленного главным библиотекарем Государственной библиотеки СССР Эддой Ароновной Халифман. Латинский язык представлен в ней следующим образом [9, с. 48]:

- Ш146.1 Латинский язык
- Ш146.11 Классическая латынь
- Ш146.12 Народная (вульгарная) латынь
- Ш146.13 Средневековая и церковная латынь

После выпуска схемы началось приведение каталога БАН в соответствие с ней. Через семь лет работа завершилась, и на заседании научно-методического совета 28 апреля 1970 г. каталог был сдан и принят «с хорошей положительной оценкой» [10, с. 151–153]. В результате принятых методических решений, каталог отличается от схемы более детальной периодизацией и выглядит следующим образом:

Ш146.11 Архаическая латынь (до I в. до н.э.)

Ш146.12 Классическая латынь (I в. до н.э. – II в. н.э.)

Ш146.13 Народная (вульгарная) латынь (III–VI вв.)

Ш146.14 Поздняя латынь (VII–XX вв.)

Ш146.141 Средневековая латынь (VII–XV вв.)

Ш146.142 Новая латынь (XVI–XX вв.).

Поскольку количество литературы о каждом из периодов различно, это отражается в детализации рубрик. Так, специальные деления существуют только для подразделов Ш146.12 Классическая латынь, где можно найти исследования о грамматике (-2), лексике (-3), лексикографии (-4), диалектологии (-5), а также разного рода учебные пособия для высшей школы (-9), и Ш146.141 Средневековая латынь, где выделены те же рубрики, кроме лексикографии и диалектологии. В разделе же латинского языка как такового предусмотрены лишь деления, связанные с историей (историческая фонетика, грамматика, лексикология, диалектология и письмо).

Церковная латынь, согласно схеме, собирается под индексом Ш146.13, однако в каталоге она идет под специальной вкладкой после Новой латыни (Ш146.142). С чем это связано, сказать сложно. Возможно, дело здесь в том, что в католической церкви латинский язык используется по сей день, а потому нет причин ограничивать церковную латынь периодом средневековья.

Что же касается поступающей литературы, то в настоящий момент наблюдается стабильный прирост. Чаще всего библиотека получает учебники латинского языка для медиков, реже — для юристов, в связи с чем возникает вопрос о том, к какому этапу развития латинского языка их следует отнести. Крупные отечественные библиотеки — РГБ и РНБ, как правило, ставят их в раздел классической латыни, однако это представляется нам не вполне оправданным, поскольку вследствие развития наук появилась терминология, которой в античный период по понятным причинам быть не могло. С другой стороны, отнести подобную литературу к разделу новой латыни невозможно, поскольку в каталоге отсутствуют соответствующие деления, а кроме того, в данном случае важен не период, а лексика. Поэтому нам представляется, что логичнее всего было бы выделить рубрики для обозначения учебников в самом общем разделе, т.е. латинского языка как такового.

Подводя итог, можно констатировать, что латынь представлена в каталоге достаточно широко, а самое главное — книги о ней продолжают поступать, что не может не радовать, ведь, как отмечал К.М. Бэр, изучение латыни может служить превосходным средством для умственной гимнастики [11, с. 108]. Каталог же может быть полезен как читателям, интересующимся конкретными аспектами латинского языка, так и тем, кто только начинает свое с ним знакомство.

Список источников

1. Малинаускене Н.К. Введение в историю латинского языка. Общие вопросы и доклассический период. Москва, 2001. 155 с.
2. Федорова Е.В. Латинская эпиграфика. Москва, 1969. 373 с.
3. Тронский И.М. История античной литературы. Москва, 1988. 464 с.
4. Тронский И.М. Очерки из истории латинского языка. Москва, 1953. 271 с.
5. Дрбоглав Д.А. Учебное пособие по средневековой латыни. Москва, 1993. 142 с.
6. Бэр К.Э. Система классификации книг II отделения Библиотеки Российской Академии Наук, составленная в 1841 г. пер. с лат. 1903 г. Ленинград, 1926. 63 с.
7. Библиотечная классификация (сокращенный вариант) / под. ред. Е.И. Шамурина; ГБЛ им. В.И. Ленина, ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Москва, 1949. 155 с.
8. Библиотечная классификация (сокращенный вариант) / ред. О.П. Тесленко; ГБЛ им. В.И. Ленина. Москва, 1951. 159 с.
9. Библиотечно-библиографическая классификация: таблицы для научных библиотек. Выпуск XX: III Филологические науки. Художественная литература. Москва, 1963. 203 с.
10. Дымская Д.Д. История систематизации литературы по языкознанию в БАН // Наука и библиотека: сборник научных трудов. Вып. 5. Санкт-Петербург, 2022. С. 148–154.
11. Бэр К.М. Автобиография / пер. с нем. Б.Е. Райкова. Москва, 1950. 544 с.

DYMSKAYA D. On the issue of the systematization of Roman literature in the Russian Academy of Sciences Library

Dymskaya Daria — Candidate of Historical Sciences, Systematization Department, Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: cromwell@inbox.ru

ABSTRACT

The paper examines the issues of systematization of Latin linguistics in the Central systematic catalog of the Russian Academy of Sciences Library. The catalogue distinguishes all stages of the development of the Latin language: from archaic Latin to Latin of the New Age. However, due to the uneven number of relevant studies, the most detailed sections are those of classical and medieval Latin.

Keywords: Academy of Sciences Library, Central systematic catalogue, systematization of literature, Latin language.

Е.В. Ковриженко

**ПАРИЖСКИЕ ПАЛЕОТИПЫ
В БИБЛИОТЕКЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК:
заметки о происхождении некоторых экземпляров**

Ковриженко Елена Владимировна — научный сотрудник Научно-исследовательского отдела редкой книги, Библиотека Российской академии наук
Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: alyona.kovrizhenko@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросу происхождения экземпляров парижских изданий первой половины XVI века, хранящихся в фондах Отдела редкой книги Библиотеки Российской академии наук. Автором выделяются основные собрания, к которым они восходят: значительная часть книг относится к первоначальному фонду Библиотеки, многие экземпляры происходят из виленских собраний, также велика доля книг из частных библиотек.

Ключевые слова: палеотипы, парижские издания, Библиотека Российской академии наук, провенанс.

В Научно-исследовательском отделе редкой книги Библиотеки Академии наук в настоящее время ведется работа по составлению каталога парижских палеотипов, хранящихся в Библиотеке. В фондах Отдела редкой книги насчитывается более 320 экземпляров изданий первой половины XVI века, напечатанных в Париже. К настоящему моменту описано чуть больше половины из них (около 53% на конец 2024 г.). Поэтому кажется уместным в рамках подведения промежуточных итогов привести некоторые наблюдения, касающиеся происхождения отдельных экземпляров. Задача данного обзора — на основе собранной статистики обозначить ключевые собрания, к которым восходят экземпляры ранних парижских изданий.

Конечно же, стоит начать с книг, относящихся к первоначальному фонду Библиотеки Академии наук. Под первоначальным фондом принято понимать книги, входившие в состав библиотеки в наиболее ранний период ее существования — со времени основания (1714 г.) до публикации в 1742 г. первого печатного «Камерного» каталога, называемого так из-за соответствия его разделов расстановке книг по камерам [1, с. 6]. Принадлежность книги к первоначальному фонду может быть определена по следующим признакам: наличие небольшого по размеру так называемого «первоначального штампа» Библиотеки и литерного штампа Камерного каталога. Первоначальный штамп с изображением двуглавого орла обычно проставлялся на титульном листе, тогда как штамп Камерного каталога располагался в конце книжного блока и содержал буквенное сокращение, отсылающее к систематическому разделу, к которому была отнесена книга в каталоге.

Итак, к первоначальному фонду восходит приблизительно одна пятая часть описанных экземпляров. Книги этой группы довольно разнообраз-

ны по тематике. Среди них довольно много трудов по медицине (прежде всего, Галена) — они отмечены штампом Камерного каталога с литерой MED. В их числе можно назвать прекрасные издания Галена формата ин-фолио, выпущенные Симоном де Колином в 1530 [2], 1539 [3] и 1545 гг. [4], сочинения Александра Траллийского, напечатанные Робером Этьенном в 1548 г. [5], издание Диоскорида 1549 г. [6] и др.

К разделу ораторского искусства (штамп ORA.) относится несколько экземпляров, в том числе тематический конволют, включающий в себя различные речи Цицерона [7–9], комментарии к ним Квинта Аскония Педиана [10] и некоторые другие произведения. Французский перевод «Иероглифики» Гореполлона, изданный Жаком Кервером в 1543 г. [11], отнесен к сочинениям антиквариетов (штамп ANT. на книгах). В раздел философии (экземпляры со штампом PH.) помещен опубликованный в 1548 г. трактат кардинала Гаспаро Контарини «Об элементах и их смешениях» [12]; в разделе итальянской истории (обозначение — H. ITAL.) можно встретить его же сочинение «О магистратах и устройстве Венецианской республики», напечатанное Мишелем де Васкозаном в 1543 г. [13]. Есть книги, относящиеся к разделам римской истории, грамматики, поэзии. В первоначальном фонде (с штампом A. CIV. — т.е. гражданская архитектура) также представлено «Руководство к укреплению городов, замков и теснин» Альбрехта Дюрера в переводе на латинский язык, напечатанное в 1535 г. Кретьеном Вешелем [14].

Часть экземпляров парижских изданий из первоначального фонда сохранила записи, пометы, экслибрисы предшествовавших владельцев. Например, указанный трактат Дюрера содержит экслибрис лейб-медика Петра I Роберта Арескина. Несколько книг обладают косвенными признаками принадлежности к библиотеке шотландского врача Арчибальда Питкерна, как было установлено В.А. Стасевичем [15, с. 42–48]: среди них издание Цицерона ин-фолио [16], а также упомянутые выше конволюты с речами Цицерона и комментариями Аскония Педиана [10] и издание Александра Траллийского 1548 г. [5]. Однако, к сожалению, далеко не всегда предыдущих владельцев удастся идентифицировать.

Иногда встречаются экземпляры, содержащие только первоначальный штамп Библиотеки Академии наук, без штампа Камерного каталога, очевидно, поступившие в Библиотеку позднее. Интересный пример — книги, принадлежавшие консультанту Юстиц-коллегии и библиотекарю академической библиотеки Готфриду Пашке. Его собрание было приобретено библиотекой в 1741 г. [17, с. 35–37]. Пашке обычно подписывал свои книги, указывая где и когда он их купил. Во время работы над каталогом были обнаружены два конволюта с подобными записями. Так, первый, включающий в себя трактат Роберто Вальтурио «О военном деле», напечатанный Кретьеном Вешелем в 1534 г. [18], был куплен Пашке 13 декабря 1733 г. в Петербурге. Второй, в который входят изданные Йодокусом Бадиусом «История королей Британии» Гальфрида Монмутского [19] и «История Великой Британии, как Англии, так и Шотландии» Джона Мейджора [20], Пашке приобрел 8 сентября 1724 г. в Гданьске. Любопытно в данном случае то, что только в первом конволюте присутствует штамп первоначального фонда.

Вторая по численности группа экземпляров парижских изданий (около 12%) восходит к Библиотеке Петербургской римско-католической духовной академии и попавшим в нее виленским собраниям. Ее составляют богословские сочинения, патристика (Василий Великий, Афанасий Великий), античные авторы (Апулей, Плутарх, Аристотель), труды по истории, каноническому праву и т.д. У большинства книг на корешке имеется наклейка-ярлык Библиотеки Петербургской римско-католической духовной академии («*Bibliotheca Academiae Romano-catholicae Petropolitanae*»). Академия в Петербурге была создана в 1842 г., туда перевезли библиотеку виленской римско-католической академии, образованной в 1833 г. после закрытия Виленского университета. Библиотека Виленского университета, в свою очередь, восходит к библиотеке виленской иезуитской коллегии, учрежденной в 1570 г., позднее преобразованной в Академию и Университет Общества Иисуса. На принадлежность книг к этому собранию указывают типовые записи: «*Inscriptus Catalogo Librorum Collegii Vilnensis Soc. Jesu*» и «*Bibliothecae magnae*» (например, такие записи можно увидеть на титульном листе сочинений Плутарха, напечатанных в 1544 г. Мишелем де Васкозаном для Жана де Руаньи [21]), «*Bibliothecae magnae Coll. Vilnen[sis] S. J.*» (в «Теософии» Иоанна Арбореуса, изданной в 1540 г. Симоном де Колином [22]) и т.п. Также на части экземпляров встречается штамп «*Bibliotheca Academiae Vilnensis*».

Отдельно в этой группе стоит отметить книги с переплетами короля Сигизмунда II Августа, собрание которого легло в основу библиотеки виленской иезуитской коллегии. В их числе — сочинения Аристотеля с комментариями, изданные Симоном де Колином [23; 24, с. 24, № 10], Жаном де Руаньи [25; 24, с. 24–25, № 10] и Конрадом Необаром [26; 24, с. 25, № 11], «Римская история» Аппиана, напечатанная Мишелем де Васкозаном [27; 24, с. 21–22, № 7]. На верхней крышке переплета каждого из экземпляров помещен гербовый суперэкслибрис Сигизмунда II Августа; на нижней крышке присутствует датировка: в указанных выше случаях переплеты датируются 1549, 1555 и 1559 гг.

Также среди этих книг есть несколько экземпляров из картезианского монастыря Святого Креста в Березе с характерной записью: «*Cartusiae Sanctae Crucis prope Berezam*» (в качестве примера можно привести экземпляр сочинений Василия Великого, изданных в 1547 г. Шарлоттой Гийяр [28]).

Следует особо выделить еще часть экземпляров — они составляют около 10 % от общего числа: это книги, продававшиеся в антикварном книжном магазине известного нидерландского библиографа и книготорговца Фредерика Мюллера в Амстердаме (открыт в 1843 г.); их можно идентифицировать по книгопродавческому ярлыку на форзаце (текст на ярлыке: «*Librairie Ancienne et Moderne de Frederik Muller. Amsterdam, Heerengracht, KK. № 130*»). В числе экземпляров, обладающих этим признаком, примечательна серия из пяти книг о сельском хозяйстве, изданных Робером Этьенном в 1543 г. — т.н. «*Libri de re rustica*» — в двух переплетах (сочинения и комментарии к сочинениям Катона, Варрона, Колумеллы и др. [29–33]).

Отдельного внимания заслуживают экземпляры парижских изданий первой половины XVI века, происходящие из личных и родовых библиотек. Так, из библиотеки рода Михалковых происходят «Руководство

к измерению циркулем и линейкой» Альбрехта Дюрера, изданное Кретьеном Вешелем в 1535 г. [34], «Искусство поэзии» Горация, напечатанное Робером Этьенном в 1533 г. [35], и «Десять книг о зодчестве» Леона Баттисты Альберти [36]. О принадлежности к этому собранию свидетельствуют гербовый экслибрис, штамп: «В.С. Михалков. С. Петровское», а также записи самого Владимира Сергеевича Михалкова.

Есть в фонде несколько парижских палеотипов из собрания графа Дмитрия Николаевича Мавроса — это издания Дени Роса [см. 37] и Жана Пети [38]. Для этих экземпляров характерно наличие тисненого золотом суперэкслибриса с инициалами «D. M.» под короной на корешке, а также штампа-экслибриса «Библиотека генерала графа Д.Н. Мавроса».

К библиотеке Валленродтов восходит экземпляр изданных в 1549 г. Робером Этьенном сочинений Лазара де Баифа [39], о чем свидетельствуют пометы и экслибрис на форзаце. Экземпляр «Краткого изложения королевских законов, статуты и постановлений» Мишеля Берлана 1548 г. [40] ранее входил в состав графской библиотеки верхнелужицкого рода Герсдорфов в Баруте, на что указывает расположенный на форзаце гравированный экслибрис с шифром.

Крайне любопытен конволют с французскими переводами Августина [41] и Григория Великого [42], некогда принадлежавший Федору Васильевичу Каржавину [43, с. 42–43]. Его штамп «Theodore Karjavine» можно видеть на титульном листе первого аллигата. Книга также содержит его записи и пометы библиографического характера. Каржавин называет книгу «редкой и дорогой» и отмечает, что «первая часть тома напечатана в 1517 году» (на титуле дата отсутствует). О втором аллигате он пишет: «В четырех книгах разговор папы, святого Григория с диаконом его Петром. В Парисе», также указывая на издателя: «Chez Pierre Leber. Ф. К.». Кроме того, на форзаце экземпляра сохранился экслибрис предыдущего владельца — М.Ф. Югенена-Дюмитана («M.F. Huguenin Dumitand»).

Известному слависту Вацлаву Ганке принадлежал том «Древностей» («Antiquitatum variarum») Анния из Витербо, изданный Жаном Пети и Йодокусом Бадиусом в 1515 г. [44]. На титульном листе расположен его штамп-экслибрис («Z Hankowych»).

Встречаются также экземпляры из собраний Е.Е. Кёлера, Н.К. Никольского, Н.П. Лихачева, Ф.А. Толстого и др.

Тем не менее далеко не во всех случаях получается установить происхождение экземпляров. Некоторые из них содержат записи и пометы, которые трудно идентифицировать, есть доля книг, не имеющих владельческих признаков вовсе. В данном обзоре было сказано лишь о некоторой части экземпляров, чье бытование хотя бы отчасти удастся отследить.

Конечно, работа над каталогом еще не завершена, поэтому в настоящий момент не представляется возможным дать парижским палеотипам Библиотеки Академии наук исчерпывающую характеристику по признаку происхождения. Данный обзор, скорее, призван в самых общих чертах наметить картину формирования этого корпуса книг.

Автор статьи благодарит старшего научного сотрудника НИОРК БАН О.В. Субботину за предоставленные статистические данные.

Список источников

1. Киселева Л.И. Редкие книги Библиотеки Академии наук СССР. Ленинград: Наука, 1987. 68 с.
2. Galenus. ... Methodus medendi, vel de morbis curandis libri quatuordecim. Thoma Linacro Anglo interprete. Parisiis: apud Simonem Colinaeum, 1530. [44], 283, [1] p.
3. Galenus. ... De affectorum locorum notitia, libri sex, Guilielmo Copo Basiliensi interprete... Parisiis: apud Simonem Colinaeum, 1539. 150, [10] p.
4. Galenus. ... De simplicium medicamentorum facultatibus libri undecim. Theodorico Gerardo Gaudano interprete... Parisiis: apud Simonem Colinaeum, 1545. [12], 265, [3] p.
5. Alexander Trallianus. Ἀλεξάνδρου Τραλλιανοῦ ἱατροῦ βιβλία δυοκαίδεκα... Alexandri Tralliani medici Lib. XII... Lutetiae: ex officina Rob. Stephani, 1548. [8], 259, [1], 39, [1] p.
6. Dioscurides Pedanius. Dioscoridis libri octo, graece et latine... Parisiis: impensis viduae Arnoldi Birkmanni, [Benoot Prŭvost], 1549. [20], 392 f.
7. Cicero M. Tullius. ... Pro Marco Caelio oratio. Parisiis: apud Thomam Richardum, 1549. 18 f.
8. Cicero M. Tullius. ... Oratio in Vatinius. Cum argumento et scholiis Barth. Latomi. Parisiis: apud Thomam Richardum, 1550. 12 f.
9. Cicero M. Tullius. ... Ad C. Caesarem, pro M. Marcello, oratio. Cum argumento Bart. Latomi. Parisiis: ex officina Prigentij Calvarini, 1550. 8 f.
10. Asconius Pedianus Q. ... Ad filios commentarii eruditissimi, in aliquot insigniores M. T. Ciceronis orationes... in IIII Verrinas. In L. Pisonem. Pro M. Scauro. Pro T. Annio Milone. Pro C. Cornelio, de maiestate. In L. Catilinam et C. Antonium competitores. His adiecti sunt Antonii Luschi Vincentini in XI Ciceronis orationes commentarii... Parisiis: in aedibus Ioannis Parvi, 1536. [12], 307, [1] p.
11. Horapollon. Orus Apollo de AEGypte de la signification des notes hieroglyphiques des aegyptiens, cest a dire des figures par les quelles ilz escrivoient leurs mysteres secretz, et les choses saintes et divines... On les vend a Paris: par Jacques Kerver, 1543. [104] f.: ill.
12. Contarini G. ... De elementis et eorum mixtionibus libri quinque, cum indice copiosiss. nunc primum in lucem aediti. Scipionis Capitij de principiis rerum poema. Lutetiae Parisiorum: per Nicolaum Divitem, 1548. [8], 119, [1] f.
13. Contarini G. De magistratibus et Republica Venetorum libri quinque, authore Gasparo Contareno... Parisiis: ex officina Michaelis Vascosani, 1543. [12], 115, [1] p.
14. Dürer A. Alberti Durer... De urbibus, arcibus castellisque condendis, ac muniendis rationes aliquot, praesenti bellorum necessitati accommodatissimae, nunc recens e lingua germanica in latinam traductae. Parisiis: ex officina Christiani Wecheli, 1535. [40] fol.: ill.
15. Стасевич В.А. Как выявлять книги из библиотеки Арчибальда Питкерна // Вспомогательные исторические дисциплины. 2020. Т. XXXIX. С. 32–54.
16. Cicero M. Tullius. ... Orationes, cum doctorum omnium, qui in eis in hunc usque diem elaboraverunt, commentariis, in unum volumen collatis... Parisiis: apud Ioannem Roigny, 1536. 378, 27, [1] f.
17. Копанев Н.А. Французская книга и русская культура в середине XVIII в. Ленинград: Наука, 1988. 156, [2] с.: илл.
18. Valturio R. En tibi lector Robertum Valturium... De re militari libris XII multo emaculatus, ac picturis, quae plurimae in eo sunt, elegantioribus expressum... Parisiis: apud Christianum Wechelum, 1534. [12], 383, [1] p.: ill.
19. Galfridus Monemutensis. Britanniae utriusque regum et principum origo et gesta insignia ab Galfrido Monemutensi ex antiquissimis Britannici sermonis monumentis in latinum traducta, et ab Ascensio rursus maiore accuratione impressa. [Paris]: vaenundantur in eiusdem aedibus, [1517]. [8], 101, [1] f.
20. Major J. Historia Maioris Britanniae, tam Angliae quam Scotiae, per Ioannem Maiorem, nomine quidem Scotum, professione autem theologum, e veterum monumentis concinnata. [Paris]: vaenundatur Iodoco Badio Ascensio, [1521]. [10], 146 f.
21. Plutarchus. ... Ethica, seu Moralia opuscula, quae quidem in hunc usque diem e graeco in latinum conversa extant, univversa... Parisiis: imprimebat Michael Vascosanus sibi, et Iohanni Roigny, 1544. [36], 352 f.

22. Arboreus J. Primus[-secundus] tomus Theosophiae... complectens sanam et luculentam difficillimorum locorum cum Veteris tum Novi Testamenti expositionem, decem libris absolvitur... Parisiis: apud Simonem Colinaeum, 1540. [6], 321, [1]; 221, [1] f.
23. Aristoteles. ... Opus Magnorum moralium Aristotelis, duos libros complectens: Girardo Ruffo Vaccariensi interprete... Altera eiusdem operis magnorum moralium interpretatio, per Georgium Vallam Placentinum iam pridem elaborata... Parisiis: ex officina Simonis Colinaei, 1522. 2-114 f.
24. Книги из библиотеки польского короля Сигизмунда II Августа: каталог / Библиотека Российской академии наук; сост. Е.А. Савельева. Санкт-Петербург: БАН, 1994. 148, [2] с., [1] л. портр.
25. Aristoteles. ... Ethicorum ad Nicomachum libri decem. Ioanne Argyropylo Byzantio interprete... cum Donati Acciaoli Florentini... commentariis... Parisiis: apud Ioannem Roigny, [Jean Loys], 1542. [6], 208 f.
26. Aristoteles. Εἰς τὴν Ἀριστοτέλους Ῥητορικὴν ὑπόμνημα ἀνώνυμον. Parisiis: per Conradum Neobarium, 1539. 80, [2] f.
27. Appianus Alexandrinus. ... De civilibus Romanorum bellis historiarum libri quinque... libri sex: Illyricus, Celticus, Libycus, Syrius, Parthicus, Mithridaticus, et Romanae historiae prooemium... Parisiis: ex officina Michaelis Vascosani, 1538. [34], 283, [20], 41 p.
28. Basilius Magnus. Operum d. Basilii Magni... T. 1. Parisiis: apud Ioannem Roygni, [Charlotte Guillard], 1547. T. 2. Parisiis: ex officina Carolae Guillard, [1547]. [34], 213, [1]; 221, [1] f.
29. Cato M. Porcius, Varro M. Terentius. Libri de rustica M. Catonis lib. I.M. Terentii Varronis lib. III. Per Petrum Victorium... Parisiis: ex officina Roberti Stephani, 1543. 113, [7] f.
30. Columella L. Junius Moderatus. ... De re rustica libri XII. Eiusdem de arboribus liber... Parisiis: ex officina Roberti Stephani, 1543. 498, [20] p.: ill.
31. Palladius. ... De re rustica libri XIII... Parisiis: ex officina Roberti Stephani, 1543. 186, [6] p.
32. Vettori P. ... Explicationes suarum in Catonem, Varronem, Columellam castigationum. Parisiis: ex officina Roberti Stephani, 1543. 72, [2] f.
33. Merula G. Enarrationes vocum priscarum in libris de re rustica, per Georgium Alexandrinum. Philippi Beroaldi in libros XIII Columellae annotationes... Parisiis: ex officina Roberti Stephani, 1543. [84] f.
34. Dürer A. Albertus Durerus... versus e germanica lingua in latinam, pictoribus, fabris aerariis ac lignariis, lapicidis, statuariis... prope necessarius, adeo exacte quatuor his suarum Institutionum geometricarum libris, lineas, superficies et solida corpora tractavit... Denuo ad scripti exemplaris fidem omnia diligenter recognita... Parisiis: ex officina Christiani Wecheli, 1535. [8], 185, [3] p.: ill.
35. Horatius Flaccus Q. ... Ars poetica, cum trium doctissimorum commentariis, A. Iani Parrhasii, Acronis, Porphyrii... Parisiis: ex officina Roberti Stephani, 1533. 141 p.
36. Alberti L.B. ... Libri De re aedificatoria decem. Opus integrum et absolutum diligenterque recognitum... [Paris: Berthold Rembolt, Ludwig Hornken, 1512]. [14], 174 f.
37. Ковриженко Е.В. Конволют парижских изданий рубежа XV–XVI вв. из собрания графа Д.Н. Мавроса в Библиотеке Академии наук: проблемы описания и атрибуции // Вспомогательные исторические дисциплины. 2024. Т. XLIII. Вып. 4. С. 94–113.
38. Auctoritates Aristotelis Senece Boetii Platonis Apulei Affricani Empedoclis Porphyrii et Guilberti Porritani. [Paris: Jean Petit, s.a.]. 67 f.
39. Banf L. de. Lazari Bayfii annotationes in L.II. De captivis, et postliminio reversis: in quibus tractatur de re navali. Eiusdem annotationes in tractatum De auro et argento leg. quibus Vestimentorum et Vasculorum genera explicantur... Lutetiae: ex officina Roberti Stephani, 1549. 152, [8], 176, [12] p.: ill.
40. Berland M. Sommaire des loix statuts et ordonnances royaulx, faictes par les feux roys de France jusques au regne du roy Henry second de ce nom a present regnant. Extraict et reduict selon l'ordre alphabeticque, par maistre Michel Berland... A Paris: par Charles l'Angelier, 1548. [188] f.

41. Augustinus. Aucuns opuscles et oeuvres de saint Augustin evesque Dyponense. Cest assavoir de lestat de Vefvaige. De la maniere de orer et prier dieu. De la vie et fin sainte Monique mere du dit saint Augustin. Imprimez a Paris: pour... Jehan Petit, [1517]. [52] f.

42. Gregorius I. Le Dyalogue monseigneur saint Gregoire translate de latin en francoys. Nouvellement imprime a Paris: [Jean Saint-Denis, Pierre Leber, c. 1530]. 134 f.: ill.

43. Библиотека Ф.В. Каржавина: опыт реконструкции / Институт всеобщей истории Российской академии наук; составитель Г.А. Космолинская. Москва: Весь мир, 2024. 130 с.

44. Nanni G. Antiquitatum variarum volumina. XVII. A venerando et sacrae theologiae, et praedicatorii ordinis professore Io. Annio hac serie declarata. [Paris]: vaenundantur ab Ioanne Parvo et Iodoco Badio, [1515]. [6], 171 f.

KOVRIZHENKO E. Parisian early printed books in the Russian Academy of Sciences Library: some notes on the provenance

Kovrizhenko Elena — Researcher of the Research Department of Rare Book, Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: alyona.kovrizhenko@yandex.ru

ABSTRACT

The article is dedicated to the provenance issue of the books printed in Paris in the first half of the 16th century now held by the Research Department of Rare Book of the Russian Academy of Sciences Library. The main collections to which these books can be traced are indicated: the significant group of books is related to the original collection of the library, many of them come from Vilnius collections, the number of books from private libraries is also considerable.

Keywords: early printed books, Parisian editions, Russian Academy of Sciences Library, provenance.

С.И. Зенкевич, А.А. Балакина

**Д.В. ТЮЛИЧЕВ И СЕКТОР БАН ПРИ ЛО ИИЕТ
(к 100-летию со дня рождения первого заведующего сектором)**

Зенкевич Светлана Игоревна — кандидат филологических наук, научный сотрудник, научно-исследовательский отдел, Библиотека Российской академии наук

Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: s.zenkevich@gmail.com

Балакина Анна Арефьевна — главный библиотекарь, Библиотека Российской академии наук

Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: balakinaaaa@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Герой статьи — первый заведующий сектором БАН при Ленинградском отделении Института истории естествознания и техники АН СССР, которое было создано в начале 1950-х гг. На базе сохранившихся документов прослеживается жизненный и профессиональный путь Д.В. Тюличева с акцентом на его решающую роль в формировании фонда сектора.

Ключевые слова: Дмитрий Васильевич Тюличев, Библиотека Академии наук (БАН), Институт истории науки и техники (1932–1938), Ленинградское отделение Института истории естествознания и техники, профиль комплектования, ретроспективное комплектование.

26 ноября 2024 г. исполнилось сто лет со дня рождения Дмитрия Васильевича Тюличева, первого заведующего отделением / сектором БАН при ЛО ИИЕТ¹ — академическом институте историко-научной направленности, учрежденном в 1953 г. [1, с. 22]. Д.В. Тюличев пришел в эту сетевую библиотеку в сентябре 1957 г. [2, л. 1 об.], на следующий год после того, как она волилась в структуру БАН и была впервые упомянута в ее годовом отчете [3] (такое подчинение, как известно, означает, что библиотечные сотрудники состоят в штате БАН, а не института, книжный фонд находится на балансе БАН, планирование, отчетность и каталогизация ведутся централизованно [4, с. 4]). Главное, что удалось сделать Д.В. Тюличеву на посту заведующего, — он вывел на достойный уровень вверенную ему специализированную библиотеку, которая в первой половине 1950-х гг. с учреждением ЛО ИИЕТ началась практически с нуля, никак не унаследовав хотя бы часть фонда своей тематической и структурной предшественницы. Между тем ей предшествовала богатейшая библиотека при ленинградских историко-научных институциях 1920–1930-х гг. — Комиссии по истории знаний (КИЗ), возникшей в 1921 г. по инициативе академика В.И. Вернадского и преобразованной в 1932 г. в Институт истории науки и техники (ИИИТ). Библиотека ИИИТ, появившаяся в отчете БАН за первый квартал 1933 г. [5, л. 80], существовала, увы, недолго. В результате принятия декрета Совнаркома от 25 апреля 1934 г. о переводе АН СССР и ее учреждений в столицу [6, с. 141] ее в 1936 г. перевезли вместе с институтом в Москву [5, л. 62 об.],

¹ Ленинградское отделение (с 1993 г. Санкт-Петербургский филиал) Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова АН СССР / РАН.

и там после его закрытия в 1938 г. она, видимо, растворилась в других фондах (во всяком случае на данный момент ее следы пока разыскать не удалось). Полностью возродиться и стать таким, как в 1930-е гг., возобновленному в середине 1950-х гг. сектору не удалось. Многие книги, единственные экземпляры которых в Ленинграде имелись в библиотеке ИИИТ, были утрачены невосполнимо. Но активная работа в этом направлении велась, и прежде всего благодаря Д.В. Тюличеву, который задал импульс вновь возникшей библиотеке. К тому же в окружении видных историков науки, работавших в ЛО ИИЕТ, он и сам стал продуктивным научным сотрудником: за время работы в секторе подготовил порядка 40 научных работ в области истории книги, ломоносововедения, библиотековедения, информационных проблем науки.

Очертим основные факты биографии нашего героя.

Д.В. Тюличев шел к Библиотеке Академии наук извилистыми и совершенно не академическими тропами. Он выходец из деревни Любим Усищевской волости Череповецкого уезда Новгородской губернии (ныне Мяснинский район Вологодской области), родился в 1924 г. в семье крестьян-середняков [2, л. 5]. У него было три младших сестры, а мать умерла в 1933 г. [2, л. 9]. В 1938 г. семья переехала в Череповец в связи с переводом отца в Череповецкую инспекцию исправительно-трудовых работ НКВД [2, л. 10]².

Вслед за отцом Д.В. Тюличев также попал в НКВД. С августа 1942 г. по июль 1949 г. он служил в конвойных войсках НКВД / МВД. В 1943 г. был на Северо-западном фронте в составе 1-й ударной армии, но по роду службы непосредственного участия в боевых действиях не принимал [2, л. 6], так что война для него обернулась только легкой контузией. В 1944 г. Д.В. Тюличев прошел школу сержантского состава 41-й бригады конвойных войск НКВД. Его высшая военная должность — командир отделения. Он конвоировал военнопленных в Германию (лето 1945 г.), Румынию и Венгрию (лето 1946 г.) [2, л. 5 об., 33]. В сентябре 1947 г. вступил в КПСС [2, л. 5]. Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), медалью «30 лет Советской Армии и Флота» (1948) и другими юбилейными медалями [2, л. 1, 33 об.].

После войны, с августа 1949 по май 1951 г., Д.В. Тюличев — «старший инспектор по кадрам и спецработе» Череповецкого строительно-монтажного управления союзного треста «Индустрой» [2, л. 9 об.]. Эта работа, без сомнения, приучила его к дотошности и аккуратности при ведении документооборота, что, кстати, отмечено в производственной характеристике [2, л. 12]. В 1950 г. Д.В. Тюличев поступил на заочное отделение исторического факультета Ленинградского университета [2, л. 5], которое окончил в 1955 г. по специальности «История КПСС» [2, л. 20], а в мае 1951 г. переехал в Ленинград [2, л. 10 об.].

Первым местом работы Д.В. Тюличева в Ленинграде стали фабрично-заводские школы: с июля 1951 г. он — воспитатель в школе № 4, а после

² Двумя годами позже, в сентябре 1940 г., в Череповце будет организован исправительно-трудовой лагерь (Череповецлаг), главной задачей которого было строительство Череповецкого металлургического комбината, а также дорог, водопровода, предприятий и коммунальных объектов. URL: <http://old.memo.ru/history/nkvd/gulag/r3/r3-455.htm> (дата обращения: 25.01.2025).

ее ликвидации в школе № 68 ФЗО [2, л. 9 об.], секретарь парторганизации и, что для нас сейчас особенно интересно, — внештатный библиотекарь этой школы [2, л. 11], откуда в мае 1953 г. уволился по собственному желанию [2, л. 5 об.]. 30 июля того же года он пришел в Библиотеку Академии наук СССР [2, л. 1 об.]. Возможно, выбор БАН в какой-то степени объясняется ее непосредственным соседством с истфаком ЛГУ, где Д.В. Тюличев на тот момент продолжал учиться. А может, именно в школьной библиотеке он почувствовал, в чем его призвание.

Первая должность нашего героя в БАН — библиотекарь сектора хранения Отдела обслуживания и основного фонда (ООиОФ, так в то время назывался Отдел фондов и обслуживания) [2, л. 16]; с сентября 1954 г. — старший редактор Отдела международного книгообмена (МКО) [2, л. 18, 19]. Однако эта работа, как можно предположить, ему не вполне подходила. Дело в том, что он практически не знал языков, только азы немецкого [2, л. 6], а этого для комплектования академической библиотеки иностранными изданиями совершенно недостаточно. Между тем вновь возникшей сетевой библиотеке ЛО ИИЕТ был жизненно необходим штатный сотрудник, поскольку даже при наличии библиотечного совета [2, л. 22] заниматься ею на общественных началах, как это делала сотрудница института Л.В. Жигалова (1928–?) [3], м.н.с. сектора истории АН СССР, имевшая библиотечное образование [1, с. 193], уже не представлялось возможным. И вот 10 сентября 1957 г. Д.В. Тюличев оказался в ЛО ИИЕТ, где последовательно занимал несколько позиций. Сначала он — старший редактор, ответственный за библиотеку (видимо, эта ставка «пришла» с ним из Отдела МКО БАН); с 1 октября 1959 г. зав. Кабинетом, с 7 марта 1963 г. младший научный сотрудник, с 1 апреля 1965 г. зав. Отделением, с 4 декабря 1979 г. старший научный сотрудник без ученой степени [2, л. 1 об., 26, 37, 38].

Появление Д.В. Тюличева в ЛО ИИЕТ сразу положительно сказалось на работе библиотеки, «ранее фактически <...> отсутствовавшей» [2, л. 21]. 27 января 1959 г. заведующий ЛО ИИЕТ д.б.н. П.П. Перфильев (1897–1977) обратился к директору БАН д.ф.-м.н. Г.А. Чеботареву (1913–1975) с просьбой отметить плодотворную деятельность нового сотрудника премией за 1958 г., подробно охарактеризовав сделанное им: «...за последние полтора года работа библиотеки Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники АН СССР резко улучшилась. В 1958 г. усилиями ст. редактора Д.В. Тюличева составлена схема шифрования книг, зашифрован весь отечественный книжный фонд, созданы алфавитный и топографический каталоги на этот фонд, библиотека значительно пополнена новой литературой. В библиотеке систематически функционирует выставка новых поступлений, количество посещений читателей выросло (по сравнению с 1957 г.) в 5 раз, а выдача литературы увеличилась в 3 раза» [2, л. 21].

Библиотечно-библиографическое сопровождение научной деятельности именно в тот момент было для института принципиально важно: во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. в ЛО ИИЕТ полным ходом шла подготовка «Истории Академии наук СССР». Эта работа была начата еще учрежденной в 1938 г. Комиссией по истории Академии наук [7, с. 32], в 1953 г. влившейся вместе с несколькими другими академи-

ческими институциями в создаваемое ЛО ИИЕТ [1, с. 47–51]. Плановая работа сотрудников института над завершением многолетнего фундаментального труда вполне могла стать одной из причин привлечения в библиотеку ЛО ИИЕТ штатного библиотекаря. Д.В. Тюличев активно включился в подготовку «Истории...». Заместитель главного редактора этого труда, заведующий сектором истории Академии наук ЛО ИИЕТ д.и.н. А.В. Предтеченский (1893–1966), в письме от 27 июня 1959 г. к главному редактору акад. К.В. Островитянову (1892–1969) отметил Д.В. Тюличева как незаменимого помощника: «В работе по подготовке к изданию “Истории АН СССР”, — писал он, — редакции весьма существенную помощь оказывает библиотека Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники АН СССР, в которой благодаря усилиям ее руководителя ст. редактора Д.В. Тюличева за последние два года собрана богатая литература по истории науки. Между тем, до 1957 г. библиотека в ЛОИИЕТ фактически отсутствовала, и только с приходом тов. Тюличева она стала работать в полную меру» [2, л. 22]. Дирекция и библиотечный совет ЛО ИИЕТ несколько раз ходатайствовали о повышении Д.В. Тюличева в должности [2, л. 22], в результате переписки редакторов «Истории...» тот наконец был назначен заведующим.

Добиться таких успехов за год с небольшим работы в ЛО ИИЕТ Д.В. Тюличеву было непросто. Изначально он был в штате библиотеки один и в одиночку справлялся со всем комплексом работ. Очередная записка Г.А. Чеботареву П.П. Перфильева от 2 апреля 1959 г. содержит обоснование выделения библиотеке еще одной «штатной единицы библиотекаря или библиографа» [2, л. 23]. Возглавив сетевую библиотеку, Д.В. Тюличев прежде всего столкнулся с очень слабой способностью имевшегося фонда удовлетворять текущим историко-научным запросам сотрудников института и других организаций, то есть обеспечивать информационную поддержку специализированной научной деятельности. В фонде была масса лакун, в том числе в области истории Академии наук. Поэтому он тщательно откорректировал профиль актуального комплектования библиотеки, обосновав несколько его направлений. Это общественно-политическая, историческая и философская литература; история науки и техники (в том числе история Академии наук и научных учреждений); персоналии ученых и техников; науковедение (теория, методология, социология науки), а также справочная литература [8, л. 26]. Кстати, в секторе и по сей день одна из самых широких по сети тематик комплектования.

Продолжал активно действовать в ЛО ИИЕТ и библиотечный совет. Это было тем более важно, что Д.В. Тюличев, как уже говорилось, практически не владел иностранными языками. В совет входили сотрудники, читавшие на иностранных языках и ориентировавшиеся в мировой научной литературе. К квалифицированному мнению коллег заведующий библиотекой всегда прислушивался, а на роль председателя никогда не претендовал, оставаясь рядовым членом совета или в лучшем случае его секретарем [8, л. 27].

Второй масштабной проблемой, которую пришлось решать Д.В. Тюличеву на посту заведующего, стала необходимость хоть в какой-то мере восполнить утрату тех изданий, которые имелись в библиотеке ИИИТ,

но были перевезены в Москву. Так, например, в середине 1950-х гг. в фонде возрожденной библиотеки совсем не было трудов ИИНТ, изданных за четыре высокопродуктивных ленинградских года этого института. Поэтому Д.В. Тюличев вслед за своей предшественницей Л.В. Жигаловой активно взялся за ретроспективное комплектование и практически поселился в Обменно-резервном фонде БАН (см. об этом: [9, л. 19]), который, кстати, после ликвидации в 1936 г. Коммунистической академии [6, с. 216, 219, 220] пополнился дублетами из библиотеки ее Ленинградского отделения, переданной в БАН [10, с. 395–396]. Среди таких принципиально важных поступлений нужно назвать в первую очередь все девять томов ценнейшего «Архива истории науки и техники» (1933–1936) — продолжающегося издания ИИНТ.

При активном участии Д.В. Тюличева в 1962 г. была куплена ценная личная библиотека умершего в 1960 г. историка техники и библиофила, участника нескольких научных мероприятий ИИНТ в 1930-е гг. Виктора Васильевича Данилевского [11] в количестве 3 000 ед. хр. Д.В. Тюличев принял эту библиотеку, а затем сразу списал порядка 500 ед., то есть шестую часть, дублетных изданий, передав их в тот же обменный фонд БАН, ведь ретроспективное комплектование требовалось не только нашей библиотеке, и ему это было известно не понаслышке. Личное собрание В.В. Данилевского во многом стало для библиотеки фондообразующим. В тот момент Д.В. Тюличев заложил в секторе великолепную традицию не смешивать личные библиотеки, поступающие в его фонд, с основным фондом и хранить их в законсервированном виде и по возможности в отдельных шкафах.

Между тем в его библиотечной работе было достаточно сложностей. Они касались и штата библиотеки, и площадки, и расписания. Например, в июле 1969 г. БАНовская комиссия, в которую в том числе входила заведующая другой сетевой библиотекой — Института археологии (ныне ИИМК) Р.Ш. Левина (1926–2005), выявила в ходе проверки следующее: библиотека отлично работает и, как тогда говорили, выполняет все социалистические обязательства, но с 1968 г. находится в невыносимых условиях: в помещение библиотеки по какой-то причине переместили машинописное бюро, отгородив его лишь фанерной перегородкой, не достающей до потолка, из-за чего пользоваться читальным залом невозможно, а библиотекари вынуждены работать в непрекращающемся шуме [8, л. 7].

Однако основные сложности, как и в случае с библиотекой ИИНТ в 1936–1938 гг., были связаны с прямой зависимостью сектора от статуса самого ЛО ИИЕТ. 14 ноября 1974 г. Президиум АН СССР принял постановление об организации на базе нескольких действующих академических учреждений, в том числе ЛО ИИЕТ, нового учреждения — Института социально-экономических проблем АН СССР (ИСЭП) [1, с. 79], в результате чего ЛО ИИЕТ подпадал под ликвидацию с передачей штатов и бюджетов в ИСЭП [1, с. 80–81]. Запланированная реорганизация в итоге не состоялась, но ЛО ИИЕТ в середине 1970-х гг. представлял собой просто ленинградские сектора московского ИИЕТ без права иметь административный аппарат, то есть заведующего, завхоза, бухгалтера, отдел кадров и т.п. [1, с. 98]. Лишь в январе 1978 г. постанов-

лением Президиума АН СССР был создан ленинградский отдел ИИЕТ [1, с. 100]. Институт путем больших усилий удалось отстоять. Однако из-за временного расформирования института пострадала и библиотека, у которой изъяли одну штатную единицу из трех, что, судя по докладной записке Д.В. Тюличева от 25 июня 1976 г., было очень чувствительно, ведь фактически объем производственной работы ничуть не сократился [8, л. 37].

В ЛО ИИЕТ Д.В. Тюличев вел и большую общественную работу. Одновременно он был заместителем секретаря парторганизации (секретарь в 1967 г. — к.и.н. Ю.Х. Копелевич (1921–2009) [2, л. 28]), руководителем агитколлектива, ответственным редактором стенгазеты, членом бюро методологического семинара [2, л. 35 об.].

Именно в ЛО ИИЕТ началась и активно развернулась научная работа Д.В. Тюличева, выпускника истфака ЛГУ. Его перу принадлежат труды о сущности историко-научной библиотеки, об издании и прижизненном распространении трудов М.В. Ломоносова, об истории комплектования БАН. Он принимал активное участие в ИИЕТовских мероприятиях и изданиях, например, в двух всесоюзных конференциях по проблемам науковедения «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов», организованных социологом С.А. Кугелем (1924–2015), кстати, его полным ровесником (на второй из конференций, в 1969 г., он сделал доклад «Специальная научная библиотека как форма организации информационного обслуживания», материалы которого опубликованы [12]). Вообще это тот случай, когда библиотечарь понимал ценность своего специализированного фонда не только как библиотечарь, но и как ученый. Хотя что здесь причина, а что следствие — сказать вряд ли возможно.

В январе 1982 г. Д.В. Тюличев по какой-то причине, которую еще предстоит выяснить, покинул сектор и перешел в Научно-исследовательский отдел истории книги БАН на должность старшего научного сотрудника [2, л. 2 об.]. Возможно, этот переход «с понижением» был ему профессионально интересен. Заведующей стала Е.П. Ефимова, пришедшая в сектор двумя годами ранее, в 1980 г. [13, л. 404], после ухода на пенсию В.Ф. Олано-Эренья (1922–2013). Кстати, в тот момент штат сектора был максимальным — четыре человека, в том числе сотрудница института Э. Ринкон-Поса [13, л. 271, 405; 1, с. 211].

Однако жить Д.В. Тюличеву после перехода в БАН оставалось всего пять лет: 17 июля 1987 г. его не стало. А в 1988 г. увидела свет его монография «Книгоиздательская деятельность Петербургской Академии наук и М.В. Ломоносов», посмертно изданная заведующим сектором истории Академии наук и научных учреждений ЛО / СПбФ ИИЕТ А.В. Кольцовым (1927–2000); в нее же в качестве приложения был включен полный список трудов Д.В. Тюличева. Эта книга — результат многолетней научной и библиотечной деятельности ее автора. В ней проделан классификационно-статистический анализ книжного дела в Академии наук в 1740–1850-е гг. По воспоминаниям сотрудницы того же сектора до 2010 г. д. и. н. М.Ф. Хартанович, Д.В. Тюличев до последних дней работал (это была уже следующая его книга «Книжное дело в Петербургской Академии наук в 50–70-е гг. XVIII в.» [2, л. 41]) и, уже будучи тяже-

лобольшим, сознательно отказывался от обезболивающего, чтобы иметь возможность не засыпать.

Таким образом, специализированный историко-научный фонд сектора БАН при ЛО / СПбФ ИИЕТ сложился многолетними усилиями и усердным трудом Д.В. Тюличева — глубоко неравнодушного к своему делу и целеустремленного человека.

Список источников

1. Колчинский Э.И. Историко-научное сообщество в Ленинграде — Санкт-Петербурге в 1950–2010 годы: люди, традиции, свершения (К 60-летию Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН) / ред. С.И. Зенкевич, В.Г. Смирнов. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. 448 с.
2. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 158. Оп. 1л. Д. 956: Личное дело Д.В. Тюличева.
3. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3. Д. 509: Отчет библиотек Ленсети БАН СССР за 1956 г. Л. 53–56 (отчет по ЛО ИИЕТ составлен Л.В. Жигаловой).
4. Данченко Т.Н., Карамышева Л.М., Позднякова Г.И., Соколов А.В. Специфика академических библиотек // Научные и технические библиотеки. 1996. № 4. С. 4–13.
5. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1932). Д. 81.
6. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1922–1952 / сост. В.Д. Есаков; отв. ред. Ю.С. Осипов. Москва: РОССПЭН, 2000. 591 с.
7. Чумакова Т.В. Комиссия по истории Академии наук (1938–1953): ее истоки и научная деятельность // Вопросы истории естествознания и техники. 2013. № 3. С. 27–43.
8. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3. Д. 2541.
9. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3. Д. 793. Л. 19–21: Протокол расширенного заседания дирекции БАН от 9 июня 1964 г.
10. История Библиотеки Академии наук СССР, 1714–1964 / отв. ред. М.С. Филиппов. Москва: Наука, 1964. 600 с.
11. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3. Д. 792. Л. 20: Отчет Д.В. Тюличева за 1964 г.
12. Тюличев Д.В. Специальная научная библиотека как форма организации информационного обслуживания // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Вып. II. Материалы для обсуждения на симпозиуме по проблемам науковедения 21–22 июля 1969 г. Ленинград: ЛО ИИЕТ АН СССР, 1969. С. 51–55.
13. СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3. Д. 1631.

ZENKEVICH S., BALAKINA A. D.V. Tiulichev and the Academy of Sciences Library Department in Leningrad branch of the Institute for the History of Science and Technology (to the 100th anniversary of the birth of the first head of the department)

Zenkevich Svetlana — Candidate of Philological Sciences, Research Department, Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: s.zenkevich@gmail.com

Balakina Anna — Chief librarian Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: balakinaaa@gmail.com

ABSTRACT

The main hero of the paper is the first head of the Academy of Sciences Library Department in Leningrad Branch of the Institute for the History of Science and Technology, established in 1953. According to the remaining archives the authors trace D.V. Tiulichev's life and career path and underline his crucial role in the formation of the department fund.

Keywords: Dmitrii Vasilevich Tiulichev, Academy of Sciences Library, Institute for the History of Science and Technology (1932–1938), Leningrad Branch of the Institute for the

УДК 930.255
ББК 63.2

И.А. Вознесенская

ЭКЗЕМПЛЯР КАТАЛОГА БИБЛИОТЕКАРЯ П.И. СОКОЛОВА ИЗ ПОДСОБНОЙ БИБЛИОТЕКИ НИОР БАН

Вознесенская Ирина Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, НИОР БАН
Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: voznesen@list.ru

АННОТАЦИЯ

«Каталог обстоятельный российским рукописным книгам... в Академической библиотеке находящимся», изданный в 1818 г. библиотекарем П.И. Соколовым, долгое время использовался в БАН как учетный документ, в котором фиксировались новые поступления и временные передачи в другие учреждения. Кроме того, каталог использовался при проверке фондов, а также служил основой для конкордации шифров.

Ключевые слова: Петр Иванович Соколов, каталог, рукописи, БАН.

Петр Иванович Соколов — член и непременный секретарь Императорской Российской академии, член Главного правления училищ и писатель. Родился в 1764 г., учился в Московской славяно-греко-латинской академии. В 1783 г. по распоряжению Академии наук был переведен из Московской академии в Академическую гимназию под руководство академика И.И. Лепехина. 9 августа 1784 года он получил степень магистра, а 9 ноября 1786 г. стал учителем русского языка в Академической гимназии, и оставался в этой должности 18 лет. 9 апреля 1793 г. был избран в члены Императорской Российской академии; в 1797 г. был определен к музею и библиотеке Академии наук унтер-библиотекарем и издателем «Санкт-Петербургских Ведомостей», которые издавал до 1 января 1829 г. В 1802 г. избран Непременным секретарем Императорской Российской академии после И.И. Лепехина.

22 апреля 1819 г. определен библиотекарем I (русского) отделения Библиотеки Академии наук и, наконец, 5 июля 1824 г. назначен членом Главного правления училищ. 1 апреля 1824 г. произведен в действительные статские советники. Оставаясь все это время Непременным секретарем Российской академии, Соколов умер в Петербурге 9 января 1835 года и погребен на Смоленском кладбище, через год над его могилой на средства Российской академии был поставлен мраморный памятник.

Александр Федорович Воейков (1779–1839) в своем стихотворном памфлете «Дом сумасшедших», где он изобразил всех известных литераторов и крупных чиновников своего времени (это произведение, запрещенное цензурой, но распространявшееся в рукописи, было опубликовано впервые в 1857 г. и принесло Воейкову славу язвительного и беспощадного сатирика), написал о Петре Ивановиче Соколове: «Вот он, с харей фарисейской Петр Иваныч осударь, Академии Россейской Непременный Секретарь. Ничего не сочиняет, Ничего не издает, Три оклада получает

И столовая берет. На дворе Академии гряд капуста накопал, Не приют певцам России, А лабаз для дегтю склал. В академиях бывают Дураки, бывали встарь: В нашей двое заседают: Президент и секретарь»¹.

В злой эпиграмме Воейкова много несправедливого: Соколов, несомненно, был человек полезный и очень трудолюбивый, хотя и не очень одаренный. Помимо исполнения своих прямых служебных обязанностей, он был казначеем Российской академии; в 1802–1804 гг. был членом и секретарем Комитета для построения главного дома Российской академии, в 1826 г. был назначен членом Комитета для рассмотрения учебных пособий, с 1818 г. до 1831 г. заведовал Академической типографией, которую привел в блестящее состояние; был редактором «Журнала Департамента Народного Просвещения» и заведовал изданием адрес-календарей при Академии.

Вместе с Д.М. Соколовым и И.И. Красовским он составил по поручению Академии «Российскую грамматику», первое издание которой вышло в Санкт-Петербурге в 1802 г. (изд. 2-е, 1809, изд. 3-е, 1819 г.) и за которую он получил от Александра I бриллиантовый перстень. Кроме того, по поручению Академии Соколов занимался сочинением риторики, переводил древних и новых писателей, принимал деятельное участие в издании «Известий Российской академии», издал составленный им «Общий церковно-славяно-русский словарь...» (2 ч., Санкт-Петербург, 1834).

Историк Российской академии М.Н. Сухомлинов так характеризует Соколова: «Вся официальная переписка, все делопроизводство, все обязанности по управлению Академическим имуществом и т.п. лежали на П.И. Соколове, как на Непременном секретаре Академии и члене всевозможных комитетов. И он оказался как нельзя более на своем месте. Устройством типографии и своим личным трудом, добровольно приняв на себя обязанности корректора и письмоводителя, он много содействовал приращению материальных средств Академии»².

Соколову принадлежат следующие печатные труды: «Философ, смеющийся во сне человеческим деяниям» (Санкт-Петербург, 1787), перевод с французского (вместе с Дмитрием Михайловичем Соколовым); «Жизнь Михаила дел-Опиталя, канцлера французского» (Санкт-Петербург, 1787), перевод с французского (также вместе с Д.М. Соколовым); «Одиссея, героическое творение Омира. Переведена с эллиногреческого языка» (Москва, 1788, Санкт-Петербург, 1815); «Опыт о переправах через реки, сочиненный графом Лорини» (Санкт-Петербург, 1800), перевод с французской рукописи по повелению Александра I; «Пчела, или собрание разных статей в стихах и прозе, извлеченных из российских писателей прошедшего и нынешнего века, в пользу и употребление юношества, российскому языку и словесности обучающегося» (Санкт-Петербург, 1805); «Публия Овидия Назона Превращения, Переведенная с латинскаго Императорской Российской академии членом Петром Соколовым и оною Академиею изданныя» (Санкт-Петербург, 1808); «Правила о употреблении в письме буквы Ѣ, с присовокуплением полной азбучным порядком расположенной росписи всем словам, с сею буквою пишемым

¹ Дом сумасшедших: Сатира [в стихах] / [Соч.] А.Ф. Воейкова. Берлин, 1858. С. 27–28.

² Сухомлинов М.И. История Российской академии. Вып. 7. Санкт-Петербург, 1885. С. 393–394.

в слогах, никаким переменам неподверженных, также всем глаголам, кончающимся в неоконченном наклонении на ть с предыдущею буквою ѣ» (Санкт-Петербург, 1815).

Но главным его трудом на посту библиотекаря первого отделения стало составление и издание каталогов:

1) «Каталог обстоятельный российским рукописным книгам Священного писания, поучительным, служебным и до церковной истории касающимся, в Библиотеке Императорской Академии Наук хранящимся...», Санкт-Петербург, 1818;

2) «Каталог обстоятельный российским рукописным книгам, к российской истории и географии принадлежащим и в Академической библиотеке находящимся...», Санкт-Петербург, 1818;

3) «Каталог обстоятельный богословским книгам церковной и гражданской печати, находящимся в 1-м отделении Библиотеки Императорской Академии Наук...», Санкт-Петербург, 1832.

В подсобной библиотеке Отдела рукописей БАН хранится экземпляр «Каталога обстоятельного российским рукописным книгам, к Российской истории и географии принадлежащим и в Академической библиотеке находящимся, по приказанию господина президента Императорской академии наук Сергея Семеновича Уварова, вновь сделанный статским советником Соколовым. 1818 года», переплетенный вместе с «Каталогом обстоятельного российским рукописным книгам Священного писания, поучительным, служебным и до Церковной истории касающимся, в Библиотеке Императорской академии наук хранящимся, по приказанию господина президента оной академии Сергея Семеновича Уварова, вновь сделанный статским советником Соколовым. 1818 года». Обе книги не обрезаны и переплетены вместе с чистыми листами, на которых множество более поздних дополнений, выполненных разными почерками.

Рукописные книги в каталогах помещены по формату. В первом каталоге 152 рукописи ин-фолио и дополнение (прибавление) в виде еще 3-х книг ин-фолио, 69 — ин-кварто и 4 ин-октаво. Заключает издание алфавитный указатель ко всем рукописям. Второй каталог содержит 89 рукописей ин-фолио, 124 ин-кварто и 19 ин-октаво, в конце также алфавитный указатель. Всего 460 рукописей, 228 в первом каталоге и 232 — во втором.

Дополнение из трех рукописных книг появилось уже в процессе печати каталога. Соколов написал об этом в комментариях. Первая рукопись — это список Лаврентьевской летописи, который в 1806 г. Алексей Николаевич Оленин преподнес графу С.С. Уварову в день его именин. Вторая рукопись — сочинение главного управляющего МАКИД Алексея Федоровича Малиновского (1801 г.), выписки из летописей и архивных дел о дипломатических связях Российской империи с Шлезвиг-Голштинским герцогством и родстве царской семьи с Ольденбургским домом. Третья — инструкция генерал-лейтенанту от артиллерии Якову Брюсу за собственноручной подписью Петра I. Две первых рукописи хранятся в НИОР, а последний документ, скорее всего, был передан в архив СПбИИ РАН. Все три рукописи в библиотеку передал граф Уваров.

Как уже было отмечено выше, в книгу вплетены чистые листы, на которых находятся более поздние записи, которые продолжают каталог,

сохраняя последовательность номеров. То есть все записи сделаны уже после 1818 г. и демонстрируют пополнение фондов новыми рукописями. Например, печатный каталог исторических рукописей в лист заканчивается номером 152, под номером 153, написанном от руки, следует запись: «Летописец (краткий) подписанный по листам Михайлом Едемским [подарен Академии наук полковницею Берх, в 1735 году]». Следует отметить, что еще в XIX в. эти номера были введены в научный оборот. Николай Герасимович Устрялов в «Истории царствования Петра Великого» (Т. 3. С. 350, сноска 35) пересказывает неизвестный по ПСЗ и другим источникам указ Петра I о ношении венгерского и немецкого платьев от 20 августа 1700 г., который был ему известен по некоей «Рукописи Академии Наук № 157». В нашем экземпляре каталога написано: «№ 157 — «Акты Археографической Экспедиции, исключенные из собрания Историко-юридических актов... I». Рядом с номером стоит крестик карандашом и сверху очень мелко написано: «у Устрялова». Следующая рукопись под № 158, это т.н. Волынская летопись, автограф Василия Григорьевича Анастасевича, сегодня хранится под шифром 17.11.9.

На полях самого каталога также много помет карандашом и чернилами, в основном это шкафные шифры, но часть помет представляют собой номера Камерного каталога. Кроме того, в ряде случаев отмечена передача рукописей в другие хранилища. Напротив двух рукописей под №№ 77 и 78 («Описания триумфальных ворот» Николая Бидлоо и «Триумфа Петра Великого над Шведами» Софрония Лихуда) написано: «Переданы в Кабинет Петра Великого в 1837 г.». Некоторые записи на полях говорят о регулярных проверках фондов. «Описание натуральных и минеральных камер в Сибирских горных и заводских дистриктах» де Геннина под № 110 не было обнаружено, и на полях появилась запись: «Не оказалось после библиотекаря Соколова», затем она была зачеркнута и поверх старой записи написано графитовым карандашом лаконично: «есть». И еще напротив нескольких рукописей тем же почерком и теми же чернилами, что и в случае с рукописью де Геннина, написано: «не оказалось». Все эти записи позже были зачеркнуты, но уже красным карандашом. То есть их обнаружили в другое время нежели рукопись де Геннина.

Отдельным списком в книге представлен реестр рукописей и бумаг, пожертвованный госпожой Берх в пользу Императорской академии наук, всего 25 номеров. Среди этих пожертвований различные грамоты и другие документы в виде столбцов, которые, вероятно, сегодня также хранятся в архиве СПБИА РАН. В верхнем углу листа, на котором начинается реестр написано: «см.: Ж.М.Н.Просв. 1835 г. Октябрь.»³. В конце этого списка с датой 15 ноября 1855 г. записан подарок в виде копии «Генерального регламента» от Павла Михайловича Строева.

Некоторые рукописи временно передавались в Археографическую комиссию, например, юридический сборник, содержащий Эклогу и Судебник 1550 г., судя по записям, был послан в Археографическую комиссию

³ ЖМНП. 1835. Октябрь. С. 68–69. — Кн. Ширинский-Шихматов письмом к Непременному секретарю от 12 июля 1835 г. уведомляет, что вдова покойного историографа российского флота, полковника Берха проводила к г. министру 25 древних русских рукописей, приносимых ею в дар АН. Библиотекарь Я.И. Бердников отметил несколько ценных рукописей (Едомский летописец, Краткий летописец до 1491 г., Летописец о делах смутного времени, соч. кн. Шаховского).

13 мая 1839 г., а получен обратно 8 ноября того же года. К сожалению, эта рукопись позже была утрачена, о чем сделана запись карандашом, и выявить ее пока не удалось. Еще одна рукопись, записанная под № 73 (рукопись в 4^о), названа «Летописец о Сербских царях, и о войне царя Турецкого с цесарем Христианскими о запустении земли Сербской. Подносной экземпляр царевне Софии Алексеевне». Сегодня она неизвестна⁴. Интересно, что предшествующая рукопись под номером 72 «История о Черной горе. Подлинный подносной экземпляр графу Михайлу Илларионовичу Воронцову Черногорского митрополита Василия Петровича, 1754 года на 25 листах» сегодня хранится под шифром 17.8.16. Возможно, обе рукописи имели один источник поступления. Интересно, что примерно в то же время была сделана запись о поступлении еще одной рукописи, которая сейчас хранится в составе библиотеки Петра I (П1А14): «80. Каталог Римских императоров и пап, восточных императоров и патриархов Константинопольских, Иерусалимских, Антиохийских и Александрийских, великих князей и царей Российских, также патриархов и митрополитов Московских до 1619 г.».

Таким образом, на примере нашего экземпляра каталога Соколова мы можем видеть, как изданный в 1818 г. каталог рукописей БАН долгое время использовался как учетный документ, в котором фиксировались новые поступления и временные передачи в другие учреждения. Кроме того, каталог использовался при проверке фондов, а также служил основой для конкордации шифров.

Список источников

1. Дом сумасшедших: Сатира [в стихах] / [Соч.] А.Ф. Воейкова. Берлин, 1858. С. 27–28.
2. Журнал Министерства Народного Просвещения. 1835. Октябрь. С. 68–69: Кн. Ширинский-Шихматов, письмо к Непременному секретарю от 12 июля 1835 г.
3. Даскал, Атанасий. Книга о сербских каревимах // Антология сербской поэзии (старой поэзии) / сост. Петар Милосавлевич. Белград, 1992.
4. Сухомлинов М.И. История Российской академии. Вып. 7. Санкт-Петербург, 1885.

VOZNESENSKAYA I. A copy of the catalogue by librarian P.I. Sokolov from the auxiliary library of the Manuscripts Department of Russian Academy of Sciences Library

Voznesenskaya Irina — Candidate of historical sciences, Senior Researcher, Manuscripts Department of RASL, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: voznese@list.ru

ABSTRACT

«A detailed catalogue of Russian handwritten books ... located in the Academic Library», published in 1818 by librarian P.I. Sokolov, was used for a long time in the Academic Library as an accounting document, which recorded new acquisitions and temporary transfers to other institutions. In addition, the catalogue was used to check funds, and also was served as a basis for concordance of siphers.

Keywords: Petr Ivanovich Sokolov, catalogue, manuscripts, RASL.

⁴ В литературе можно прочесть, что это сочинение сербского монаха Афанасия Даскала 1689 г. Изд.: Атанасий Даскал «Книга о сербских каревимах» («Книга о сербских императорах») // «Антология сербской поэзии (старой поэзии)» / сост. Петар Милосавлевич. Белград, SKZ и BIGZ, 1992.

А.А. Киселёв

ОБ АВИАЦИОННОЙ ТОПОНИМИКЕ МОСКОВСКОГО И ПРИМОРСКОГО РАЙОНОВ ПЕТЕРБУРГА

Киселёв Антон Александрович — старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации
Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: kiseliov2a@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу авиационной топонимики Петербурга. Топонимическими объектами являются улицы, площади, проспекты, а также парки и скверы. Многие из них сосредоточены в Московском и Приморском районах города. В Московском районе естественным центром авиационной топонимики является Авиагородок. В Приморском районе авиационная топонимика связана с историей Комендантского аэродрома. Многие улицы Петербурга носят имена летчиков, героев ВОВ.

Ключевые слова: топонимика, авиация, Авиагородок, Комендантский аэродром, герои ВОВ.

1. Введение

Топонимика является наукой, представляющей интерес для широкого круга жителей любого города. Наиболее актуальным к настоящему времени (февраль 2025 года) тематическим изданием является «Большая Топонимическая Энциклопедия САНКТ-ПЕТЕРБУРГА» [1], изданная в 2013 году. Современные названия улиц Петербурга, конечно же, занимают большую часть этого справочника [1, 47–494]. Почти в любой городской топонимике можно выделить тематические серии, образуемые названиями в честь ученых, поэтов и писателей, композиторов, городов, стран и т.д. Отдельного внимания также заслуживает авиационная топонимика. Отмечу, что пр. Гагарина, ул. Звездная и похожие топонимы относятся к другой, «космической», серии. Топонимы же авиационной серии можно условно разбить на четыре категории:

а) названия, связанные с авиацией в целом (например, Стартовая ул., Взлетная ул.);

б) названия, связанные с петербургским аэропортом и аэропортами других городов (например, Пулковское шоссе, Внуковская ул.);

в) названия, связанные с конкретными пилотами, чаще всего героями Великой Отечественной Войны (например, ул. Летчика Пилютова, ул. Савушкина);

г) названия, связанные с авиаконструкторами (например, ул. Уточкина, пл. Сикорского).

2. Авиагородок

Когда речь заходит об авиации применительно к Петербургу, то прежде всего на ум большинства жителей приходит аэропорт «Пулково». К Пулковскому шоссе примыкает железнодорожная платформа «Аэро-

порт», возле которой находятся Диспетчерская ул. и Рейсовая ул. Справа от Пулковского шоссе находится Стартовая ул., ведущая к ныне почти не используемому терминалу «Пулково-2». Все три упомянутые выше улицы относятся к топонимам первой категории.

Недалеко от Стартовой улицы расположены улицы, названные в честь московских аэропортов (топонимы второй категории): Шереметьевская ул., Внуковская ул., Домодедовская ул. и Быковская ул. (аэропорт «Быково» с 2010 года не функционирует). Шереметьевская улица проходит от Внуковской ул. до Штурманской ул. перпендикулярно Стартовой ул. и частично параллельно Пулковскому шоссе. Внуковская улица проходит от Пулковского шоссе до Стартовой ул., эти улицы пересекаются возле аэропорта «Пулково-2». Быковская улица идет параллельно Внуковской ул., между Стартовой ул. и Шереметьевской ул. Домодедовская улица состоит из двух частей: от ул. Мацкевича до ул. Пилотов и от Толмачевской ул. до Штурманской ул.

Толмачевская улица, получившая название по авиабазе «Толмачево» в Ленобласти и аэропорту Новосибирска, расположена между Домодедовской ул. и Внуковской ул.

От Стартовой улицы вправо отходит улица Пилотов, ведущая вглубь Авиагородка, строительство которого началось еще в 1931 г., мимо СПбГУГА (Санкт-Петербургский Государственный Университет Гражданской Авиации), через садоводство «Ленинградский аэропорт», до Кирпичной Дороги. Вначале она пересекается с вышеупомянутой Домодедовской улицей, а затем — с улицей Владимира Мацкевича. Эта улица идет от ул. Пилотов до аэропорта Стартовой ул. (аэропорта «Пулково-2»). Владимир Иванович Мацкевич (1894–1938) — создатель аэропорта «Шоссейная» и основатель Авиагородка.

Сам Авиагородок представлен топонимическими объектами первой категории, а именно: улицами Штурманской, Взлетной и Вертолетной. Штурманская улица проходит от Взлетной улицы до КАД'а. Раньше она доходила до Пулковского шоссе и некогда называлась «Дорога в Авиагородок». Взлетная улица проходит параллельно ул. Пилотов за Вертолетную ул. Вертолетная ул. начинается недалеко от автобусной конечной, доходит до Взлетной ул., на этой улице расположены проходная и общежития СПбГУГА.

В Авиагородке также находится сквер, названный в честь бортмеханика Викентия Грязнова (1928–1973), ценой своей жизни спасшего пассажиров от действия террориста на борту самолета. В сквере стоит и памятник герою.

3. Московский район (кроме Авиагородка)

Недалеко от этой станции метро «Московская», между Московским проспектом и проспектом Гагарина, находятся Авиационная улица (этот топоним первой категории мог бы возглавить исследуемую серию!) и улица Гастелло. Она названа в честь советского военного летчика (1917–1941), совершившего свой знаменитый подвиг «огненный таран», направив горящую машину на механизированную колонну врага [2]. Севернее улицы Гастелло, параллельно проспекту Гагарина, между ул. Кузнецовской и ул. Решетникова, расположена улица Севастьянова (1917–1942),

также военного летчика [2]. Между ул. Звездной и ул. Орджоникидзе находится Пулковская улица (отмечу, что она не пересекается с Пулковским шоссе). Кроме того, к авиационной топонимике Московского района можно отнести два парка. Это Пулковский парк (между Пулковским шоссе, Московским шоссе и Дунайским пр.), а также парк Авиаторов (между Кубинской ул., Кузнецовской ул., Новоизмайловским пр. и Басейной ул.).

4. Приморский район. Комендантский аэродром

Приморский район характеризуется множеством объектов авиационной топонимике. И это совсем не удивительно, если учесть, что именно там в свое время располагался Комендантский аэродром, сооруженный в 1910 году в Коломьягах, тогда пригороде Петербурга. Этот аэродром находился примерно в области, ограниченной проспектом Испытателей, Байконурской улицей, улицей Генерала Хрулева и Коломьяжским проспектом. Как отмечается в книге Глезерова, «Название этого района новостроек своими корнями уходит вглубь петровских времен, когда право пользоваться этим участком земли по повелению Петра I получили коменданты Петропавловской крепости, и его стали называть Комендантской дачей, а позднее — Комендантским полем» [3, с. 219]. В окрестностях Комендантской дачи 27 января 1837 г. состоялась трагическая дуэль Пушкина и Дантеса. Памятный знак на месте дуэли находится в сквере между Коломьяжским пр. и линией Сестрорецкой железной дороги. Музей истории Комендантского аэродрома находится в гимназии № 66.

В 1908 г. в Петербурге появился первый российский аэроклуб. Вначале для него использовалась территория Удельного ипподрома (в 1910 г. на нем прошла Авиационная неделя — аналог современного Авиационного салона), но затем было выбрано лежащее неподалеку от ипподрома более удобное Комендантское поле. Вскоре поле было переоборудовано в аэродром: его оградили, построили трибуны для зрителей и ангары для самолетов, сделали подъездные пути (аналог современных ВПП). Открытие аэродрома приурочили к первому Всероссийскому празднику воздухоплавания в 1910 г. Однако этот праздник, прошедший 24 сентября, был омрачен смертью авиатора (термины «пилот» и «летчик» появились позже) Льва Мациевича (1877–1910) [3, с. 222].

На месте его гибели, расположенном на Аэродромной ул., между домами № 11 и № 13, создан сквер его имени. В 2019 г. в этом сквере установлены бюсты Льва Мациевича, Лидии Зверевой, Глеба Котельникова, Михаила Ефимова, Владимира Лебедева, Ивана Орлова и Игоря Сикорского. Памятная гранитная стела, расположенная в центре сквера, чтит всех летчиков, погибших во время Первой мировой войны, Гражданской войны, Второй мировой войны и в мирное время. Именем Льва Мациевича также названа площадь на пересечении Серебристого бульвара и Аллеи Котельникова.

В годы Первой Мировой войны (1914–1918) Комендантский аэродром использовался как военный, а в годы блокады (1941–1944) как база истребительной авиации [3, с. 224]. Судьбе Приморского района в годы ВОВ посвящена статья [4]. В начале 70-х годов прошлого века на этом месте началась жилая застройка. В память о Комендантском аэродроме назва-

на Аэродромная улица в одноименной части Приморского района. Проспект Испытателей, связывающей станции метро «Пионерская» и «Комендантский проспект», назван в честь пилотов-испытателей.

Чуть выше упоминалась Аллея Котельникова, расположенная между Серебристым бульваром и Коломяжским проспектом. Она названа по имени Глеба Евгеньевича Котельникова (1872–1944), автора первого ранцевого парашюта РК-1 и его усовершенствованных моделей.

От улицы, названной в честь создателя парашюта, логичнее всего перейти к неподалеку расположенной Парашютной улице. Эта улица тянется на много километров, проходя по Комендантскому Аэродрому, Озеру Долгому и Каменке, начинаясь от Коломяжского пр. и доходя до Дороги на Каменку.

Еще одна улица в районе Комендантского Аэродрома, расположенная между Серебристым бульваром и Коломяжским проспектом, называется Аллея Поликарпова. Николай Николаевич Поликарпов (1892–1944) — русский и советский авиаконструктор, глава ОКБ-51.

От Коломяжского пр., севернее пр. Испытателей, отходит небольшой проезд по направлению к Удельному парку. Этот проезд стал улицей Марка Галлая (1914–1988), военного летчика, героя ВОВ [2].

5. Приморский район. Озеро Долгое и Каменка

От пр. Испытателей до 2-й Алексеевской ул. (Коломяги, за Парашютной ул.) проходит улица Маршала Новикова. Маршал Александр Александрович Новиков (1900–1976) — советский военачальник, герой ВОВ, участник битвы за Ленинград [2]. С 2022 г. ведущий российской вуз гражданской авиации (СПбГУГА) носит его имя, а в холле вуза стоит бюст главного маршала авиации.

В районе Долгого Озера бросается в глаза еще ряд топонимов четвертой категории, связанных с российскими авиаконструкторами [5]. Это проспект Авиаконструкторов, идущий от улицы Ильюшина до Арцеуловской Аллеи. Кроме этого, это площадь Сикорского, улицы Уточкина, Шаврова, Ильюшина, Туполева. Площадь Сикорского находится на пересечении пр. Королева и ул. Уточкина. Улица Ильюшина пролегает между Комендантской пл. и Планерной ул. Улица Туполева расположена между Богатырским пр. и Комендантским пр.

Гаккелевская улица соединяет станции метро «Старая Деревня» и «Комендантский проспект». Но необходимо отметить, что эта улица, названная в честь авиаконструктора Якова Модестовича Гаккеля (1874–1945) существует на двух различных участках: от Комендантской пл. до Богатырского пр. и от ул. Оптиков до Мебельной ул.

В районе Каменка, между Планерной ул. и Мартыновской ул., находится улица, названная в честь авиаконструктора Вадима Борисовича Шаврова (1898–1976).

От Парашютной улицы отходит улица в сторону Шуваловского карьера, она названа в честь Лидии Виссарионовны Зверевой (1890–1916), первой в России женщины-пилота [6].

Новые жилые кварталы Каменки ограничены Арцеуловской аллеей, названной в честь пилота Константина Константиновича Арцеулова (1891–1980).

В Каменке также находятся ул. Летчика Паршина и ул. Летчика Акаева. Первая из этих улиц ведет от Парашютной улицы до улицы Академика Харитона, а вторая — от Суздальского шоссе до Дороги в Каменку.

6. Приморский район. Новая Деревня

Важнейшей магистралью южной части Приморского района является улица Савушкина, идущая от набережной Черной Речки до пересечения с Приморским шоссе. Александр Петрович Савушкин (1918–1943) — летчик-истребитель, погибший в мае 1943 г. при обстреле вражеской артиллерии [2]. Перпендикулярно улице Савушкина, между Приморским шоссе и Школьной ул., расположены две параллельные улицы, названные в честь героев ВОВ Оскаленко и Покрышева (все три улицы — объекты третьей категории). В 2005 г. в Сквере Военных Летчиков на ул. Савушкина, 64 была установлена стела памяти летчиков, героев ВОВ: Дмитрия Оскаленко, Петра Покрышева, Александра Савушкина.

Список источников

1. «Большая Топонимическая Энциклопедия САНКТ-ПЕТЕРБУРГА» / под ред. А.Г. Владимировича, инф.-изд. агентство ЛИК, Санкт-Петербург, 2013, 1135 с.
2. www.warheroes.ru
3. Сергей Глезеров. Исторические районы Петербурга. От А до Я. Центрполиграф, 2022, 496 с.
4. mirpeterburga.ru/upload/iblock/fb0/fb056321add7f6f3d70fccd87606bdfc.pdf
5. Скрицкий Н.В. Самые знаменитые авиаконструкторы России. Вече, 2022. 413 с.
6. Ирина Лисова. Девочка, которая хотела летать. Молодая мама, 2023. 80 с.

KISELIOV A. On the aviation toponymical of Moskovsky and Primorsky districts of Saint-Petersburg

Kiseliov Anton — senior lecturer, Saint-Petersburg State University of Civil Aviation, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: kiseliov2a@mail.ru

ABSTRACT

The article is dedicated to the aviation toponymical analysis. The toponymical objects are streets, squares, avenues as well as parks and squares. The most of such objects are located in the Moskovsky and Primorsky districts. The natural aviation toponymical center of Moskovsky district is Aviagorodok. The Primorsky district aviation toponymy is connected with the Komendantsky airfield history. Many streets of Saint-Petersburg are named in honor of the pilots being the World War II heroes.

Keywords: toponymy, aviation, Aviagorodok, Komendantsky airfield, Great Second War heroes.

УДК 378.6(092)
ББК 72.3(2)

В.В. Митрофанов

«НУ ВОТ И Я СМИРЯЮСЬ»:

письменное общение Е.В. Балобановой с Н.Н. и С.Ф. Платоновыми

Митрофанов Виктор Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры «Гражданско-правовых дисциплин», Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС
Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: viktor-n1962@mail.ru

АННОТАЦИЯ

На основе опубликованных и архивных материалов предпринята попытка выяснить год рождения Е.В. Балобановой — зачинателя российского библиотековедения. Вовлекается в научный оборот ее переписка с Н.Н. Платоновой и ее мужем, выдающимся историком, которая позволяет реконструировать ряд малоизвестных фактов и определить их многолетнее профессиональное и личное общение.

Ключевые слова: Екатерина Вячеславовна Балобанова, Надежда Николаевна Платонова, Сергей Федорович Платонов, ВЖ(Б)К, библиотека, кельтолог, педагогическая деятельность, переписка, архивные материалы.

Вторая половина XIX в. ознаменовалась выдающимися достижениями российских женщин, которые стали первыми в отдельных отраслях науки и культуры: С.В. Ковалевская — профессор математики, с 1889 г. иностранный член-корреспондент Петербургской АН; Н.П. Суслова — врач, в Швейцарии получила диплом доктора медицины, хирургии и акушерства; Ю.В. Лермонтова — первый доктор химии; А.А. Глаголева-Аркадьева — физик с мировым именем; О.И. Срезневская — филолог, была избрана в 1895 г. членом-корреспондентом Петербургской АН. О женщинах-историках, добившихся в России крупных успехов в научной карьере и признания, можно познакомиться в недавней статье [1].

В этот далеко неполный ряд по праву следует поставить Екатерину Вячеславовну Балобанову (1844/1847–1927) — она была первым в России библиотекарем, получившим специальное образование в европейском учебном заведении (Геттингенском университете) — курсы *Bibliothekshülfswissenschaften*¹ окончила по двум отделениям: теоретического и практического библиотековедения, написала первое пособие по библиотечному делу на русском языке [2], чем внесла значимый вклад в библиотековедение России. Кроме того, она оставила важный след в истории литературы, зарекомендовав себя авторитетным переводчиком (знала десять европейских языков, в том числе такой редкий, как кельтский).

Ряд исследователей (А.Н. Таланова, А. Мурадова) констатируют, что имия замечательной женщины, «пионера наших научных библиотек»², которая более четырех десятков лет была незаменимым сотрудником

¹ Вспомогательные библиотечные науки — нем.

² Так характеризовала Е.В. Балобанову на Второй Всероссийской конференции научных библиотек член Президиума Конференции Л.Б. Хавкина [3, с. 54].

библиотеки ВЖ(Б)К, «предано забвению и известно немногим». В последние годы ситуация серьезно поменялась: Е.В. Балобановой посвящены специальные исследования, раскрывающие ее многогранную работу по созданию и развитию библиотеки Курсов [3]. Один из авторитетных исследователей судеб выпускниц, можно сказать, преемник Екатерины Вячеславовны по библиотечной должности — заведующий сектором «Библиотека Бестужевских курсов» Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ А.В. Востриков считает, что «Е.В. Балобанова была настоящим Библиотекарем во многом именно потому, что всегда была больше, чем просто библиотекарь» [3, с. 5]. Недавно были опубликованы ее «Записки слушательницы» [4], дополняющие давно известные воспоминания.

Рис. 1. Екатерина Вячеславовна Балобанова

Появилось и небольшое количество статей, в которых встречаются порой противоречивые и ошибочные сведения. В частности, И.И. Подольская в биографической справке фамилию написала как Балабанова [5, с. 146]³. Н.А. Пакшина в замечательной книге о Мариинском институте — привилегированном учебном заведении — замечает: «в своем имении ей (Е.В. Балобановой — В.М.), 13-летней девочке, в марте 1861 года пришлось зачитывать манифест об освобождении» [6, с. 178], при этом на предыдущей странице год ее рождения указан 1844 г. Приведенные факты не сходятся, т.к. предположительно Балобановой на тот момент шел 17-й год.

Профессиональная деятельность Е.В. Балобановой связана с библиотечной работой, научно-литературной деятельностью и педагогической практикой. Этим направлениям она следовала всю свою жизнь, связанную с (ВЖ(Б)К), которые она окончила с первым выпуском [7]. Совершенно замечательно, что дело, которому было отдано полжизни, сохранилось, живет и открывает двери для всех желающих и экскурсий.

Важным направлением творческих изысканий Е.В. Балобановой была любовь к народному фольклору кельтов [8]. Научную подготовку в столь редком направлении науки она получила в Сорбонне на курсах *Faculté des lettres*, на отделении *Langues celtiques, grammaire et philologie* (кельтские языки) [9, с. 183].

Многие годы, бывая в Бретани — французском административном регионе, долине Рейна, Скандинавии, молодая исследовательница (вместе с подругой О.М. Петерсон) из России активно собирала легенды, народный фольклор, проводила литературную обработку и публиковала

³ В этой связи обратимся к опубликованным материалам: «в «Моей автобиографии» (см. с. 76 наст. изд.), Екатерина Вячеславовна указывает, что ударение в ее фамилии ставится на второй от начала слова слог — на гласную «о». Такое ударение отчасти подтверждается вариантами написания имени отца и нижегородских предков в адресных книгах и других источниках XVIII — начала XIX вв. Первая и третья гласная варьировались, а вторая во всех случаях была «о»: Болобонов, Болобанов, Болобоновы» [3. С. 180, примеч. 95].

Рис. 2. Титульные листы издания «Легенды о старинных замках Бретани» и брошюры «Библиотечное дело»

[10], сохраняя тем самым бесценный материал, очень быстро исчезающий [11]. Однако следует согласиться с А.Н. Талановой, что до сих пор имя замечательной собирательницы «не вписано в ряды отечественных фольклористов и собирателей фольклора» [8, с. 184]. При этом признается роль Е.В. Балобановой в развитии культуры Бретани [12].

Еще при жизни ее справедливо считали «крупным филологом, знатоком романских и германских наречий» [3, с. 55]. По утверждению А.В. Вострикова, она «была признанным ученым-кельтологом» [3, с. 4], правда автор не аргументировал свое мнение. С.А. Венгеров считал, что «Б[алобанова] принадлежит к числу крайне редких у нас знатоков кельтского языка и кельтской литературы» [3, с. 180].

Некоторые современные исследователи отказываются считать Е.В. Балобанову авторитетом в этом направлении. Так, А. Мурадова полагает, что мы — кельтологи (лучше было бы написать о своем мнении, а не за всех) «не считаем ее нашей предшественницей» [13]. При этом делается, по нашему мнению, необоснованная попытка аргументировать эту точку зрения: автору думается, что публикации кельтских сказаний, фольклора не являются исследованиями, и преследовали только цель их популяризации (да, об этом писала и сама Е.В. Балобанова), к тому же тексты не ориентированы на академическую среду. Как видно, автору статьи, вероятно, не известны рецензии на публикации Е.В. Балобановой академика В.Г. Васильевского (указавшего на ряд недочетов, но, давая оценку книги, он заметил, что «сборник составлен с несомненным знанием дела, что никаких грубых погрешностей в нем не встречается...» [14]), будущего академика А.Н. Пыпина и ставшего впоследствии иностранным членом-корреспондентом АН РАН Ф.А. Брауна, а в 1924 г. сразу два академи-

ка — С.Ф. Платонов и Н.Я. Марр — говорили о ней на торжественном собрании, вероятно, приуроченном к 80-летию со дня ее рождения.

Кроме того, был получен «лестный отзыв» о ее работах от АН СССР и 50 руб. К тому же заинтересованная собирательница фольклора работала с кельтскими рукописями в архивах Дублина, Эдинбурга, Абердина. Очень убедительные факты!

Как нам представляется, именно известные доклады в научном обществе — под руководством академика А.Н. Веселовского, а затем и публикации Е.В. Балобановой стали важными звеньями для формирующегося фундамента российской кельтологии, окончательное оформление которой произошло несколько десятилетий спустя в трудах А.А. Смирнова (которого, кстати, А. Мурадова считает кельтологом «условно»), но тогда не понятно, как его «можно назвать родоначальником советской и российской кельтологии» [13].

Известно письмо Е.В. Балобановой от 30 октября 1915 г. С.А. Венгерову, где она писала: «я все же пока единственный кельтолог у нас и имею, кроме «Оссиана», несколько работ в этой области» «и считаю, что во всяком случае заслуживаю не только большего к себе внимания, но и уважения как ученый» [3, с. 91]. Полагаем, что отказывать Е.В. Балобановой в этом не только несправедливо, но и неправомерно с точки зрения ее роли в формировании нового научного знания в России, она сделала важный шаг и приумножила скромные усилия своих предшественников.

Третьим направлением деятельности Е.В. Балобановой, которому она посвятила более 30 лет, связано с гимназией. Педагогическое образование, полученное на ВЖ(Б)К, было реализовано в полной мере на практике. Дружба, возникшая с О.М. Петерсон на Курсах, была пронесена через всю продолжительную жизнь и подкреплена совместной работой в женском учебном заведении — Коломенской гимназии, которая была ими создана и где они учили детей.

Сегодняшние исследователи называют разное количество опубликованных работ Е.В. Балобановой. Первые попытки составить перечни публикаций принадлежат самому автору, она несколько раз представляла их С.А. Венгерову, поместившему часть из них в своем словаре. Первый, наиболее полный список печатных трудов из 77 позиций, был опубликован Т.Г. Мазюкевич [9, с. 92–97]. А.В. Востриков дополнил и составил список из 85 названий (с переизданиями, до 1914 г. включительно) и перечень вновь опубликованных в 1994–1996 и 2008 г. [3, 140–147]. А.Н. Таланова же повторяет известную цифру 69 [8, с. 189], обнаруженную на интернет-сайте [15], что указывает на незнакомство с публикациями вышеупомянутых авторов. А.В. Востриков, кстати, составил и список литературы о Е.В. Балобановой, что является важным для дальнейших исследований и популяризации ее творческого и жизненного пути.

Самым, пожалуй, важным и запутанным вопросом, касающимся биографии Е.В. Балобановой является определение года ее рождения. До сих пор среди исследователей нет единства. Такую ситуацию создала сама Е.В. Балобанова, указывая разные годы. На эти разночтения уже обращали внимание. Например, Ю.Д. Левин, сделавший интересную оговорку: «О годе рождения Балобановой существуют противоречивые

сведения. В первой автобиографической заметке она указала 1847 г., и эта дата вошла в «Критико-биографический словарь» и «Источники словаря русских писателей» С.А. Венгерова (СПб., 1900. Т. 1. С. 152), а также в «Новый энциклопедический словарь» (СПб., [1911]. Т. 4. Стб. 877). В автобиографии 1913 г. годом рождения назван 1846 г., а в статье Т. Мазюкевич (с. 89) — 1844 г.» [16, с. 286, примеч. 2]. А.В. Востриков по этому поводу писал: «Сведения о годе рождения Е.В. Балобановой различны. Сама Е.В. Балобанова обычно называла 1847 г., эта дата указана во всех словарных статьях. Однако в «Моей автобиографии» назван 1846 г. (с. 76 наст. изд.); Т.Г. Мазюкевич называет 1844 г. (с. 59 наст. изд.); эта же дата косвенно подтверждается Л.Б. Хавкиной (в декабре 1926 г. она говорит, что Балобановой 82 года (см. с. 55 наст. изд.); некролог в «Красной газете» добавляет еще один год (с. 55 наст. изд.). Мы не располагаем никакими сведениями, объясняющими эти расхождения, и придерживаемся принятой в современных биографиях и библиографиях даты: 1847 г.» [3, с. 178–179, примеч. 82].

В собственноручно написанных «Автобиографических справках», датированных примерно началом 1890-х гг. и 1903 г. и хранящихся в фонде С.А. Венгерова, Е.В. Балобанова писала: «Родилась 12 сентября 1847 года, вероисповедания православного» [3, с. 69]. Эта дата была повторена в авторском «Библиографическом листке», написанном в 1898 г. [3, с. 70]. И только в «Моей автобиографии» назван 1846 г.

Нами выявлен еще один источник. В публикуемом в приложении письме (№ 26) Е.В. Балобановой на имя Н.Н. Платоновой от 6 ноября (год не указан, мы его относим к 1918 г.), автор пишет, что ей идет 72-й год, и снова выходит — 1847 год. Следовательно, собственные свидетельства Е.В. Балобановой указывают на 1847 г., за исключением одного раза, когда назван 1846 г. Кстати, в этом же письме указан и возраст О.М. Петерсон (исполнилось 60 лет), год рождения которой тоже зачастую называют по-разному — 1856 или 1857 г. Следовательно, второй вариант.

Наряду с 1847 г. часто встречается 1844 г., не упоминаемый самой Е.В. Балобановой. Об этом впервые сказала Л.Б. Хавкина, когда, выступая в декабре 1926 г. на крупном форуме, она указывала, что Е.В. Балобановой 82 года [3, с. 55]. Об этом говорится и в первом некрологе, опубликованном сразу же после кончины Е.В. Балобановой, где читаем: «...на 84-м году скончалась...» [17, с. 3]. Этот год указан и упомянутой выше Т.Г. Мазюкевич [9, с. 89] — выпускницей ВЖ(Б)К, близко ее знавшей, много лет с ней работавшей (с 1906 г. по 1918 г.) в библиотеке и считавшей своим наставником в библиотечном деле. Таким образом, названные источники поставить под сомнение вроде бы нельзя. Все официальные известия о годе рождения подтверждают 1844 г., в том числе и упомянутый отзыв и премия, приуроченные, вероятно, к 80-летию юбилею библиотекаря, ученого и педагога.

К этим сведениям следует добавить еще один весьма веский и, кажется, безупречный аргумент. Курмышский краевед В. Бредников в результате архивных разысканий обнаружил в фонде Дворянского Депутатского собрания Нижегородской губернии метрические свидетельства на детей Балобановых: «... в метрических книгах, поданных Нижнего Новгорода

Покровской церкви от священно церковнослужителей за 1844 год № 33 написано: Екатерина, дочь отставного полковника Вячеслава Федоровича Болобонова и жены его Анны Александровны, исповедующих православную веру, рождена 1844 года сентября 12 дня, а крещена 18 числа. Восприемниками были: коллежский советник и кавалер Тимофей Гордеев Погуляев, надворная советница Екатерина Алексеевна Болобонова. Таинство крещения совершил священник Павел Зеленецкий с диаконом Николаем Владимировым, дьяком Алексеем Рождественским и пономарем Стефаном Покровским» [18]. Краевед делает оговорку, что это не подлинник и относится к 19 марта 1850 г., когда бабушка Екатерина Алексеевна Болобанова ходатайствовала о причислении внуков к роду Болобановых. Но эта дата повторяется и записью, как подтвердил В. Бредников, в Дворянской родословной книге (ДРК) Нижегородской губернии и в деле ДРК Нижнего Новгорода [19]. Эти сведения были опубликованы в текущем году [20]. Ценным является тот факт, что важные находки заинтересованных краеведов публикуются в малодоступных для широкого круга исследователей провинциальных изданиях и поэтому остаются, к большому сожалению, часто неизвестными.

Вслед за ним на эту дату сослалась и Н.А. Пакшина [6, с. с. 175]. В переписке автора настоящей публикации с А.В. Востриковым, последний согласился с этой датировкой названного краеведа.

Таким образом, вроде бы стоит ставить точку в вопросе о годе рождения крупного библиотечного работника, известного кельтолога, но тогда не берутся во внимание сведения самой Е.В. Балобановой, что ведет к разночтению ряда фактов с автобиографическими сочинениями, в которых она отсчет своих дней в большинстве случаев начинала с 1847 г. Например, зачисление в московский институт. В своих воспоминаниях Е.В. Балобанова написала: «Когда мне минуло семь лет, родители мои заговорили о необходимости поскорее отдать меня в институт». По сведениям Н.А. Пакшиной, в московском Екатерининском институте она училась в 1855 — начале 1856 г. [6, с. 177] Но, если следовать за воспоминаниями Е.А. Балобановой, в 1855 г. мать привезла ее (8-летнюю) в старую столицу зимой, и начальница «согласилась принять меня после Пасхи» [3, с. 112], получается уже в 1856 г. и «2-го мая после обеда мама повезла меня в институт» [3, с. 112], читаем в воспоминаниях. Таким образом, в Москве юная Балобанова проучилась со 2 мая 1856 г. по март 1857 г. Но появляется новый факт: весной в 1856 г. отец забрал дочь домой, и они уехали за границу и потом в 1857 г. 3 апреля она была зачислена в «Нижегородский Мариинский институт для благородных девиц». Но тогда в Екатерининский институт она зачислена не в 8 лет, а в 11 лет. Но в 11 лет «крошкой» (так назвала девочку начальница) быть довольно трудно, к тому же не умевшей раздеваться, расчесываться и т.д., значит, в это время ей было действительно 8 лет! Таким образом, два автобиографических произведения, вышедших из-под пера Е.В. Балобановой, пестрят противоречиями по отношению к 1844 г. и более всего подходит именно 1847 г. Не учитывать же этот источник личного происхождения нельзя. Следовательно, поиски новых свидетельств, в том числе и тех, которыми могли пользоваться авторы, датирующих год рождения 1844 г., следует продолжить.

В истории развития женского образования в России Высшим Женским (Бестужевским) Курсам (далее — ВЖ(Б)К) принадлежит почетное и особо значимое место. В списке первого выпуска (1882 г.) под № 11 значится Е.В. Балобанова — женщина особой судьбы. Она активно занималась изучением европейского фольклора и древних рукописей, многое увидевшая и заставшая, в том числе и время Парижской коммуны, Франко-Прусской войны. Заметим, что она была, вероятно, самой возрастной среди слушательниц: например, она была старше своей близкой подруги, окончившей Курсы вместе с ней, на 11 лет (письмо № 26). Сразу же по окончании историко-филологического отделения она остается в библиотеке Курсов, связав с ними всю свою судьбу в области профессиональной деятельности и личной жизни (семьи у Е.В. Балобановой не было).

Выявленные письма Е.В. Балобановой на имя Н.Н. Платоновой, также окончившей ВЖ(Б)К в 1885 г. (в связи с чем они были лично знакомы, тем более, что вторая возглавляла на протяжении ряда лет Общество Вспоможения бывшим слушательницам Высших Женских Курсов), безусловно представляют и историографический интерес, и как объект межличностных коммуникаций.

Имя Н.Н. Платоновой прочно вошло в исследовательское поле сравнительно недавно [21, 22]. Особый интерес вызвал ее дневник — замечательный по своему содержанию, где упомянуто попутно и имя Е.В. Балобановой [23]. Привлекает и ее богатый эпистолярный пласт, значительный по объему, но пока малоизвестный [24, 25]. К уже известным корреспондентам добавляется еще один, жизнь и профессиональная деятельность которого представляет закономерный интерес. При этом следует констатировать, что обе не в полной мере реализовали свои научные таланты, оставив при этом свой след в отечественной научной и культурной областях.

Писем немного, всего 17, объемом 30 архивных листов, зачастую исписанных с двух сторон, а хронологически они охватывают более чем 30-летний период — с 1893 по 1926 г. Правда, письменное общение было нерегулярным, с большими перерывами и большинство относится к последнему периоду жизни корреспондентов. Они ушли одна за другой в 1927 г.

Первое письмо было направлено в период семейного горя у Платоновых. Второе датировано уже 1896 г. Потом наступает перерыв на полтора десятка лет, но общение было при личных встречах, в том числе и на квартире Платоновых (об этом узнаем из публикуемых писем). Е.В. Балобанова знала и общалась с детьми своих знакомых.

Корреспонденция была как небольшого объема (№ 3, 32), так и обширная (№ 13) и, что очень важно, взаимная. Об ответных письмах имеются неоднократные упоминания (№ 17, 18).

Отдельные письма писались и от имени О.М. Петерсон, с которой Балобанова жила многие годы в одной квартире и с которой они вместе путешествовали, работали в гимназии, делили невзгоды, бытовые неудобства и материальные трудности.

В письмах упоминаются общие знакомые — семьи В.А. Фаусека, И.М. Гревса — отдельные трагические факты из их жизни.

Сообщались и адреса, о чем свидетельствуют надписи на конвертах — например, Тверская губерния. Известно было Е.В. Балобановой и о замужестве дочерей Платоновых — Нины и Веры, она также ежегодно приходила на день рождения кого-то из членов семьи Платоновых.

На фоне лаконичных сведений об О.М. Петерсон письма позволяют получить интересные сведения о ее руководстве гимназией, тяжелой болезни и последних годах жизни, помощи со стороны подруги.

О непритязательности к бытовым условиям Е.В. Балобановой свидетельствуют подробности о съемных квартирках — они небольшие, без излишеств. А в конце жизни Балобановой снова пришлось переезжать из-за дороговизны платы и дров.

Первый период преподавательского опыта будущего академика Платонова был также связан с ВЖ(Б)К. Факт приглашения вчерашнего выпускника столичного университета, оставленного на кафедре русской истории для приготовления к профессорскому званию, С.Ф. Платонова в 1883 г. преподавать в столь авторитетное учебное заведение, широко известен. Недавно обнаружено письмо, касающееся его приглашения, написанное В.Г. Васильевским:

«Милостивый государь, Сергей Федорович!

В прошедшем заседании педагогического совета Высших Женских Курсов совершилось единогласное избрание Вас для чтения лекций по русской истории⁴. Теперь осталось нам только получить согласие и утверждение попечителя. Я надеюсь, что в этом не будет помехи и задержания. Извещая Вас о таком положении дела, поздравляю Вас и радуюсь за Курсы.

В. Васильевский. 8 сентября 1883» [4, с. 147].

С этого времени курсы играли большую роль в жизни С.Ф. Платонова и его семьи. Здесь же произошло знакомство с Е.В. Балобановой, а позже началась и переписка [28]. В аудитории Курсов С.Ф. Платонов встретил и свою будущую жену, окончившую курсы в 1885 г., Н.Н. Шамонину. В 1895 г. он был назначен руководителем учебной частью (деканом) историко-филологического отделения⁵. Много раз исполнял обязанности директора курсов (1892, 1893 гг.), в том числе и продолжительное время (7 месяцев в 1894 г., когда и содействовал «командировке», о которой упомянуто в письме от 26 апреля) — после ухода В.П. Кулина с поста

Рис. 3. Надежда Николаевна Платонова

⁴ Это произошло 6 сентября. По этому поводу в отчете для Историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета о своих научных занятиях за 1883 год С.Ф. Платонов писал: «В сентябре текущего года Совет Высших Женских курсов в С-Петербурге удостоил избрать меня преподавателем русской истории на Высших Ж[енских] курсах и поручил мне чтение специальных лекций на III курсе словесного отделения по истории XVII в.» [3].

⁵ Петрова Н.А. допускает неточность, когда пишет, что С.Ф. Платонов «с 1885 г. по 1889 г. занимал должность декана историко-филологического отделения (факультета)» [29 с. 94].

директора и до назначения Н.П. Раева [3], проводя прием слушательниц.

Курсы окончила и дочь Платоновых, Нина Сергеевна, в 1909 г. (историко-филологическое отделение, по предметной системе, группа русской филологии, подгруппа литературы). Вторая дочь Платоновых — Вера — была выпускница 1911 г. (историко-филологическое отделение, по предметной системе, группа всеобщей истории). Мария поступила на Курсы по этнолого-лингвистическому отделению, окончила в 1922 г., уже после их закрытия и присоединения к университету.

Следовательно, ВЖ(Б)К сыграли важную роль в становлении С.Ф. Платонова как преподавателя, здесь он начал и административную карьеру, здесь встретил свою судьбу. О качестве образования, получаемого на Курсах, свидетельствует факт их окончания его будущей женой и дочерьми.

А с творческими и научными изысканиями Е.В. Балобановой С.Ф. Платонов познакомился в редакции «ЖМНП», куда его пригласил В.Г. Васильевский в 1890 г. в роли своего помощника. Публиковать же свои исследования по фольклору Е.В. Балобанова стала в авторитетном издании с 1889 г. [30]. В 1893 г. она направила в журнал рецензию, об этом лаконично сказано в двух письмах редактора. Первый раз 28 мая этого же года: «Балобановой статейка [31] не важная, но напечатать можно». В другой записке читаем: «Статьи Балобановой и С. Илера напечатать с Божьей помощью, но не сейчас, а в августе или сентябре» [4, с. 207–208]. В папке с письмами Е.В. Балобановой хранятся и разрозненные листы (по нумерации автора, сделанной в правом верхнем углу 5, 6, 13 рукописи⁶) и о которых имеются упоминания (письмо № 3). Два рукописных листа, на которых имеются карандашные пометы С.Ф. Платонова (красным и синим карандашом) помещаем в публикации. Обратим внимание на красивый, хорошо читаемый почерк, с годами он претерпит значительные изменения, о чем свидетельствуют и образцы писем позднего времени.

Интересные подробности приводит Е.В. Балобанова о библиотеке Е.Е. Замысловского в письме от 18 мая 1897 г. Известно, что инициатива по приобретению книжного собрания замечательного профессора для ВЖ(Б)К принадлежала С.Ф. Платонову, который вел и переговоры с наследниками — женой и сыном ученого. Кстати, к этому вопросу обращалась Н.А. Петрова [29], но лишь в общих чертах рассмотрела заявленную тему. При этом она привела только предварительные цифры объема книжного собрания (4000 томов и 1000 брошюр), хотя опубликованы и окончательные. После обработки всего приобретенного собрания стал ясен окончательный объем собрания: «1.910 названий в 3.151 томах и 1.502 брошюрах» [7, с. 74]. Намного информативнее статья А.В. Вострикова. Кстати, он цитировал публикуемое письмо [32].

После закрытия ВЖ(Б)К бесценному книжному собранию грозила «гибель и расхищение», так характеризовала Е.В. Балобанова сложившуюся ситуацию. Она была первой, кто подал голос в защиту библиотеки и обращается за помощью к С.Ф. Платонову, как это делала не раз в сво-

ей профессиональной деятельности. А работа, начатая Е.В. Балобановой с книгами Е.Е. Замысловского, продолжается и в настоящее время сотрудниками библиотеки.

Ценная информация содержится в письмах по перемещению библиотеки курсов в новое здание. В этой связи безусловный интерес представляет расчет времени, которое необходимо было затратить для расстановки книг в новом здании библиотеки, сделанный Е.В. Балобановой в ответ на упрек со стороны С.Ф. Ольденбурга.

Действовавшая система в получении книг слушательницами на имя профессора, которая давала им возможность пользоваться ими без ограничения сроков, вызывала недовольство Е.В. Балобановой. Порой это обстоятельство приводило к утрате книг, в том числе и ценных. О таких нередких случаях сообщается в одном из писем. К тому же, взятые профессорами книги не возвращались годами, что нарушало их учет и, опять-таки, приводило к пропаже. Против такой практики выступала Е.В. Балобанова, рассылая специальные именные письма — напоминания профессорам, задерживавшим книги, и сообщала имена слушательниц, которые злоупотребляли их доверием.

Известный факт, что Е.В. Балобанова много публиковала для детей и юношества. Об одной из идей этого плана она сообщала С.Ф. Платонову, рассчитывая на его одобрение.

Находившейся в трудном материальном положении, почти слепой Е.В. Балобановой не было безразлично горе других — об этом свидетельствует ее просьба устроить и облегчить судьбу священника Михаила Яворского.

В последнем письме от 8 сентября 1924 г. она благодарит академиков, среди них и Сергея Федоровича за внимание к ней.

Это маленькое письмо, написанное кем-то от имени Е.В. Балобановой (подпись она поставила сама), имеет важное значение. Во-первых, оно указывает на то, что деньги были выделены к 80-летию. Значит, увеличиваются аргументы исследователей (Л.Б. Хавкина, Е.Г. Мазюкевич, В.К. Бредников, А.В. Востриков, Н.А. Пакшина), считающих годом ее рождения 1844 г.

Во-вторых, очень важный факт против точки зрения А. Мурадовой, отказывающей Е.В. Балобановой в чести быть кельтологом. Напомним, что среди своих доводов она указывала на то, что исследования ученого не были ориентированы на академическую среду. Оказывается, российские академики были не только знакомы с творчеством Е.В. Балобановой, но ценили ее вклад в науку.

В-третьих, указывает на ее слепоту и помощь, которую ей оказывали неравнодушные люди. Об этом свидетельствует и Е.Ф. Тураева (в девичестве Церетели), когда 15/28 февраля 1920 г. писала С.Ф. Платонову о ее положении: «А теперь передам одно поручение. Екатерина Вячеславовна, которая все слабеет и отекает, просила передать Вам ее просьбу в надежде и на Вашу известную доброту. В случае ее смерти, за отсутствием кого бы то ни было из друзей и родных, будет дано знать мне и Вам, чтобы позаботиться о похоронах и об устройстве Ольги Мих[айловны], в особенности о сохранении за последней права на хранящееся в библиотеке Курсов бюро красного дерева. Я не часто, но иногда захожу

к ним. На Рождестве познакомилась с о. Чуковым⁷, который их приобщал св[ятых] Тайн. Вероятно, попросят его и теперь в посту. От о. Чукова старушки в восторге и наградили своими книгами. Живут плохо, без дров и электричества; прислуга иногда кормит их горячим, так как имеет средств больше их и является ревностной поклонницей праведников священников нашего Острова» [34, л. 46 об.–47].

Сведения Е.Ф. Тураевой имеют большую ценность. Они позволяют говорить, что на определенном этапе жизни Е.В. Балобанова и О.М. Петерсон связали себя близко с представителями культа, бывавшими у них дома и совершавшими церковные таинства. Это является новым в биографии замечательных женщин-подруг. По всей видимости, велись там и соответствующие разговоры, в том числе и о М. Яворском, вторично арестованном 4 февраля 1924 г. и приговоренным к трем годам лишения свободы. Потом будут еще аресты и мученическая смерть (расстрел) 28 сентября 1937 г.

Воспользоваться О.М. Петерсон указанным бюро не смогла, она умерла в июле месяце того же года. Об этом сообщалось и С.Ф. Платонову той же Е.Ф. Тураевой: «Екатерина Вячеславовна просила сообщить Вам, что Ольга Михайловна скончалась в больнице Марии Магдалины 4-го числа и 7-го ее хоронят на Смоленском. Вынос из часовни больницы в 1 ч. дня. Ек[атерина] Вяч[еславовна] хоронит на свой счет, деньги собирали кое-откуда. Хочу еще из кассы университетской попросить. Из Лит[ературного] Фонда прислал Котляревский⁸ еще раньше. Откуда бы можно еще пособие? Иначе боюсь, Ек[атерина] Вяч[еславовна] затянется с долгами» [34, л. 43]⁹. Так закончился земной путь видной писательницы, переводчика и литературоведа О.М. Петерсон. Еще более драматичен будет и уход Е.В. Балобановой. Она осталась только с добрыми людьми, которые скрашивали ее жизнь в старости и нищете.

Таким образом, 15 корреспонденций Е.В. Балобановой, адресованных С.Ф. Платонову, позволяют увидеть их теплое письменное общение, как и, вероятно, нечастое личное, в том числе и в семье академика. Это важный источник о работе библиотекаря, проблемах и заботах по обслуживанию слушательниц, сохранению книг, обустройстве нового здания библиотеки и приобретенного ВЖ(Б)К книжного собрания профессора Е.Е. Замысловского. По письмам можно судить, что С.Ф. Платонов выступал в роли защитника, помощника, просто замечательного человека, к которому можно было обратиться за помощью, и, что очень важно, получить ее.

Письма, адресованные С.Ф. Платонову, содержат и приветы Надежде Николаевне, для которых присущ более деловой характер, затрагивающий профессиональную деятельность, а к Н.Н. Платоновой носят более семейный характер, при этом обе корреспонденции написаны в доброй и уважительной манере, что в целом создает картину дружеских и многолетних отношений интеллигентных людей.

⁷ Высокопреосвященный Григорий (Чуков Николай Кириллович; 1870–1955), митрополит Ленинградский и Новгородский, выдающийся иерарх Русской Православной Церкви. Подробнее см. [10].

⁸ Котляревский Нестор Александрович (1863–1925) — историк литературы, литературный критик, педагог, академик.

⁹ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4402. Л. 43.

Думается, что приведенные факты и их сравнительный анализ не позволяют окончательно установить год рождения замечательной женщины, первой в России получившей специальное библиотечное образование в Европейских учебных заведениях. Ее же следует причислить к списку отечественных кельтологов, публикации которой существенно дополнили фундамент нового направления в науке. Ее имя было широко известно среди российских ученых, деятелей культуры, библиотечных работников. Коммуникативные связи с Платоновыми позволяют раскрыть характер их общения, вопросы и темы, представлявшие взаимный интерес.

Выражаю искреннюю благодарность А.В. Вострикову и В.К. Бредникову за интересный обмен мнениями во время подготовки публикуемого материала.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Е.В. Балобанова С.Ф. Платонову

№ 1

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Мы, с Петерсон¹⁰, собирались сами завести Вам прилагаемые оттиски, но, не зная, когда можно Вас застать не беспокоя, т[а]к и прособирались все праздники; теперь же, пользуясь любезным предложением нашей бывшей ученицы Вороновой¹¹, доставляем наши оттиски через ее посредство.

Нам пришла идея знакомить юношество (школьного возраста) с лучшими народными произведениями Европейских наций в пересказах или сокращённых переводах, непременно с подлинника, предпосылая каждому такому произведению культурно-историческое введение. В прилагаемых оттисках Петерсон сделала первую пробу. Песнь о Роланде, кажется, вышла недурно, но рыцарский роман искалечен редактором, выпускавшим весь мистицизм и все рыцарские похождения. Надеюсь сделать отдельное издание и тогда пополнить его. Теперь у нас идет роман о Лисе и готовится цикл Александра Македонского и т.д.

Может быть Вас, как историка, заинтересует наша мысль, если не ее выполнение. Искренний привет наш Надежде Николаевне.

Примите уверение в совершенном уважении. Е. Балобанова.

20/ I. 1893 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2191. Л. 1–1 об.

№ 2

Е.В. Балобанова Н.Н. Платоновой

Многоуважаемая Надежда Николаевна!

Не читая газет, мы только сейчас узнали о Вашем горе¹² и спешим выразить Вам наше глубокое сочувствие. В пятницу Сергей Федорович говорил, что Вашему мальчику лучше, но что у него распухла ручка, и я сегодня собиралась зайти узнать

¹⁰ Подруга Е.В. Балобановой, вместе с ней окончившая историко-филологическое отделение на Курсах.

¹¹ Воронова (Шварсалон) Анна Семеновна — выпускница историко-филологического отделения 1884 г.

¹² 20 марта 1893 г. умер сын Сережа, родившийся 17 февраля 1892 г. Свою радость по поводу появления на свет сына Надежда Николаевна выразила и на страницах своего дневника. Так, 28 февраля она записала: «17-го в час ночи у нас родился сын Сергей; это — большая радость для нас» (Дневник. С. 71). 25 апреля она с восторгом писала: «Я просто не верю своему счастью» (Там же. С. 82). Мальчик рос и 9 февраля появилась запись «я кончаю кормить Сережу» (Там же. С. 106). Потом случилась трагедия и только 26 августа Надежда Николаевна возвращается к дневнику: «20 марта скончался наш мальчик, наш Сережа, — и тогда мне казалось, что не только писать дневник — вообще жить не стоит» (Дневник. 110).

о нем, но встретила Курсистку, известившую меня о его кончине. Надеюсь, что Вы и Сергей Федорович здоровы и не теряете мужества. От души желаю Вам всего хорошего — спокойствия и здоровья прежде всего.

Искренне преданная Е. Балобанова. 1893. 22/3.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5771. Л. 1.

№ 3

Е.В. Балобанова С.Ф. Платонову

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Простите, пожалуйста, что я несколько запоздала с ответом, но дело в том, что до настоящей минуты меня не было дома.

Место, подчеркнутое голубым карандашом на стр. 5-ой, следует читать так: (fol I r? col. I), а место, подчеркнутое простым карандашом на стр. 14-ой, Сейнорма.

Разумеется, я буду очень благодарна Вам, если Вы найдете возможным прислать мне корректуру, тем более, что рукопись моя довольно-таки неразборчива. А затем, позволив себе выразить надежду, что как Вы сами, так и все Ваши совершенно здоровы и хорошо отдохнули за лето, остаюсь с совершенным уважением. Искренне преданная Е. Балобанова.

22/ VIII. [18]93.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2191. Л. 4–5.

№ 4

Е.В. Балобанова С.Ф. Платонову

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Пишу Вам, чтобы принести Вам нашу глубочайшую благодарность за Ваше столь деятельное содействие нам в нашей «Командировке».

Приготовив прошение, Ольга Михайловна вчера же, в понедельник, лично подала его Аничкову¹³ и получила от него обещание сделать, что можно. Но при этом он представил в виде затруднения то обстоятельство, что до сих пор не было еще случая официальной командировки женщин. Затем он просил, уверена ли она, что Капустин¹⁴ будет за нас и кто наш окружной инспектор, но к ответу Петерсон, что Капустина она не знает, по-видимому отнесся равнодушно; от инспектора же учебного округа по всем данным должен получиться благоприятный отзыв.

Надумалась я съездить в прием к Капустину в четверг, не знаю, сделает ли он что-нибудь.

Мой привет Надежде Николаевне. Искренне преданная Е. Балобанова.

26/ IV [18]94.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2191. Л. 6–7.

№ 5

Е.В. Балобанова Н.Н. Платоновой

Заседание Совета О[бщест]ва Вспоможения бывшим слушательницам В[ысших] Ж[енских] Курсов назначено во вторник, 13-го февраля, в 8 ч[асов] вечера в кв[артире] Е.В. Балобановой¹⁵. 11/II — 1896.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5771. Л. 2.

№ 6

Е.В. Балобанова С.Ф. Платонову

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Во все затруднительные минуты моей жизни я привыкла надоедать Вам, вот и теперь опять затруднительная минута моей жизни, и в результате — мое письмо. Пожалуйста, не сердитесь на меня!

¹³ Аничков Николай Милюевич (1844–1916) — товарищ министра народного просвещения (1896–1898).

¹⁴ Капустин Михаил Николаевич (1828–1899) — юрист, историк права, попечитель Дерптского (1883–1890) и Санкт-Петербургского (1890–1899) учебных округов.

¹⁵ На почтовой карточке.

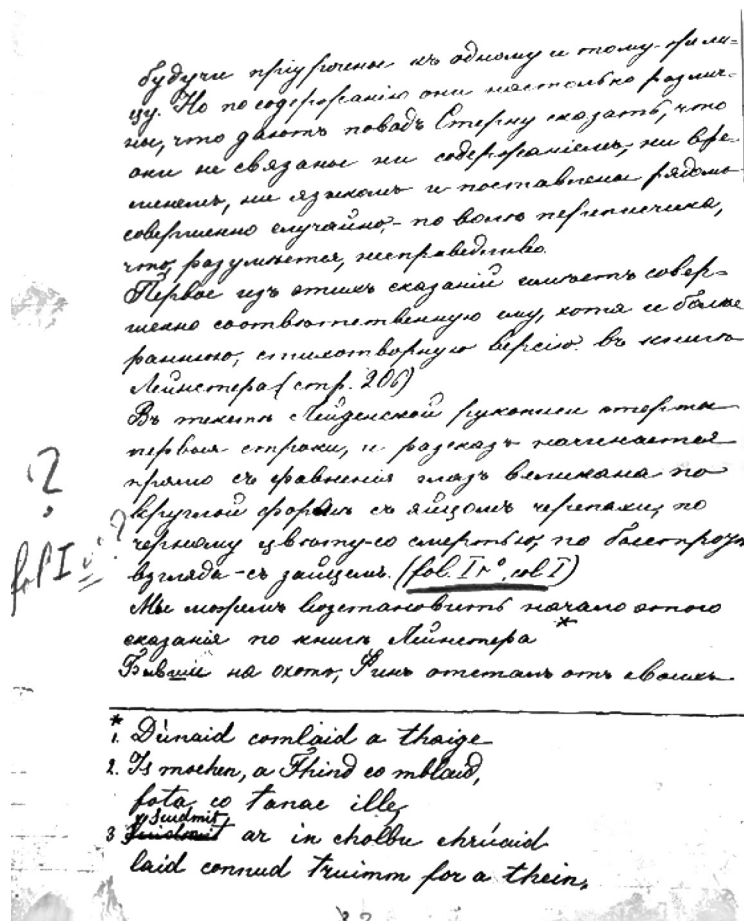

Рис. 4. Лист из рукописи Е.В. Балобановой с пометой С.Ф. Платонова

Сейчас я прочитала в газетах, что Хрущов¹⁶ назначен в Харьков. Неужели нашим книгам грозит судьба Робинзона? Будьте отцом-благодетелем, позаботьтесь о нашей участи!

Я все мечтаю, что резолюция будет получена летом, так как Бине¹⁷ уже получил одобрение, а Максимова¹⁸ подала позже нашего — все мечтала и ждала и вдруг такое известие!

Я с радостью узнала от Быстровой¹⁹, что она Вас видела и что Вы благополучно вернулись из Вашего путешествия.

Петерсон просит передать Вам и Надежде Николаевне ее приветствие. Мы обе надеемся, что она совсем здорова.

Искренно преданная Е. Балобанова.

19/VII [18]96.

Эстляндская губ[ерния] Усть-Нарова, Гутербург, дача Страннолюбского²⁰.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2191. Л. 8–9.

¹⁶ Хрущов Иван Петрович (1841–1904) — историк литературы, публицист, попечитель Харьковского учебного округа (1896–1899).

¹⁷ Сведений обнаружить не удалось.

¹⁸ Максимова Екатерина Ивановна (урожд. Сенская; 1857–1905) окончила историко-филологический факультет ВЖК в 1893 г., в библиотеке проработала до 1897 г.

¹⁹ Быстрова (Рыбалка) Прасковья Петровна — выпускница историко-филологического отделения 1897 г.

²⁰ Страннолюбский Александр Николаевич (1839–1903) — русский педагог и общественный деятель. Преподавал на ВЖ(б)К математику, разработал план коммерческих курсов для женщин, с общим гимназическим образованием.

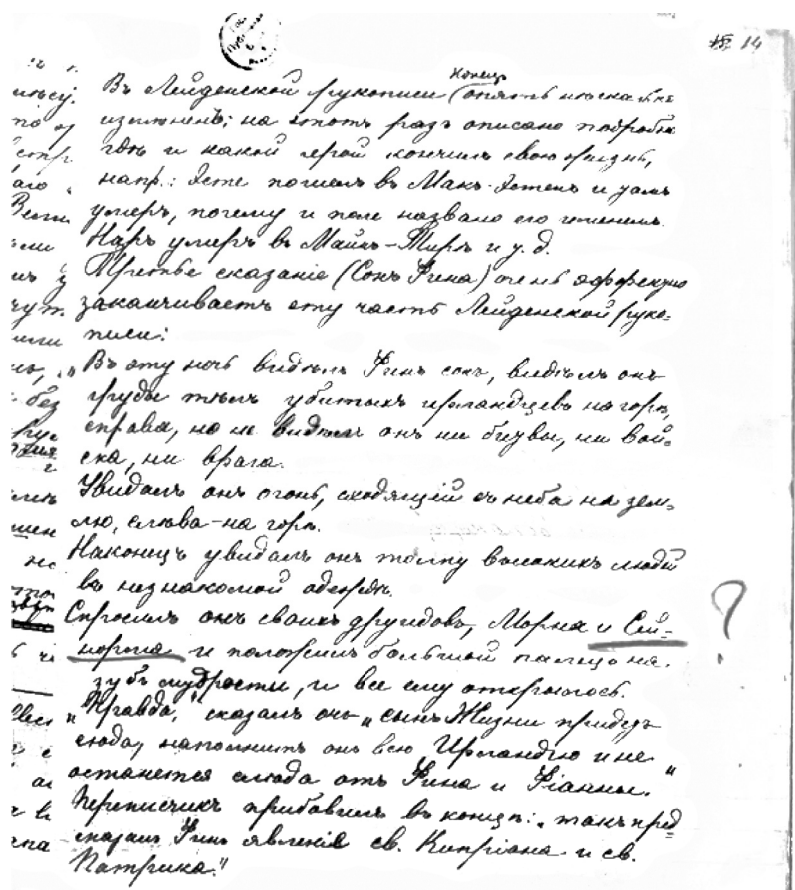

Рис. 5. Лист Е.В. Балобановой, с пометой С.Ф. Платонова

№ 7

Е.В. Балобанова С.Ф. Платонову

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Спешу поблагодарить Вас за Ваше извещение и вообще за все дело. Мы, с Петерсон, совершенно уверены, что все сделалось так скоро и так благополучно лишь благодаря Вам.

Трудно встретить более доброго и более расположенного к людям человека как Вы! Искренно преданная Вам Е. Балобанова.

1896 1/ VIII.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2191. Л. 10.

№8

Е.В. Балобанова С.Ф. Платонову

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Сегодня я кончила постановку библиотеки Замысловского²¹ и должна приступить к каталогу. Рубрики Замысловского казались мне для нашей библиотеки слишком мелкие, но тем не менее, без Вашего согласия я не изменила бы их, но вот что случилось:

²¹ Замысловский Егор Егорович (1841–1896) — российский историк, чл.-кор. АН. Библиотека содержала книги и статьи, посвященные исследованию истории XVII столетия, старообрядчества, исторической географии, взаимоотношениям России с европейскими государствами, а также работы о Петровской эпохе. После смерти ученого в 1896 г. его наследники решили продать книжное собрание. Коллекция насчитывала четыре тысячи томов и тысячу брошюр и была приобретена библиотекой Высших женских курсов.

Дамы, принимавшие библиотеку, уничтожили все рубрики, подложив карточки по алфавиту, а заглавные листы рубрик, по признанию В.И. Искуль²², они кажется потеряли, считая их ненужными.

Мне хотелось бы привести за лето в порядок отдел русской истории, а потому не найдете ли Вы удобным, чтобы я держалась рубрик Иконникова при составлении каталога, если же Вы хотите другого разделения, то, пожалуйста, сообщите.

При постановке библиотеки я держалась общей нашей системы «под рост», тем более, что несмотря на все предположения укладывать ее как она стояла у Замысловского, второпях (библиотека была принята в два дня), ящики смешались, дополнялись и т.п., кроме того, три шкафа не установились: два пошли под справочные книги вообще, а третий вынесен наверх и, когда я приступила к приему книг, они не имели никакого порядка и стояли в полном беспорядке. Ек[атерина] Ив[ановна] сказала мне, что один только шкаф у Замысловского стоял отдельно и заключал в себе все сочинения по расколу — в этом шкапу действительно оказались три полки сочинений по расколу и я их не тронула, но за неимением места, остальные полки пошли под общую систему. Один шкаф отведен мною для сочинений разрозненных, их надо бы пополнять постепенно. Искренно преданная Е. Балобанова.

18 мая 1897 г. Торговая, 25/34.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2191. Л. 19–20 об.

№ 9

Е.В. Балобанова С.Ф. Платонову

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Вот что случилось: слушательница Королькова²³ предъявила мне сегодня длинный список нужных для работы сочинений, почти все было в разборе, кроме Самоквасова²⁴ и Линченки²⁵. Но, так как слушательницам I курса мы выдаем лишь по одной книге: 75% утраченных и невозвращенных книг выпадает на этот курс, то таковое распоряжение состоялось еще в [18]87 г. и затем подтвердилось В.П. Кулиным²⁶ в [18]93; то я и просила Королькову вернуть числящуюся за ней книгу и взять пока Самоквасова, а затем я сказала, что переговорю с Вами и будет нужно передать ей и Линчинку и подберу Соловьева (в библиотек[е] Замысловского есть два печатных экземпляра Соловьева). Королькова была совершенно согласна на это, но через час вернула числящуюся за ней книгу и потребовала, чтобы ее вычеркнули из библиотечного списка.

Я не обратила бы внимания на капризы слушательницы, мартиролог²⁷ мой в данном случае велик, но так как это дело связано с ее работой и мне неприятно лишать девочку необходимых пособий, то я и сообщаю Вам об этом на Ваше усмотрение.

Искренно преданная Е. Балобанова. [1899]

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2191. Л. 15–16.

№ 10

Е.В. Балобанова С.Ф. Платонову

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Вчера специалисты — инженеры и профессора заявили, что перевозить библиотеку до осени невозможно: по измерениям оказалась большая сырость. Так что

²² Искуль фон Гильденбандт Варвара Ивановна (1850–1928) — баронесса, известная петербургская благотворительница, общественная деятельница, писательница, была членом Комитета Общества для доставления средств ВЖ(Б)К с 1888 г. С 1897 г. заведовала библиотекой.

²³ В списке окончивших Курсы значится Королькова (Дмитриева) Евгения Николаевна, выпускница физико-математического отделения 1903 г. Следовательно, на первый курс она поступила в 1899 г.

²⁴ Самоквасов Дмитрий Яковлевич (15 [27] мая 1843, Малотечь, Новгород-Северский уезд, Черниговская губерния, Российская империя — 5 [18] августа 1911, Москва, Российская империя) — русский археолог, историк права, архивовед.

²⁵ Возможно, описка. Предположительно, Иван Андреевич Линниченко — русский историк, славист, археограф, педагог, профессор (1895), член-корреспондент Петербургской (1913) и Краковской академий наук.

²⁶ Кулин Василий Петрович (1822–1900) — русский педагог, с 1889 по 1894 гг. был директором ВЖ(Б)К.

²⁷ Мартиролог — каталог или список мучеников и других святых и беати, расположенных в календарном порядке их годовщин или праздников.

решено начать перевозку с 15 августа, причем я рассчитала, что переноска книг и расстановка их по возможности в том же порядке, как они стоят, займет от 20 до 35 дней.

Но комитет О[бщест]ва во главе с С.Ф. Ольденбургем²⁸ заявили мне, что постановка книг должна быть радикально изменена: у нас книги стояли по росту, теперь они должны стоять и по росту, и по отделам, намечено 149 р.

Причем С.Ф. Ольденбург, поговорив с Кресбером²⁹ и акад[емическим] библиотекарем, сказал мне, что по их мнению исключение книг из одного каталога, запись ее в другой — поместный, постановка ее на соответственную по формату и отделу полку должна занять 2 минуты (мне казалось бы три). Таким образом, это 26 т[ысяч] томов получается при 2-х минутах 52 т[ысяч] минут, т.е. 866 с часов, при 6-ти часовой работе в день непрерывной, к[а]к на фабрике у машины — 144 с дробью дней: т.е. 5 месяцев с лишком, включая праздники. Но все это время библиотека будет закрыта для слушательниц³⁰.

Правильна ли такая постановка вопроса? Если бы могли довольствоваться сначала прежней системой, а затем постепенно, имея 4-го библиотекаря, путем исключений могли бы достичь того же идеала положить в 1 ½–2 года, не закрывая при этом библиотеку так надолго. Не лучше ли бы было? Я еще ни с кем не говорила, ни с директором, ни с профессорами, а обращаюсь к Вам за советом: бороться ли мне с ветряными мельницами? Причем должна заявить, что борьба у меня, вероятно, окажется непосильная и Ольденбург все-таки в конце концов победит и слушательницы останутся с сентября по январь или по февраль без возможности работать!

Искренно преданная Е. Балобанова. [1900 г.]³¹

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2191. Л. 17 об.–18 об.

№ 11

Е.В. Балобанова С.Ф. Платонову

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Я позволила себе дать Глаголевой³² не все те книги, которые Вами были назначены, потому что она девица очень неаккуратная. Я ей выдала лишь те, от которых у нас имеются дубликаты и не дала ни Бильбасова³³, ни Шильдера³⁴.

Я принуждена так действовать ввиду того, что за последние годы необычайно возрастает процент невозвращаемых книг из числа взятых на имена профессоров, как в прежний сезон, так и на лето.

За каждым почти профессором числятся по несколько взятых и невозвращенных книг за 1897 по 1902 г. и надежды на возвращение таких из них нет никакой.

Ваши ученицы наиболее аккуратны, но и то пропала Книга Степенная за Царевской³⁵, в 1899 г. один экземпляр Боярской Думы, передаваемый из рук в руки, исчез бесследно; пропал при занятиях в группах в позапрошлом году Беляева³⁶ и Семевский³⁷ (у нас есть по два дубляжа).

Слушательницы, берущие книги на имена профессоров, кроме того, никогда не считаются ни с количеством книг, которые могут отпущаться в одни руки,

²⁸ Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) — историк, востоковед, ординарный академик АН, непреходящий секретарь АН (1904–1929).

²⁹ Сведений обнаружить не удалось.

³⁰ Речь идет о перемещении библиотеки в новый корпус.

³¹ Год установлен по времени перемещения библиотеки в новое помещение (к 15 октября 1900 г.). В это же время сложил с себя полномочия заведующего библиотекой С.Ф. Ольденбург.

³² Глаголева Татьяна Матвеевна — выпускница историко-филологического отделения 1907 г.

³³ Бильбасов Василий Алексеевич (1837–1904) — русский историк и публицист, специалист по правлению Екатерины II.

³⁴ Шильдер Николай Карлович (1842–1902) — русский военный инженер и историк, специалист по политической и военной истории России конца XVIII – первой половины XIX века, директор Публичной библиотеки с 1899 г.

³⁵ Царевская Елизавета Сергеевна — выпускница историко-филологического факультета 1904 г.

³⁶ Беляев Иван Дмитриевич (1810–1873) — русский историк, археограф, коллекционер.

ни со сроками, определенными для возвращения их, за которыми числятся книги в 1899 г.

«Книга у меня, она мне нужна», — говорят они и делу конец. Если же слушательница берет обыкновенным порядком на свое имя, то она обязана возвратить книгу перед отъездом; если же она берет ее на лето под залог, она ограничена и количеством, и сроком возвращения. Из книг последней категории никогда не пропало ни одной.

После же того, как оказались разрешенными коллекции справочных книг по химии, для пополнения которых нами затрачено 900 руб., я принуждена особенно внимательно относиться к спискам книг, требуемых слушательницами на имя профессора, а со своей стороны могу только покорнейше просить самих гг. профессоров избегать давать разрешение на получение книг из библиотек на свое имя.

Извините, что беспокою. Преданная Вам Е. Балобанова. Мой поклон Надежде Николаевне. 1903 25/ IV.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2191. Л. 11–12 об.

№ 12

Е.В. Балобанова С.Ф. Платонову

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Колубовская³⁸ откликнулась на мое сообщение и берет к себе издания О[бщества] окончивших, если члены изд[ательской] ком[иссии], находящиеся в Петербурге, ничего не возразят, а также кроме Т.А. Богданович³⁹, кажется, не имеется в настоящую минуту.

У меня продано несколько экземпляров «Смутного Времени», из последней, имеющейся у меня пачки — не зайдете ли Вы в библиотеку, когда будете на Курсах в сентябре, чтобы за них рассчитаться, или отложите до окончательной продажи всей пачки, особенно, вероятно, это не замедлит. Как хотите.

Пользуясь случаем, чтобы поздравить, если не Вас, то Педагогические Курсы с Вашим назначением⁴⁰ — отныне их возрождение вне сомнения, возрождение, о котором так долго и так бесплодно хлопотал мой покойный друг А.Н. Страннолюбский⁴¹.

Всегда Вам искренно преданная Е. Балобанова. 25/ VIII. 1903.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2191. Л. 13.

№ 13

Е.В. Балобанова Н.Н. Платоновой

13/VI. 1910 г.

Дорогая Надежда Николаевна, мы были очень рады получить Ваше письмо и узнать, что Вам хорошо на Селигере: у нас все время шел спор после того, к[ак] Сергей Федорович сказал мне о Вашем выборе дачи. Ольга Мих[айловна]⁴² уверяла, что это место, должно быть, и гористое, и сухое, а я, не очень веря ее географическим познаниям, утверждала, что это начало Волги, вытекающей из болот и, следовательно, болотистое, плоское. В данном случае я рада победе ее познаний. Вероятно, ведь и Нина Сергеевна⁴³ с Вами, таким образом, и все в сборе, кроме хорошенького отрезанного ломтика, но зато она наверное будет счастлива и Вам придется привыкать

³⁷ Семейский Василий Иванович — русский историк либерально-народнического направления.

³⁸ Алексеева (Колубовская) Наталья Алексеевна — выпускница физико-математического отделения 1889 г.

³⁹ Криль (Богданович) Татьяна Александровна (1873–1942) — писательница, переводчица, историк, выпускница историко-филологического факультета 1896 г.

⁴⁰ Речь идет о назначении С.Ф. Платонова директором Женского педагогического института.

⁴¹ Балобанова Е.В. Александр Николаевич Страннолюбский // Об-во для доставления средств Высшим женским курсам. Отчет за 1902–1903 гг. СПб., 1904. С. III–VII.

⁴² Петерсон Ольга Михайловна. (1857–1920) — российская писательница, переводчица, литературовед, педагог. Окончила в 1882 г. курс на ВЖ(Б)К, содержала частное женское учебное заведение II разряда, учитель Коломенской женской гимназии, до 1891 г. занималась литературной работой и переводами.

⁴³ Дочь Платоновых, вышла замуж за Б.К. Краевича 9 мая 1910 г.

к таким сокращениям семейного очага. У меня есть друзья, Даниловы, очень старо-заветная семья, смешно сказать, супруги не расставались ни на один день в течение 30 л[ет]: у них 7 дочерей и сын. Начался семейный перелом: одна дочь уехала — вышла замуж — в Петрозаводск, другая — во Владивосток, третья — в Могилев, четвертая порадовала близостью — в Кронштадте, пятая вышла за студента и пока еще здесь. Остались две. Теперь мать начала вести кочевой образ жизни; то одна родит, то другая — ко всем надо приехать, расставания теперь для нее не существуют и бедный Данилов садится обедать втроем, вечер проводит одиноко и уверяет, что скоро умрет от тоски. Теперь решено, что каждая дочь с чадами и домочадцами будет гостить у родителей по очереди, очередь начала Владивостокская дочь и отец просил. Надеюсь, что Ваши девицы, выходя замуж, не будут уезжать в такие далекие стороны.

Мы с Ольгой Мих[айловой] все еще здесь и, Господи выси, когда удастся уехать и даже придется ли, так как мы могли бы располагать июнем месяцем с небольшой добавкой июля, но пока и думать нечего. Ныне первое лето библиотека открыта до 15-го июля и закрывается только на один месяц с 15-го июля до 15 августа. Я не знаю к[а]к это будет, сколько народу будет ходить и т.д., а между тем в первую очередь дежурит Петрушевская⁴⁴, весьма особа недоброкачественная и, если бы я не ходила в библиотеку, то и она бы, наверное, перестала ходить и теперь все твердит: «не стоит — всего 6–7 чел[овек] зайдет от нечего делать». Фаусека⁴⁵ и Гревса⁴⁶ нет в Петербурге, а они-то главное и настаивали на открытие библиотеки. Вторая очередь — Тихоновой⁴⁷, очень добросовестной и милой, но крайне болезненной, и я не могу решиться оставить на одну нее все дело, тем более, что и главный сторож мой уехал в отпуск.

Дома мы тоже все не наладились, наши комнаты надо уступить классам, и мы решили взять для себя под спальни крайние комнаты, в которых жила экономка и прислуга. Но Н.А. Кашерининова⁴⁸ восстала: комнаты на С[евере] В[остоке] и одна из них имеет 3 наружных стены; решили остаться в своих комнатах и сделать кое-какую довольно, впрочем, радикальную переделку в других. Но ввиду того, что мы живем по Торговой ул[ице] больше 25 лет, меняя только №№ домов, и что наша гимназия очень дешевая по ценам, народу к нам идет много и Ольга Мих[айлова] целые дни с аршином в руках желает перевести волка, козу и капусту очень мечтает, без всякого правда основания, что в другом какая-то дама, квартира которой выходит на нашу лестницу, уедет. Я умоляю ее постараться скорее примирить волка, козу и капусту, а не мечтать попусту, но не сердимся и выходит «сладкость словестных отношений», к[а]к говорит Терешин⁴⁹.

Антонина Васильевна⁵⁰ в мае наняла в нашем доме очень хорошенькую квартиру, мы хотели сами ее нанять для себя, но она передавалась немедленно в мае, охотников на нее была масса, а у нас не было лишних 200 руб., я ее и взяла для Ант[онины] Вас[ильевны]. Ант[онина] Вас[ильевна] свои вещи перевезла к нам, а все остальное сладили в складе, она теперь в Крыму и вернется к 1-му июля, она

⁴⁴ Петрушевская Наталья Федоровна — выпускница физико-математического отделения ВЖК (1887 г.). Преподавала в воскресных классах для взрослых работниц Императорского Технического общества, переводила с немецкого статьи по физике (в том числе для Энциклопедического словаря Брокгауза-Ефрона). Помощница библиотекаря в библиотеке ВЖК с 1901 по 1902 и затем с 1903 по 1918 гг. Активно участвовала в составлении и редактировании печатного Каталога библиотеки ВЖК (физико-математический отдел).

⁴⁵ Фаусек Виктор Андреевич (1861–1910) — русский профессор зоологии, энтомолог, пропагандист женского образования, профессор Женского медицинского института и директор ВЖ(Б)К.

⁴⁶ Гревс Иван Михайлович (1860–1941) — историк-медиевист, общественный деятель, профессор. (1903–1923, 1934–1941) Петербургского/Петроградского/Ленинградского университета.

⁴⁷ Тихонова Евгения Гавриловна (1880–?) — выпускница историко-филологического отделения ВЖК (1906 г.). Помощница библиотекаря в библиотеке ВЖК с 1906 по 1918 гг.

⁴⁸ Кашерининова Надежда Александровна (1870–1920) — выпускница ВЖ(Б)К 1896 г. физико-математического отделения, доктор медицины, врач Обуховской больницы.

⁴⁹ Терешин Сергей Яковлевич (1863–1921) — физик, педагог. Преподавал в Политехническом институте, ИПС, на ВЖК (1894–1918), профессор Военно-медицинской академии (с 1900 г.)

⁵⁰ Савицкая Антонина Васильевна — выпускница историко-филологического отделения ВЖК (1896 г.). Помощница библиотекаря в библиотеке ВЖК с 1905 по 1918 гг. Об участии в Конгрессе лаконично говорится в Отчете 1909–1910. С. 68–69.

дежурит с 1-го по 15-е июля. За это время устроимся по своей квартире и уедем за границу. Меня хотели Комитет и Совет послать в Брюссель на библиотечный конгресс⁵¹, но мне очень не хотелось; пришлось бы готовить доклад и из Балобановой превращаться, в смысле наружного вида, в почтительную даму — одним словом, тормозиться, хлопотать и т.д., а Ант[онина] Вас[ильевна] все равно собиралась ехать на свои деньги, ей это интересно и не ответственно, — и предложила послать ее делегаткой и не тратить на меня денег — они и согласились. Я ей дам всякие инструкции, фотографии и т.д.

Вы, вероятно, слышали, что у Гревса умерла от базедовой болезни⁵² младшая дочь и что старшая⁵³ тоже плоха. Они вдалились в полный мистицизм, уехали в Бретань в Финистер, самое кладбищенское место, la Bretaque bretonnanle⁵⁴, где лучшие места отведены мертвым, самые цветущие сады кладбища, — где все прошлое и будущее в смысле будущей жизни. Я очень удивилась этому выбору, когда Ольга Михайловна была больна базедовой болезнью, доктора предписывали оперетку, водевили, развлечения, а уж никак не мрачные картины. Но это отвечает настроению, ответил мне Гревс, — приятно думать, что смерть есть только переход, что свидание там существует. Подумайте, как я удивилась, — еще не так давно называл он мои легенды мракобесием, как все меняется! Но, разумеется, такое примирение, такая надежда спасает и может быть, им будет легче. Потому что мрачное настроение биологов Фаусеков — ужасно, — у них нет ведь ничего кроме биологических гипотез — ни веры, ни надежды — ничего! Говорят, Юлия Иван[овна]⁵⁵ заболела психически и старшие дети попутно.

Будьте здоровы, искренний привет от нас обоих всему семейству.

Преданная Вам Е. Балобанова/Автограф/⁵⁶.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5771. Л. 3–7 об.

№ 14

Е.В. Балобанова Н.Н. Платоновой

8/ VIII. 1910.

Дорогая Надежда Николаевна, Вы, вероятно, еще не скоро вернетесь домой, а потому я и пишу Вам в Ваше «прекрасное далеко». Не знаю получили ли Вы карточку Ол[ьги] Мих[айловны] из Нарвы, куда она ездила вздохнуть и, кстати, переговорить с нашими учительницами — их там целых 5, и надо сделать кое-какие перемены. Я же все время в хаосе приготовления к ремонту, который ещё в самом зачаточном виде. Теперь все же есть просвет: мы для себя лично наняли очень милую квартирку над Савицкой и в связи со школой — на солнечную сторону и вообще очень милую, но и она ремонтируется. На Курсах еще хуже: никакого начальства и никакого низшего персонала — ни управляющего, ни вахтера — никого.

Я целое лето все хороню: похоронили Воронину; Фаусека (очень неожиданно), жаль Юлию Ив[ановну] — его жену — она имеет вид совсем помешанный; похоронили и юношу Понютина, сына моего большого друга детства; вчера, наконец, тезку Сушову⁵⁷. Все кажется, что скоро и мой черед.

Поздравляю с именинницей Нат[алью] Сер[геевну] и желаю Вам всем всего самого лучшего. Наш привет всему семейству. Отдохнул ли Сергей Федорович? Всем Вам преданная Е. Балобанова/Автограф/

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5771. Л. 8–8 об.

⁵¹ Конгресс проходил 25–27 августа 1910 г. В работе конгресса приняли участие 542 делегата из 26 стран. Работали секции: «Архивы», «Библиотеки», Коллекции, находящиеся в архивах и библиотеках», «Народные библиотеки».

⁵² 17 мая 1910 г. скончалась 16-летняя Александра. Ее заболевание также известно как токсический диффузный зоб или болезнь Базедова, является аутоиммунным.

⁵³ Гревс Екатерина Ивановна (1887–1942) — дочь И.М. Гревса

⁵⁴ Бретонский бретонец — фр.

⁵⁵ Фаусек Юлия Ивановна (Андрусова; 1863–1942) — русский педагог в области дошкольного воспитания и начального образования. Первая в России женщина, ставшая зоологом беспозвоночных.

⁵⁶ Письмо адресовано в г. Осташков, Тверской губ., Свапуца, имение кн. Шаховских. Ея Превосходительству Надежде Николаевне Платоновой.

⁵⁷ Сушова Екатерина Александровна (урожд. Козлова) (1832–1910) — педагог, писательница.

Рис. 6. Библиотека Курсов, на почтовой карточке, на которой написано письмо № 4. На дальнем плане, вероятно, сидит Е.В. Балобанова⁵⁸

Искренно преданная Е. Балобанова/Автограф/⁶⁰
ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5771. Л. 11.

№ 15

Е.В. Балобанова Н.Н. Платоновой

6/2. 1911 г.

Дорогая Надежда Николаевна,

Мы с Ольгой Мих[айловной] с ужасом прочитали сегодня об обструкции, которой подвергся вчера Сергей Федорович и очень обеспокоились насчет его глаз.

Будьте добры, если только возможно, написать мне два слова насчет состояния его здоровья. Поверьте, что не банальное любопытство или вежливость диктуют мне это письмо, а наше искреннее сочувствие и неизменное глубокое уважение наше к нему.

Преданная Вам Е. Балобанова /Автограф/.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5771. Л. 10.

№ 16

Е.В. Балобанова Н.Н. Платоновой

6/3. 1911 г.

Дорогая Надежда Николаевна,

У меня маленькое воспаление легких, но большая температура, поэтому я никак не реагировала на оба Ваши семейные события.

Очень поздравляю, но неужели Вам придется отпустить Веру Сергеевну т[а]к далеко⁵⁹?

Петерсон, разумеется, присоединяется к моим поздравлениям, она теперь совсем измучена на два фронта: и в гимназии днем, и со мной ночью, т[а]к к[а]к ночью я особенно глупею.

№ 17

Е.В. Балобанова Н.Н. Платоновой

2/XI. 1911 г.

Многоуважаемая Надежда Николаевна,

Я получила Ваше письмо в понедельник, но с отчетами первых чисел закружилась и не поблагодарила Вас и Сергея Федоровича за хлопоты о нас.

Мы нашли одну из курсисток, знакомую Ложиной, со всеми 3-мя царствами природы, и были рады, что она согласилась их сообщать нашим девочкам. Теперь пока из педагогич[еского] института у нас Зернина и Сталбович (по мужу), она не кончила института, пробыла 3 года, но кончала у нас. Обе они, несмотря на молодость, превосходны, весь материал у них в голове, к[а]к говорил Шерер⁶¹ «tout Paris dans leur roche»⁶². Это очень драгоценно.

⁵⁸ Впервые опубликовано: Востриков А.В. С.Ф. Платонов и судьба библиотеки Е.Е. Замысловского // Труды Государственного Эрмитажа: судьбы книжных собраний России до и после революции 1917 года. Мат-лы междунар. науч. конф. 2022. Санкт-Петербург: изд-во Государственного Эрмитажа. Т. 111. Ч. 1. С. 103–115.

⁵⁹ Дочь Платоновых вышла замуж за Н.Н. Шамонина, которого отправили к месту службы во Владивосток. Выезд состоялся 26 мая 1912 г.

⁶⁰ Сохранился конверт с адресом: «Здесь. Петербургская сторона. Малая Посадская, 26. Ея Превосходительству Надежде Николаевне Платоновой» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 5771. Л. 12)

⁶¹ Шерер В. (1841–1886) — немецкий филолог, историк литературы. Профессор Венского, Страсбургского, Берлинского университетов, член Берлинской академии наук.

⁶² Весь Париж в их кармане — фр.

Изгнанную Мышецкой⁶⁶ из Ивановского училища⁶⁴ (Человеколюб[ивого] О[бщест]ва) старенькую педагогичку, которая ушла в Иванов[ское] учил[ище] с 5-летнего возраста, там училась, оттуда ходила на Курсы и там учила, мы к счастью нашли возможным устроить у нас, все ей подспорье. Ей дали пенсию, кажется, в 40 руб. в м[еся]ц. У нас ей пока придется 35 р[уб.] Все же Мышецкая ужасна! Ольга Мих[айловна] очень благодарит Сергея Федоровича. Вам привет от преданной Е. Балобановой /Автограф/

О[льга] Мих[айловна] сама хотела писать Вам, но сегодня она лежит, а главное у нас всего одна карточка на весь дом и ни клочка бумаги!

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5771. Л. 13–13 об.

№ 18

Е.В. Балобанова Н.Н. Платоновой

21/ IX. 1912 г.

Дорогая Надежда Николаевна,

Если не ошибаюсь, сегодня у Вас семейный праздник, поэтому начну письмо с искреннего пожелания Вам всем всего самого лучшего, чего, несомненно, вы вполне заслуживаете, к[а]к сами по себе, так и Вашей деятельности.

Получила Ваше письмо и позволила распорядиться, Вы не сердитесь, я передала стихи, почему они стихи — я не знаю, одной доброй душе, которая состоит в издательской комиссии: туда валят массу всякого такого материала, а там обещают (это ничего не стоит), что когда будут деньги, то издадут — если это статья или стихи, то в общем сборнике, если же книга, то книгой. Краснопевцева, именно, то лицо, которому я передала стихи, даже вызывается написать Потапенко⁶⁵ письмо в таком смысле: Приняли и когда будет набираться сборник из произведений бывших слушательниц, то поместит и их, но что де теперь нет пока денег и мало материала.

Если Вам эта моя затея не нравится, сообщите, стихи возьму обратно. Кажется, это лучший исход, а Вы можете ей ответить, что всегда в редакциях нигде стихов не принимают, что совершенная правда, кроме стихов уже известных поэтов и даже не читают, до того редакции завалены всяким декадентством и иным сором.

Искренно преданная Е. Балобанова /Автограф/.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5771. Л. 15–16 об.

№ 19

Е.В. Балобанова Н.Н. Платоновой

27/ IX. [1912] г.⁶⁶

Дорогая Надежда Николаевна,

К удивлению, Ветвеницкая⁶⁷ приняла горячее участие в моем проекте и напишет доузеи[?] и обещания Потапенки. Только ведь и надо?

Мне казалось, что Ваш Миша родился 21 сентября⁶⁸. Не знаю, отчего я это выдумала.

Искренно Ваша Е. Балобанова /Автограф/

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5771. Л. 23.

⁶³ Мышецкая Зинаида Аркадьевна (?— после 1917) — княгиня, в 1903–1904 гг. — инспектриса Высших женских курсов и 10-й СПб гимназии, была начальницей Ивановского девичьего училища в Санкт-Петербурге с 1912 по 1917 год.

⁶⁴ 1 июня 1833 г. на свет появляется пятая девичья школа — «Ивановская» (названа в честь благотворителя Степана Григорьевича Иванова. 12 сентября 1871 г. Ивановская девичья школа переименована в Ивановское девичье училище.

⁶⁵ Потапенко (Лампси) Елена Николаевна — выпуск 1886 г. ВЖ(Б)К, историко-филологическое отделение.

⁶⁶ Год установлен по содержанию предыдущего письма.

⁶⁷ Ветвеницкая Наталья Александровна — составитель «Памятной книжки окончивших курс на С.-Петербургских высших женских курсах 1882–1889, 1893–1903 гг.»; Автор брошюры «Общество вспоможения окончившим курс наук на С.-Петербургских высших женских курсах 1893–1903 гг.».

⁶⁸ Михаил родился 14 августа 1899 г.

№ 20

Е.В. Балобанова С.Ф. Платонову

29/X.1912.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

Приношу Вам искреннюю благодарность за обе книги, подаренные мне.

Вместе со мной приносят Вам свою почтительную благодарность и наши учительницы по русской истории — Федоровская⁶⁹ и Полякова⁷⁰: особенно Федоровская, которая всегда отнимает у меня все Ваши книги, пока я не опомнилась и не запротестовала. Она находит, что вне Ваших работ по русской истории негде искать правды.

Приношу мою сердечную благодарность Надежде Николаевне и Нине Сергеевне за их доброту ко мне.

Искренно преданная Вам всем Е. Балобанова.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2191. Л. 14–14 об.

№ 21

Е.В. Балобанова Н.Н. Платоновой

21/3 1914 г.

Дорогая Надежда Николаевна,

Разумеется, будем очень рады, если Вы к нам приедете.

Мы в праздники почти что никогда не двигаемся.

Искренно Вам преданная Е. Балобанова /Автограф/

Лермонтовский просп[ект], второй подъезд по Лермонт[овскому] (От Торговой) кв. 12, внизу, одна только и есть.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5771. Л. 18.

№ 22

Е.В. Балобанова Н.Н. Платоновой

27/IV 1914 г.

Дорогая Надежда Николаевна,

Я отослала назад стихи Потапенко со следующим письмом: «Надежда Никол[аевна] передала в Издательское бюро ваши стихи, потому к[а]к в настоящее время бюро больше не существует, то издавать их в каком-либо нашем сборнике невозможно. Издательское бюро, основанное еще при жизни Надежды Вас[ильевны] Стасовой⁷¹, успело издать 3 книги, из которых последняя несмотря на то, что автор отказался от всякого гонорара (к[а]к и предыдущие) и заплатил за 2/3 расходов по изданию, все-таки не пошла, то председательница издательской Комиссии Максимова⁷², очень близко стоявшая к Курсам, решила собрать кружок переводчиц и издавать переведенные книги нужные курсисткам. Дело, кажется, начало улаживаться, но Максимова умерла и все распалось. Возложено было это дело на Лаврову⁷³, но она вышла замуж, уехала куда-то. Теперь все изменилось, типография и бумага вздорожали втрое, а рисковать деньгами О[бщест]ва Вспоможения, которое и само очень нуждается — не решилось Правление. Попытки наши передавать работы бывших слушательниц в разные книгоиздательства и редакции не увенчались успехом: везде нужна протекция, а главное знакомство, которого у нас, разумеется, нет. Поэтому

⁶⁹ Федоровская (Крылова) Анна Андреевна — выпускница историко-филологического отделения 1885 г., сокурсница Н.Н. Платоновой.

⁷⁰ Вероятно, речь о Сулим (Поляковой) Антонине Георгиевне — выпускнице историко-филологического отделения 1899 г.

⁷¹ Стасова Надежда Васильевна (1822–1895) — общественная деятельница, деятельница женского образования. Распорядительница на ВЖК (с 1878 г.), член комитета «Общества для доставления средств ВЖК», председательница «Общества вспоможения окончившим курс наук на ВЖК» (с 1893 г.).

⁷² Максимова (урожд. Сенская) Екатерина Ивановна (1857–1905) — педагог, музейный работник. Выпускница ВЖК, преподавательница психологии и логики на ВЖК, секретарь Совета Общества вспоможения окончившим ВЖК, сотрудница Эрмитажа.

⁷³ Лаврова (Попова) Елизавета Васильевна (1871–1942) — вольнослушательница, выпуск 1893 г.

к крайнему сожалению, мы возвращаем вам ваши стихи, ибо к[а]к видите, решительно не в состоянии исполнить вашего желания». Такая-то.

Если она этим разъяснением удовлетворится, то придется ей больше не отвечать.

Хотела сама сегодня Вам завести этот ответ, послала его закрытым, но не знаю почему чувствую какое-то недомогание, что мне совсем не привычно, а потому беспокойно.

Искренний привет всему семейству.

Преданная и любящая Вас Е. Балобанова/Автограф/

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5771. Л. 20–21 об.

№ 23

Е.В. Балобанова Н.Н. Платоновой

5/I. 1915 г.

Дорогая Надежда Николаевна,

Я тщетно надеялась лично поздравить Вас с новым и, думается, лучшим годом. Но с половины декабря получила такой бронхит, что надежды выбраться из дому в скором времени решительно не имеется: моя Кашерининова⁷⁴ и ее заместитель, Гордеев, — тоже где-то далеко, а потому мы все пользуемся домашними средствами и дело идет медленно. Бедная Петерсон не выходила до сегод[яшнего] дня на улицу, все караулила, чтобы я не наделала неосторожностей и не простудилась бы больше. Впрочем, теперь дело наладилось.

Поздравляем Вас всех с 15-м годом и желаем всем проводить его благополучно.

Кажется, 15-е года для нас были все годами «устроительства». Неправда ли?

Мой искренний привет. Сердечно Вас любящая Е. Балобанова/Автограф/⁷⁵.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5771. Л. 24.

№ 24

Е.В. Балобанова Н.Н. Платоновой

20/XI 1916 г.

Дорогая Надежда Николаевна,

Не знаю, слышали Вы о том, что с моей Ольгой Михайловной случилась беда: у нее образовался тромб и она с 23 октября лежала без языка, правой ноги и руки. Теперь начала только говорить, сначала лишь по-франц[узски] (возвращение к предкам), но теперь и по-русски, хотя часто сама себя ловит, что говорит ерунду. Вы всегда очень добры ко мне и вспоминаете меня 24-го, но ввиду нашего 5 этажа и того, что я почти не отхожу от О[льги] М[ихайловны], я буду лишена возможности Вас повидать, хотя очень хотела бы. Искренний привет всем. Сердечно Вас любящая Е. Балобанова/Автограф/ Торговая, 17⁷⁶.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5771. Л. 25.

№ 25

Е.В. Балобанова Н.Н. Платоновой

17/IX [19]17 г.

Дорогая Надежда Николаевна,

Много лет я привыкла бывать у Вас сегодня — сегодня тем более мне хочется посмотреть на вас всех. Но не удалось по очень глупой причине: за отсутствием путей сообщения ни один извозчик не соглашался везти меня в один конец менее 15 руб., а финансы мои весьма плохи, особенно при угрозе, что на Курсах финансов не будет. Ну вот я с огорчением осталась дома.

Ольга Мих[айловна] моя все по-прежнему чуть-чуть лучше и на мои старые плечи по-прежнему воздвигнуты почти непосильные тяжести.

⁷⁴ Кашерининова Варвара Александровна (1872–?) — выпускница ВЖ(Б)К 1897 г. по физико-математическому отделению, профессор Женского педагогического института.

⁷⁵ На почтовой карточке.

⁷⁶ На почтовой карточке на адрес: «Здесь. Каменноостровский 75, кв. 13. Ея Превосходительству Надежде Николаевне Платоновой».

Очень кланяюсь всем вам. До лучших дней.
Сердечно Вас всех любящая Е. Балобанова/ Автограф/⁷⁷.
ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5771. Л. 26.

№ 26

Е.В. Балобанова Н.Н. Платоновой

6/XI. [1918]⁷⁸

Дорогая Надежда Николаевна,

Редкий день, а особенно редкую бессонную ночь, я не думаю о Сергее Федоровиче, о его мудрости и вероятном благом уходе в глубокие недра истории. Думаю, что между его искренними друзьями и почитателями мало найдется таких искренно преданных ему людей, как я. Уверю Вас!

Моя Ольга Мих[айловна] все в том же виде и, вероятно, так и останется; ее состояние лучше в том смысле, что она совершенно владеет умственными способностями и речью: много недель она почти не говорила, месяца 3–4 говорила только по-французки (ее бабушка была француженка и ее отец корректный *petit-maître*⁷⁹ всегда говорил с детьми тоже по-французски), она, т.е. О[льга] М[ихайловна], руководит гимназией, но увы, сидя в кресле, ибо до сих пор ни правой ногой, ни правой рукой не владеет. Я бываю на Курсах среди дня, по понедельникам, средам и пятницам, остальные дни я всегда дома, ибо О[льга] М[ихайловна] так беспокоится, когда меня нет, и так часто и горько плачет, что я не рискую даже дойти до ближайшей лавки. Очень для меня тяжело, что она всю жизнь по характеру, по складу натуры, если можно так выразиться, была такой *femme-maître*⁸⁰, а теперь это плаксивый ребенок, а лет ей минуло недавно 60, а мне ведь идет 72-й год. Мне даже о смерти подумать нельзя, на кого все это оставить?

Гимназия идет пока хорошо, несмотря на эвакуации и разные паники: у нас 230 учениц, заведует гимназией формально Конюшевская⁸¹, выпуска 98 года, а зимой живет у нас Ходоровская⁸², выпуска, кажется, 906 г. и окончившая археологический институт. С этой стороны все недурно. Не знаю, что будет дальше.

Мы, разумеется, никуда не уезжаем и во всяком случае останемся, *quand m'importe*⁸³.

Что и где Ваш Михаил Сергеевич? Я на Курсах встретила Петухову⁸⁴, которая сообщила мне, что ее питомец уже на фронте, я вспомнила, что он ровесник Мих[айлу] Серг[еевичу] и испугалась за вас. А Ваши барышни? Впрочем, надо говорить Ваши гражданки. Пожалуйста, передайте всем мой сердечный привет. Мы с Ол[ьгой] Мих[айловной] были бы очень и очень рады повидать Вас и заглянуть по ту сторону нынешнего времени.

Сердечно Вас любящая Е. Балобанова/Автограф/

Живем в гимназии: Торговая, 17, кв. 5.

Ваше письмо дошло до меня только 2/XI.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5771. Л. 27–27 об.

№ 27

Е.В. Балобанова С.Ф. Платонову

Дорогой Сергей Федорович, спасите нас, если возможно: существует два одинаковых ужасных предложения насчет нашей библиотеки:

⁷⁷ На почтовой карточке.

⁷⁸ Год установлен по упоминанию в письме своего возраста.

⁷⁹ Щеголь — фр.

⁸⁰ Сильной женщиной — фр.

⁸¹ Конюшевская Мария Ивановна — выпускница ВЖ(Б)К 1898 г. историко-филологического отделения.

⁸² Ходоровская Ольга Константиновна — выпускница ВЖ(Б)К 1906 г. по химическому разряду.

⁸³ Все же — фр.

⁸⁴ Петухова (Митрофанова) Вера Викторовна (1874–1942) — педагог. Выпускница ВЖК, преподавательница латинского языка на ВЖК. Весной 1918 — осенью 1919 г. — приват-доцент и профессор III Петроградского университета. С 1924 г. вела занятия по латинскому языку на Высших курсах библиотекведения при Публичной библиотеке.

1. Совсем ее закрыть и таким образом обречь ее на гибель и расхищение;
2. Отдать ее рабочему факультету и тоже погубить.

Дело в том, что мы обладаем редкими по ценности изданиями: у нас вся библиотека светл[ейшего] князя Салтыкова⁸⁵ конца XVIII и начала XIX вв., вся иностранная. Кроме того, экспедиция Наполеона I со всеми атласами; documents ine'dits⁸⁶ все выписанные В.Г. Васильевским⁸⁷ по подписке — теперь их нигде достать нельзя и проч[ее].

Рабочему факультету наша библиотека совсем не подходит: она на две трети иностранная и учебников у нас из 125 тысяч томов⁸⁸ едва ли наберется несколько десятков. Что нам делать? Теперь главный библиотекарь Мурзин⁸⁹, собственно ничего в деле библиотековедения не понимающий и думая спасти университетскую от новых Омаров, кричит — отдать, закрыть и т.д. Ректор⁹⁰ о нас не имеет понятия, Мурзину вторят профессор вроде Жебелева⁹¹, который тоже не имеет понятия о нашей большой научной ценности. Мурзин находит, что при Кудряшове в университетской библиотеке работали 6 человек, а теперь у него работает — 24. При 6-ти был порядок, а теперь у него его нет. Это больше обвинение, но кого? У нас, кроме меня, три помощницы: Милорадович, которую Вы знаете, Пушкарёва, рожденная Мальцева из Столыпинских птенцов, окончившая у нас, очень энергичная и знающая, теперь она пишет историю нашей библиотеки, 3-я Надьяк — прочная мебель, которая делает то, что ей скажут, очень примерна. Мы работаем самоотверженно: уже 4 года не топят, трубы все лопнули и зимой у нас в помещении доходило до 10–12° мороза.

Мурзин говорит, что у нас надо сократить; если будут сокращать, то, пожалуй, сократят Пушкарёву, а я без нее, как без рук, но ведь нынче не разбирают, а она поступила позднее, так как Тихонова, которую она заменила, отсутствовала 2 ½ года, к[а]к вновь вышедшая замуж, по каким-то новым правилам, и мы могли пригласить Пушкарёву. Тогда Тихонова перестала получать жалование, не посещая библиотеки, то уже по моему настоянию. Курсистки берут книг немного, но профессора пользуются библиотекой весьма. Ради Бога, сделайте для нас что-нибудь!

Я составляю, когда имею время, библиографический указатель имеющихся у нас периодич[еских] изданий, где они отсутствуют по русской истории и рус[ской] литературе.

Искренно Вам преданная и всех вас любящая Е. Балобанова. [1918 г.]

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2191. Л. 24–24 об.

№ 28

Е.В. Балобанова С.Ф. Платонову

[1918 г., или позже до 1920 г.]

Дорогой и всегда, всегда добрый Сергей Федорович,

Прилагаю при сем, кроме этой краткой записки, печатный список главных работ О.М. Это ведь повредить не может.

Искренно Вас всех любящая Е. Балобанова.

Много уважаемый Сергей Федорович.

Сердечно благодарю вас за ваше доброе и незаслуженное мною ко мне отношение и участие, ведь это очень много для меня значит.

Пишу левой рукой⁹². Искренно уважающая вас О. Петерсон.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2191. Л. 21.

⁸⁵ Салтыков Николай Иванович (1736–1816) — граф, светлейший князь, видный царедворец своего времени.

⁸⁶ Неопубликованные документы — англ.

⁸⁷ Васильевский Василий Григорьевич (1838–1899) — русский византист, академик.

⁸⁸ По поводу объема книг, числившийся в библиотеке, существуют разные мнения. Например, А.В. Востриков указывал на цифру более 70 000 книг в 1914 г. [9, с. 4], А.Р. Мурадова называет 100 000.

⁸⁹ Мурзин Илья Петрович (1878–1939) — директор библиотеки Петроградского университета.

⁹⁰ Шимкевич Владимир Михайлович (1858–1923) — русский зоолог, академик.

⁹¹ Жебелев Сергей Александрович (1867–1941) — российский и советский филолог-классик, специалист в области античной истории, эпиграфики, археологии.

⁹² Правая рука Петерсон не работала после 23 октября 1916 г.

⁹³ Год устанавливается по содержанию письма.

№ 29

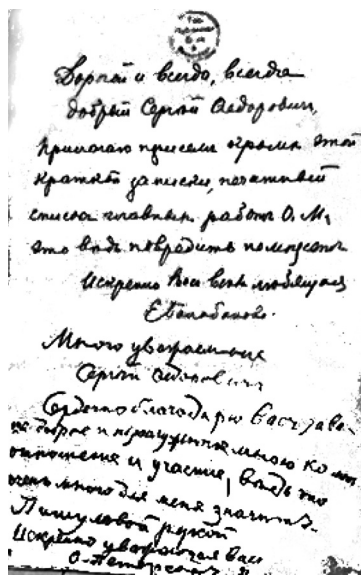

Рис. 7. Лист с письмами и автографами Е.В. Балобановой и О.М. Петерсон

Е.В. Балобанова С.Ф. Платонову

[1923]⁹³

Дорогой Сергей Федорович,

Прибегаю к Вам с большой просьбой и заранее извиняюсь за мою назойливость. Дело в том, что существует Ваш ученик, вернее — отец Михаил Яворский⁹⁴, настоятель церкви Св. Екатерины на Васильев[ском] острове. Он окончил археолог[ический] институт в [19]16 г. и Духовную Академию тогда же. Очень ученый и преданный своему делу человек, как таковой не «от мира сего». Теперь оказывается, что, если он останется только при своем деле, к[а]к это ни странно, он должен остаться ни при чем, т.е. ему грозит быть сосланным на повинность, даже в место, не столь отдаленное, и ему непременно надо поместиться еще куда-нибудь, кроме церкви. Он наш нижегородец (женат он на дочери⁹⁵ покойного настоятеля Казанского собора).

Имеет отец Яворский стремление к археологическим и архивным занятиям, и мы с ним мечтаем, что он может быть причисленным к Вашему Архиву, где он может быть полезен и Вам. Насчет вознаграждения это совершенно безразлично, лишь бы он мог заняться любимым делом и спастись. Свободного времени у него довольно много, он, кажется, располагает днем с 11 ч.

Зная Вашу доброту, я позволяю себе обратиться к Вам. Спасите отца Михаила, если возможно!

Искренно Вас всех любящая Е. Балобанова.

Прилагаю записку и книгу Нине Сергеевне.

Милая Нина Сергеевна,

Разбираясь в своем архиве я нашла несколько экземпляров авторских моих и Ольги Михайловны работ в Сборнике «К свету»⁹⁶ и т[ак] к[а]к там не только наши работы, но и многих других, гораздо более ценных, чем они, а поэтому, пользуясь случаем, посылаю Вам экземпляр в виде презента, м[ожет] б[ыть] пригодятся Вам некоторые работы, помещенные в сборнике. У нас библиотека не топится, а потому мы сидим только от 12 до 2-х и я совсем больна.

Очень всем вам кланяюсь. Ваша Е. Балобанова.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2191. Л. 22–23.

№ 30

Е.В. Балобанова Н.Н. Платоновой

Дорогая Надежда Николаевна,

Я переехала. Моя квартира оказалась при полке для меня дорога — больше 10 мил[лионов] в месяц и без дров, и т.п. Теперь я наняла у родственника моей прислуги (7-я линия, 64, кв. 1. очень близко к Курсам), внизу, окна на улицу — у меня 2 комнаты — вообще ничего: прислуга, кошка и я — мы довольны. Конечно, вульгаризм большой, mais que faire⁹⁷? Зато дешево: с дровами обходится мне, т.е. будет обходиться, не более 4–4 ½ мил[лионов]. У нас большой двор, дом церковный, и на дворе огород, в котором мой хозяин имеет какую-то долю.

⁹⁴ Яворский Михаил Семенович (1888–1937) — протоиерей, служил в названной церкви до ее захвата об-новленцами в 1923 г. Ситуация описана до его ареста в феврале 1924 г.

⁹⁵ В 1916 г. вступил в брак с Верой (1889–1967) — дочерью протоиерея Философа Николаевича Орнатско-го (1860–1918).

⁹⁶ «К свету» — научно-литературный сборник под ред. Ф.Д. Батюшкова и Е.П. Летковой (Султановой); среди авторов были как известные литераторы и ученые (А.Ф. Кони, Н.К. Михайловский, В.Г. Короленко, К.Д. Бальмонт и др.), так и выпускницы ВЖК.

⁹⁷ Но что делать — фр.

Когда я училась в Сорбонне, один наш профессор, филантроп, предрекал мне в жизни научный успех и большие бедствия в конце жизни. Это, пожалуй, сбывается, но могло быть и хуже: пока я работаю усердно, дома хорошо, прислуга у меня отличная. Не могу же я ныть в унисон Мережковской: хочу того, чего нет на свете. Одна из моих теток, когда ее спрашивали, как же поживаешь, она всегда отвечала «смиряюсь». Ну вот и я смиряюсь.

Получила из Академии очень для меня лестный отзыв о моих работах, которому я обязана докладчику академику Марру⁹⁸ и, разумеется, всегдашнему моему защитнику — Вашему супругу.

Бью челом всему семейству.

Всех Вас искренно любящая
Е. Балобанова/Автограф/ [1924]

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5771. Л. 29–29 об.

Рис. 8. Интерьер библиотеки ВЖ(Б)К

№ 31

Е.В. Балобанова С.Ф. Платонову

Дорогой Сергей Федорович, позволяю себе принести вам и другим Академикам глубокую благодарность за ваше и их доброе отношение к слепой старухе. Я получила вчера 50 рублей.

Искренно преданная вам. Екатерина Балобанова.

8 сентября 1924 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2191. Л. 25.

№ 32

Дорогая Надежда Николаевна, поздравляю Вас, Вам и всей Вашей семье шлю лучшие пожелания. Слышала от Татьяны Григорьевны⁹⁹ какое участие принял во мне Сергей Федорович, приношу ему за это мою сердечную благодарность.

Целую Вас и еще раз желаю всего хорошего. Преданная Вам Балобанова/Автограф/¹⁰⁰.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5771. Л. 30.

Список источников

1. Пушкарева Н.Л. Женщины-историки в России 1810–1917 годов // Вестник Пермского университета. История. 2012. Вып. 1(18). С. 228–244.

⁹⁸ Марр Николай Яковлевич (1864–1934) — российский и советский востоковед и кавказовед, филолог, историк, этнограф и археолог, академик. Вероятно, речь идет о праздновании 80-летия со дня рождения Балобановой.

⁹⁹ Речь идет о Мазюкевич Татьяне Григорьевне (урожденная Казакова; 1874 — после 1933) — выпускнице историко-филологического отделения ВЖК (1899 г.); преподавала в гимназиях в Витебске и Выборге; в 1903 г. поступила в Петербургский Женский медицинский институт, но проучилась только полтора года. Помощница библиотекаря в библиотеке ВЖК с 1906 по 1918 гг. С 1918 по 1924 гг. — старший библиотекарь и заместитель директора Государственной Вятской публичной библиотеки, с 1925 по 1933 гг. — сотрудник Библиотеки Академии наук в Ленинграде (помощник библиотекаря, библиотекарь).

¹⁰⁰ На почтовой карточке. На штемпеле дата: «29.9.26».

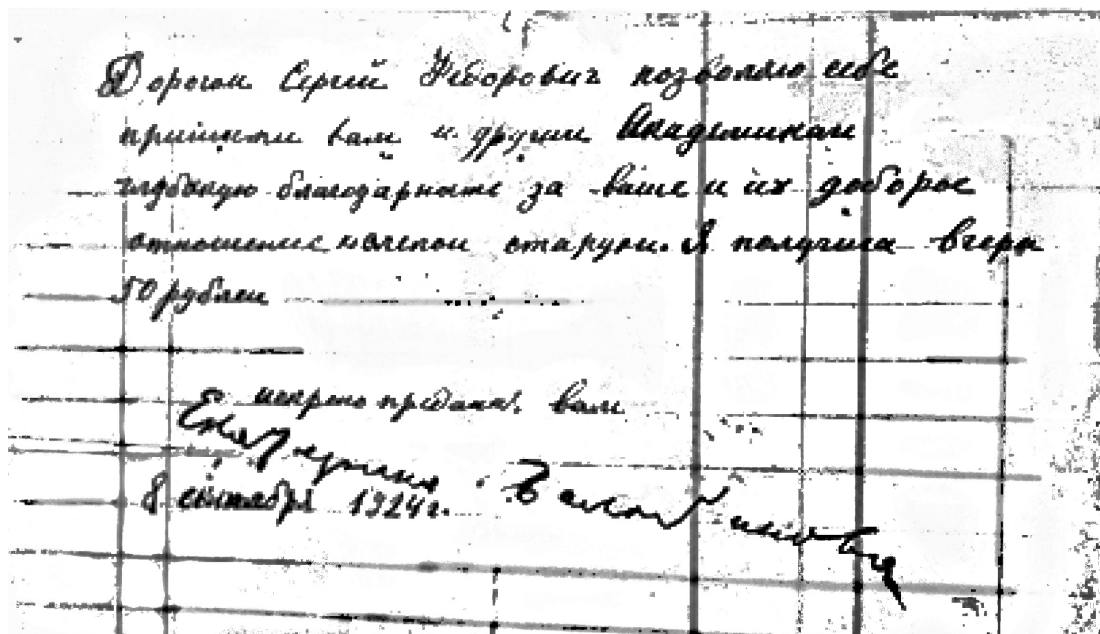

Рис. 9. Письмо, написанное писарской рукой, с автографом Е.В. Балобановой

2. Библиотечное дело Е. Балобановой, библиотекаря СПб. В.Ж. Курсов. Санкт-Петербург: Тип. И.Н. Скороходова, 1901. 38 с.
3. Екатерина Балобанова, библиотекарь Бестужевских курсов: Труды, документы, воспоминания / составитель, автор статьи и комментариев А.В. Востриков. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. 208 с.
4. Востриков А.В. Е.В. Балобанова. Записки слушательницы С.-Петербургских Высших Женских Курсов I выпуска (1882 г.) // Петербургский исторический журнал. 2015. № 4 (8). С. 226–248.
5. Подольская И.И. Балабанова Екатерина Вячеславовна // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. Т. 1. А–Г. Москва: «Большая Российская энциклопедия», 1992. С. 146.
6. Пакшина Н.А. Нижегородский Мариинский институт благородных девиц в лицах: монография. Новосибирск: Академиздат. 2022. 416 с.
7. Библиотека Бестужевских курсов: Историческая хроника в свидетельствах и документах / Сост. А.В. Востриков. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 138 с.
8. Таланова А.Н. К проблеме взаимодействия фольклора и литературы в творчестве Е.В. Балобановой // Научный диалог. 2019. № 7. С. 183–191.
9. Мазюкевич Т. Памяти Е.В. Балобановой // Библиотечное обозрение. 1927. №1–2. С. 89–92.
10. Балобанова Е.В. Кельтские повести // ЖМНП. 1889. № 12. С. 541–550.
11. Поэмы Оссиана Джемса Макферсона. (G. Macpherson Poems Ossian) / Исследование, пер. и примеч. Е.В. Балобановой. Санкт-Петербург: журн. «Пантеон литературы», 1890. 372 с.
12. Борисова И.З. Культура Бретани и трансформация культурной идентичности в эпоху глобализации // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25. № 1 (183). С. 122–129.
13. Мурадова А. Екатерина Балобанова и ее бретонские авантюры // Троицкий вариант-Наука. № 14 (333), 13 июля 2021.
14. В. Васильевский Западно-европейский эпос и средневековый роман в пересказах и сокращенных переводах с подлинных текстов О. Петерсон и Е. Балабановой [sic!]. Том второй: Скандинавия. СПб., 1898 [...]: [Рец.] // ЖМНП. 1898. № 6. С. 437–439.

15. Список печатных трудов Е.В. Балобановой [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.library.spbu.ru/bbk/exhibitions/balobanova/baltr.php>.
16. Левин Ю.Д. Из писем к Веселовскому: Е.В. Балобанова // Наследие Александра Веселовского. Исследования и материалы. Санкт-Петербург: Наука. 1992. С. примеч. 2.
17. Балобанова Е.В. [некролог] // Красная газета. 1927. 8 февраля. Вечерний выпуск. С. 3.
18. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 639. Оп. 125. Д. 7074. О прошении Губернского секретаря Вечислава Федоровича Боллобанова о присылке из Духовной Консистории метрических свидетельств на детей его сына Сергея и дочери Екатерины. Л. 4.
19. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 639. Оп. 124. Д. 5644.
20. Бредников В.К. Село Боллобанова и его владельцы // Курмыш: вернуть нельзя потерять. Сб. ст. по итогам Курмышских краеведческих чтений (22–23 августа 2022). Курмыш, 2024. С. 96–101.
21. Ростовцев Е.А. Надежда Николаевна Платонова (Шамонина): между семьей и наукой // Вестник С-Петербургского университета. 2013. Сер. 2. Вып. 4. С. 44–54.
22. Митрофанов В.В. «...а теперь готовится мне венец правды...»: Речь священника П.П. Аникиева у гроба Н.Н. Платоновой // Православие. Наука. Образование. 2019. №2(8). С. 34–45.
23. Платонова Н.Н. Дневник (1889–1921) / рук. проекта А.Н. Цамутали. Рязань. 2020. 881 с.
24. Митрофанов В.В. «Ваша на редкость счастливая жизнь»: круг корреспондентов Н.Н. Платоновой // Культурный ландшафт регионов. 2022. Т. 4. № 1. С. 26–58.
25. Митрофанов В.В. «...и я больше так жить, как жила, не могу!»: переписка Н.Н. Платоновой с племянницей Еленой (1912–1923) // Культурный ландшафт регионов 2023. Т. 5. № 3–4. С. 30–68.
26. Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов на Высших женских (Бестужевских) курсах // История Петербурга. 2008. № 6(46). С. 14–19.
27. Митрофанов В.В. Письма В.Г. Васильевского С.Ф. Платонову по редакторским вопросам «ЖМНП» (декабрь 1890 — 20 сентября 1893 г.) // Вестник Альянс-Архео. 2024. Вып. 47. С. 138–216.
28. ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2191. Л. 1–25.
29. Петрова Н.А. Книжное собрание профессора Е.Е. Замысловского в составе библиотеки Санкт-Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсов // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы / отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. Санкт-Петербург: Любавич, 2011. С. 93–100.
30. Балобанова Е.В. Кельтские повести // ЖМНП. 1889. № 12. С. 541–550.
31. Балобанова Е.В. К вопросу об Оссиановском цикле сказаний // ЖМНП. 1893. № 9. С. 253–259.
32. Востриков А.В. С.Ф. Платонов и судьба библиотеки Е.Е. Замысловского // Труды Государственного Эрмитажа: судьбы книжных собраний России до и после революции 1917 года. Мат-лы междунар. науч. конф. 2022. Санкт-Петербург: изд-во Государственного Эрмитажа. Т. 111. Ч. 1. С. 103–115.
33. Александрова-Чукова Л.К. «Единение цвета науки и Церкви...», или до Петроградского процесса 1922 г. и после «Академического дела» 1929–1931 гг. (по материалам дневников митрополита Григория (Чукова) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 4 (28). С. 324–396.
34. ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4402. Л. 43, 46 об.–47.

MITROFANOV V. «Well, I'm humbling myself»: E.V. Balobanova's written communication with N.N. and S.F. Platonov

Mitrofanov Viktor — Professor of the Department of “Civil Law Disciplines”, University at the Interparliamentary Assembly of EurAsEC, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: viktor-n1962@mail.ru

ABSTRACT

Based on published and archival materials, an attempt has been made to find out the year of birth of E.V. Balobanova, the founder of Russian library science. Her correspondence with

N.N. Platonova and her husband, an outstanding historian, is being brought into scientific circulation, which allows us to reconstruct a number of little-known facts and determine their long-term warm professional and personal communication.

Key words: Ekaterina Vyacheslavovna Balobanova, Nadezhda Nikolaevna Platonova, Sergey Fedorovich Platonov, VJ(B)K, library, celtologist, pedagogical activity, correspondence, archival materials.

科学与图书馆. 第12辑

Наука и библиотека. Вып. 12

列昂诺夫瓦。帕。

丹尼尔·弗拉基米罗维奇·列别杰夫与俄罗斯科学院图书馆
(纪念他110岁寿辰)

Леонов В.П.

Даниил Владимирович Лебедев и Библиотека РАН
(к 110-летию со дня рождения)

5

文献和研究

ДОКУМЕНТЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

布勃诺夫尼。尤。

古文献考察团作为完成科学院图书馆收藏手稿和旧印刷书籍的一种形式

Бубнов Н.Ю.

Археографические экспедиции как форма комплектования
фондов Библиотеки Академии наук рукописями и старопечатными книгами 12

费多托娃波。伊。

米海尔·瓦西利耶维奇罗蒙诺索夫是现代反诺曼理论的创始人吗

Федотова П.И.

Был ли М.В. Ломоносов родоначальником современного антинорманизма? 20

舍佩列娃叶。夫。，芭拉基娜阿。阿。

苏联科学院图书馆与加盟共和国图书馆的互动 (根据主任会议的材料)

Шепелева Е.В., Балакина А.А.

Взаимодействие библиотек Академии наук СССР и
библиотек союзных республик (по материалам совещаний их директоров) 35

别克扎诺娃奈。维。

俄罗斯科学院图书馆的分类目录：三个世纪的历史

Бекжанова Н.В.

Систематический каталог Библиотеки Российской академии наук:
три века истории 43

尤苏波夫拉。米。，武斯米。阿。

«圣彼得堡 (列宁格勒) 信息学与控制论的历史» 书院本

Юсупов Р.М., Вус М.А.

Академическое издание «История информатики и кибернетики
в Санкт-Петербурге (Ленинграде)» 52

普丽戈丽茨卡娅尤。夫。

非洲学在科学院

Пригорицкая Ю.В.

Африканистика в Академии наук 56

历史与书籍

ИСТОРИЯ И КНИГА

- 龙戈年索。莉。
18世纪上半叶斯拉夫的收藏品（芬兰国家图书馆）书院本
Ронгонен С.Л.
Академические издания первой половины XVIII века
Славянского собрания (Национальная библиотека Финляндии) 64
- 维索茨卡娅斯。夫。
圣彼得堡小大英图书馆目录：关于俄罗斯图书馆藏十八世纪的版本
Высоцкая С.В.
Каталог маленькой британской библиотеки в Санкт-Петербурге:
об одном издании XVIII века в фондах БАН 80
- 齐甘科夫谢。格。
俄罗斯图书馆藏十八世纪的前三分之一印刷的祭台布。来源，识别与归因
Цыганков С.Г.
Печатный антиминс первой трети XVIII века
из собрания Библиотеки Российской академии наук.
Происхождение, идентификация и атрибуция 93
- 德姆斯卡娅达。德。
拉丁语言历史文献的系统化在俄罗斯科学院图书馆
Дымская Д.Д.
История латинского языка и систематизация литературы о нем в БАН 104
- 科夫丽任科叶。夫。
俄罗斯科学院图书馆的巴黎古型：一些份起源简论
Ковриженко Е.В.
Парижские палеотипы в Библиотеке Российской академии наук:
замечки о происхождении некоторых экземпляров 110

杰出人物

ВЫДАЮЩИЕСЯ ЛИЧНОСТИ

- 津克维奇斯。伊。，芭拉基娜阿。阿。
秋利切夫与苏联科学院图书馆列宁格勒部自然科学与技术史研究所
(纪念第一位部主任百岁寿辰)
Зенкевич С.И., Балакина А.А.
Д.В. Тюличев и сектор БАН при ЛО ИИЕТ
(к 100-летию со дня рождения первого заведующего сектором) 117
- 沃兹涅先斯卡娅伊。阿。
彼得伊万诺维奇索科洛夫图书馆员一份图书目录在俄罗斯科学院图书馆的
稿件研究部辅助图书馆
Вознесенская И.А.
Экземпляр каталога библиотекаря П.И. Соколова
из подсобной библиотеки НИОР БАН 124

城市与人民
ГОРОД И ЛЮДИ

基谢列夫阿。阿。

关于圣彼得堡莫斯科和滨海边疆区的航空地名

Киселёв А.А.

Об авиационной топонимике Московского и Приморского районов
Петербурга

129

附录
ПРИЛОЖЕНИЕ

米特罗法诺夫维。夫。

«所以我终于俯首了»: 叶卡捷丽娜·维娅切斯拉沃夫娜巴拉巴诺娃与娜杰日达·
妮科拉耶夫娜和 谢尔格伊·费多罗维奇普拉东诺夫通信

Митрофанов В.В.

«Ну вот и я смиряюсь»: письменное общение Е.В. Балобановой
с Н.Н. и С.Ф. Платоновыми

134

Научное издание

НАУКА И БИБЛИОТЕКА.

Сборник научных трудов. Вып. 12

Выпускающий редактор *Р.Н. Ненашев*

Оригинал-макет *А.В. Ухваловой*

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-03

Подписано в печать 24.03.2025

Формат 70 × 108 ¹/₁₆

Тираж 300 экз. (1-й завод 100 экз.)

Печ. л. 10,5 (477,2 тыс. зн.). Заказ № 41

Отпечатано в ОПП БАН

(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., д. 1)